

АРТ

6+

Содержание

Точка зрения

Н. Новикова, И. Шпарвассер. Что вы читаете? Что мы читаем? 4

Проза. Поэзия. Литературная критика

А. Шомысова. Пöчлөн керка 12

Ф. Конев. Живи и радуйся. Повесть 17

В. Сумароков. «Возможно, осень...» 62

П. Лимеров. Чудь йбыльсь мойдгяс 67

Жаков. 150 лет

К. Жаков. Биармия 75

П. Лимеров. Поэма о древнем Знании 114

С. Ковальчук. Биармия – место встречи К. Жакова и Я. Райниса 128

АРТпиди

М. Шахова. Сьёлём бердын 139

Арт-факт

И. Можайский. «Мы ставим трагическую историю
о любви и силе зла» 143

С. Екимова, В. Разуваев. Какая песня без баяна 150

А. Котылев. Шестой этаж.
Вольная беседа с Павлом Микушевым 155

Обзоры. Рецензии.

Й. Цыпанов, Ö. Рассыхаев. Коми «Юрган», кодлы юрган? 178

Отчёт о деятельности государственного автономного учреждения Республики Коми, в отношении которого функции и полномочия учредителя осуществляет Министерство массовых коммуникаций, информатизации и связи Республики Коми, и об использовании закреплённого за ним государственного имущества за 2015 год 183

Сыктывкар
2016

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культурология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Министерства массовых коммуникаций, информатизации и связи Республики Коми.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители:

Министерство массовых коммуникаций, информатизации и связи Республики Коми,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

**Руководитель – Новикова Н.М.
Главный редактор – Лимеров П.Ф.**

Адрес редакции, издателя: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136,
тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru, www.artlad.ru

© Журнал «Арт», № 2 (75) 2016 г.

Подписано к печати по графику 13.05.16. Фактически 13.05.16. Дата выхода в свет 31.05.16.
Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж – 1200 экз. Заказ - 3215. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов.
Адрес типографии: 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа (©) П. Микушева «Финно-угорское древо».
В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам.
Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йӧздӧтӧм гижӧдӧяс редакция оз рецензируют и авторъяслы найӧс оз мӧдӧд. Редакция оз век во ӧти кывйӧ авторъяскӧд.

Точка зрения

Что вы читаете? Что мы читаем?

Сегодня стоит признать, что россияне читают меньше, чем 30 лет назад, хотя и в советское время читали не все.

По статистике, приведённой одной из десяти ведущих мировых компаний, исследующих книжный рынок, – NOP World – больше всех сейчас читают индийцы, которые тратят на это занятие почти 11 часов в неделю. У россиян этот показатель составляет 7 с небольшим часов, при среднемировом – 6,5. Жителей России опережают также таиландцы, китайцы, филиппинцы, египтяне и чехи.

С другой стороны, в вопросах книгоиздания Россия стабильно занимает четвёртую строчку в мировом рейтинге, утверждает руководитель Российского книжного союза Сергей Степашин.

Так, в прошлом году был абсолютный прирост продаж книг больше, чем на два процента. Такого не было на протяжении 25 лет. Как сообщили на съезде Российского книжного союза, в 2015 году было выпущено порядка 112 тысяч книг и брошюр, что на 0,4 процента больше, чем в 2014 году.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2014 году провёл своё независимое исследование, в котором анализировались изменения картины массового чтения россиян. В опросе приняли участие 1600 человек из 130 населённых пунктов 42 регионов России.

В целом, мы стали читать больше – в среднем 4,55 книги за последние три месяца, тогда как год назад этот показатель составлял 4,23, а в 2011 году – 3,94. Однако оказалось, что наибольшей популярностью пользуются романы о любви – их выбирают

13% опрошенных. О том, что практически не читают книг, сообщили 35% респондентов.

Как обстоит дело с чтением в Республике Коми, решил выяснить журнал «Арт» и узнал, какие книги читают некоторые известные люди нашего региона и почему.

Топ-10 самых читающих стран по количеству часов в неделю по данным NOP World:

10-11 места поделили Венгрия и Саудовская Аравия – по 6 часов 48 минут.

8-9 места поделили Швеция и Франция – по 6 часов 54 минуты.

7 место заняла Россия – 7 часов 6 минут.

6 место. Чехия – 7 часов 24 минуты.

5 место. Египет – 7 с половиной часов.

4 место. Филиппины – 7 часов 36 минут.

3 место. Китай – 8 часов.

2 место. Таиланд – 9 часов 24 минуты.

Самая читающая страна мира, по данным авторов исследования, это Индия, где за чтением книг в среднем проводят 10 часов 42 минуты в неделю.

Сергей Гапликов, временно исполняющий обязанности Главы Республики Коми:

– Для меня книга – не только приятное времяпрепровождение, это возможность оказаться в совершенно другом мире, увидеть его глазами героя и прочувствовать всё, что с ним происходит.

Отдаю предпочтение, прежде всего, русской и зарубежной литературе, которая стала классикой. Из авторов – Фёдору Достоевскому, Николаю Карамзину, Ги де Мопассану, Теодору Драйзеру, Чарльзу Диккенсу. Почему именно эти авторы? Просто для меня очень важно,

насколько красочно, детально автор умеет передать жизнь, образ, состояние героев.

Люблю поэзию, особенно с глубоким, можно сказать, философским подтекстом. По приезду в республику для меня настоящим открытием стал замечательный коми поэт Владимир Тимин. Сборник его произведений лежит на моём рабочем столе, я часто обращаюсь к его творчеству и многое для себя черпаю.

Из недавнего прочитанного очень понравился роман «Монах». Написал его 19-летний англичанин Мэтью Льюис в XVIII веке. Но, несмотря на молодость, автор сумел настолько ярко описать происходящее, наполнить роман такими деталями, что погружение в книгу для меня было очень глубоким. Спокойное изображение аббатства, природы сменяется динамичным сюжетом, в основе которого рассказ о том, как дьявол искушает монаха, доказывая ему, что человек – слаб. И даже пройдя многие испытания инквизиции, в конце концов Амброзио (главный герой) предаёт душу Сатане в тот момент, когда практически оправдан по всем статьям. На мой взгляд, автор, очень реалистично описывая внутреннюю борьбу героя, искушения и душевные муки, выпавшие на его долю, провокации и постоянные раздёргивания со стороны дьявола, показывает нам, как поступать в ситуациях, когда на твоей стороне правда. Независимо от всего идти до конца, отстаивая справедливость, свои убеждения, противостоять искушениям и лжи. Рекомендую прочитать роман.

Если говорить о жанрах, люблю психологические драмы со сложным сюжетом, биографические истории. Можно бесконечно возвращаться к произведениям Пикуля, Толстого, Карамзина, Соловьёва. Нравится изучать разные исторические периоды с привязкой к сегодняшнему дню. Ощущать каждую строчку, раскладывать её на составляющие.

Нравятся приключения и фантастика, книги о путешествиях. Я воспитан на «Двадцати тысячах лье под водой» и «Капитане Немо» Жюль Верна, тяга к приключенческой прозе родом из детства. В моей семье всегда было много книг, в то время их, как правило, выписывали по почте, и эти серии ждали всей семьёй. Первые книги подсказал, конечно, отец. Он был инженером, примером для меня и хорошо понимал, чем и как можно завлечь подростка. Потом лет с 14-ти я начал выбирать книги для чтения сам. Но я очень благодарен родителям за то, что помогли раскрыть для меня мир литературы, сделать её частью моей жизни.

Если говорить про сегодняшний день, в моей библиотеке несколько тысяч произведений. Пополнение происходит по-разному. Зная мою страсть к чтению, многие книги дарят друзья. Как только появляется свободная минутка, сам стараюсь через

Интернет следить за новинками в мире литературы, читаю аннотации, отзывы. Если что-то заинтересовало, стараюсь приобрести.

Если говорить о взаимоотношении с книгами, они складываются по-разному. Бывает так, что книга сразу «цепляет», как это было с «Монахом». День-два по несколько десятков страниц в свободное время, и затянуло так, что пришлось отложить дела в сторону и прочитать историю до конца. Бывает по-другому, когда книге нужно время отлежаться. Начинаю читать, откладываю, возвращаюсь через некоторое время с новыми мыслями, с подходящим настроением. Какие-то книги вообще не ложатся на душу или пробегаются один раз, или вообще откладываются в сторону, занимают место в библиотеке, наверное, время их для меня ещё не пришло, причём есть такие книги даже среди классиков. К примеру, «Мастер и Маргарита». Да, автор интересный. Да, написано красиво. Но, вот как-то не легло... Хотя остального Булгакова читаю с удовольствием. «Собачье сердце» считаю шедевром!

Примерно такое же отношение к современным детективам. За редким исключением эти книги мне не очень интересны, сразу понятно, чем всё закончится. Мало, к сожалению, сегодня детективов на уровне Артура Конан Дойла, чей Шерлок Холмс для меня является планкой, по которой можно определять уровень книги этого жанра.

Для себя я сделал выбор, чтобы расширять кругозор и искать новые яркие впечатления, заряжаться эмоциями, нужно, прежде всего, читать классическую литературу. Это как обязательная программа в фигурном катании. Произвольную программу человек выбирает сам, но классическая литература – русская, советская, российская, зарубежная – это основа всех основ.

Алексей Бешкарев, доцент кафедры журналистики института гуманитарных наук СГУ им. Питирима Сорокина, кандидат филологических наук:

– Я читаю параллельно пять-шесть, а то и больше книг. Поэтому назвать одну невозможно. Обычно это что-то из литературной классики (последним из этого разряда был «Подросток» Достоевского), из интеллектуальной фантастики (здесь последним был «Концлагерь» Томаса Диша), а также документальные книги: биографии музыкантов, кинорежиссёров и писателей, исследования по истории киноискусства и т.п. Из этого ряда не так давно прочитал «Романа Поланского» Кристофера Сэндфорда. Кроме того, будучи родителем двоих сыновей, постоянно читаю детскую литературу.

Из последнего могу выделить роман американца Кена Кизи «Sometimes a Great Notion» (название переводят по-разному: «Порою накатывает вдохновение», «Порою блажь великая» и «Порою нестерпимо хочется»). Это писатель, которого чаще вспоминают в связи с романом «Над гнездом кукушки», но тот несколько проще. А про «Sometimes a Great Notion» сложно даже сказать, чем он удивляет: это вроде бы простая история – семейная и разворачивающаяся в захолустном городке – но он ставит сложные вопросы: что считать человеческой силой, а что слабостью, что такое доброта и как так получается, что благие намерения порой приводят к трагическим последствиям. И, главное, этот роман при всей мрачности отдельных событий в итоге

просто безудержно оптимистичный, прямо бескомпромиссно жизнеутверждающий. По крайней мере, я его именно так прочитал.

Считаю, что обязательная для прочтения книга – Евангелие. Это сложно объяснить, у меня даже сомнения не вызывает эта книга. Хотя бы потому, что без неё окажутся немymi и ничего говорящими такие достижения человеческого духа, как мессы Баха, оратория «Христос» Ференца Листа, живопись Джотто и Караваджо, романы Достоевского и «Исповедь» Августина Блаженного, фильмы Тарковского. Потому что на этой книге основываются тысячелетия развития европейского искусства и мораль нашей цивилизации.

Галина Бутырева, заслуженный работник культуры РК и РФ, член Союза писателей России:

– Из художественной литературы в последнее время с удовольствием читала нового для себя автора Анну Гавальду (Франция). Больше всего понравилась повесть «Утешительная партия игры в петанк». Из документальной прозы – «Путевые заметки» сыктывкарского путешественника Сергея Горбунова по Африке. Читала с огромным удовольствием! Из коми авторов – молодые поэты: Татьяна Кирпиченко и др.

Неблагодарное это дело – писать, о чём книга, даже если она твоя... В двух словах не передать. Поэтому проще вас отослать к автору. Может, и вам посчастливится испытать что-нибудь подобное мне – удовольствие от общения с умными людьми, от узнаваемости каких-то ситуаций, происходивших в прошлом и с тобой, от языка писателя. Почитайте – не пожалеете.

Альфия Коротаева, заслуженная артистка РФ, народная артистка РК, ведущая солистка Театра оперы и балета Республики Коми:

– Одна из моих любимых – книга Яни Антона Валентиновича «Вера Холодная. Первая любовь российского кинозрителя».

Эта книга посвящена творчеству первой русской кинозвезды Веры Холодной. За свою недолгую жизнь она успела сыграть множество ролей, которые принесли ей славу и любовь зрителей. Автор рассказывает также об актёрах, режиссёрах и продюсерах, с которыми довелось работать Вере Холодной. О первых значительных достижениях отечественного киноискусства.

Также могу особо отметить роман одного из крупнейших японских писателей Ясунари Кавабата «Мастер игры в го». Это самый известный роман этого выдающегося писателя. В книге за страстью к игре стоят реальные персонажи и события. В этой неожиданной и глубокой книге автор рассказывает о легендарной партии игры в го, которая состоялась в 1938 году и была описана в газетных репортажах. Для непобедимого мастера Сюсяя Хонинобо XXI эта партия стала последней. Этот роман Ясунари

Кавабата, лауреата Нобелевской премии по литературе, оставил неизгладимое впечатление, и я рекомендую его прочитать всем, а не только читателям, которые интересуются японской литературой.

Анна Чуракова, генеральный директор Коми республиканской типографии:

– К сожалению, мой выбор книг будет не так интересен. Я, в последнее время, читаю либо бизнес-литературу, либо книги о Республике Коми, людях нашего региона и т.д. Две последние книги, которые я прочла:

1. Ошибки топ-менеджеров ведущих корпораций. Сидни Финкельштейн.

Она о провалившихся начинаниях: истории о неудавшихся проектах, которые были хорошо просчитаны и были обречены на успех, и причинах их крушения. О том, почему неправильно оценивают действия конкурентов и выбирают «нера-

циональные» стратегии.

2. Удивительная республика Коми. Это уникальное издание, в котором очень простым языком коротко, но достаточно описаны самые удивительные факты про Республику Коми. Я для себя узнала массу всего нового, и мне захотелось посетить несколько мест, о которых я вообще не знала. Хочу увидеть валуны правильной круглой формы, посмотреть вырытый ещё по приказу Екатерины рукотворный канал, хочу увидеть фонтаны, бьющие прямо из-под земли... Вот эту книгу рекомендую прочитать всем!

Прочую литературу читаю нечасто. Последний раз, где-то полгода назад, пока была в отпуске, прочитала серию книг Панова: Тайный город. Это фэнтези, где переплетена реальная жизнь Москвы с параллельным миром магов. Мне было интересно, т.к. я много лет прожила в Москве и, когда вижу какое-то здание, вспоминаю, что это, по версии автора, всего лишь морок, который на обычных людей напускают маги.

Валерий Козлов, председатель совета МО ГО «Сыктывкар»:

– Сейчас я читаю книгу Мартина Гилберта «Черчилль: биография». Мне всегда нравились мемуары, из деталей частной и общественной жизни складывается образ, который позволяет оценить масштаб личности и увидеть человеческие черты. Мартин Гилберт не только собрал и обработал факты из жизни легендарного Черчилля, но и создал увлекательное произведение. Фигура Черчилля привлекает своей неоднозначностью и масштабом. На мой взгляд, мемуары лучше всего позволяют прочувствовать дух эпохи.

Недавно с семьёй побывали в музее Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина в Кирове. После этого вновь перечитал его «Историю одного города». Это как раз та книга, которую, вероятно, я мог бы рекомендовать.

Она уникальна тем, что с каждым прочтением открываешь для себя какие-то де-

тали, на которые раньше не обращал внимания. Салтыкова-Щедрина можно перечитывать бесконечно и каждый раз находить аналогии с современными событиями и ситуациями.

Ольга Сосновская, заслуженная артистка РФ, народная артистка РК, ведущая солистка Театра оперы и балета Республики Коми:

– Очень люблю читать польского писателя Януша Вишневского. Одна из моих любимых книг, которую бы я посоветовала прочитать всем (и мужчинам, и женщинам), дебютный роман польского автора. «Одиночество в сети» – это бестселлер, по которому сняли фильм, побивший все кассовые рекорды. После этого романа Вишневский стал моим любимым писателем, и я прочитала практически все его произведения. Автор романа потрясающе чувствует и передаёт психологию женщины, прекрасно понимает её, несмотря на

то, что он мужчина. Януш Вишневский – химик по образованию, имеет дело с элементами и реакциями, и он удивительно точно понимает любовь и умеет о ней так проникновенно писать. Мне очень импонирует, как необычно сказал о себе сам Вишневский: «Господи, помоги мне стать таким человеком, каким считает меня моя собака...». Очень хотелось, чтобы книгу «Одиночество в сети» обязательно прочитали все женщины.

Очень люблю Антона Павловича Чехова и при каждой возможности с удовольствием читаю его произведения, особенно драматургию и рассказы. Каждый рассказ Чехова – это отдельная история, в которой автор на нескольких страницах успевает рассказать всю жизнь, художественный мир каждого рассказа Чехова не уступает роману. Его рассказы – это новеллы, полные тонкого юмора и лиризма, их отличают необычные «говорящие» детали. После прочтения чеховских рассказов у меня остаётся ощущение недоговорённости, неисчерпанности тайны жанра. Рассказы Чехова я порекомендовала бы всем читателям, думаю, что каждый найдёт в них что-то своё, интересное для себя.

...

Слова Максима Горького «любите книгу – источник знаний», сказанные почти столет назад, обрели в современной России новую актуальность.

Сегодня Интернет – наиболее удобный источник информации, и именно его законами определён круг наших интересов. Вы, вероятно, и сами ощущали, как любое более или менее серьёзное чтение постоянно прерывает необходимость проверить социальные сети или новостную ленту. Длинные книжные истории не вписываются в ритм современной жизни. Интересы человека сужаются, ему уже не до того, чтобы думать о вечном.

Социологи называют это «трагедией горизонтов».

И здесь есть над чем задуматься. Да, всемирная паутина – удобный канал получения информации, но всё же источником знаний по-прежнему остаётся книга.

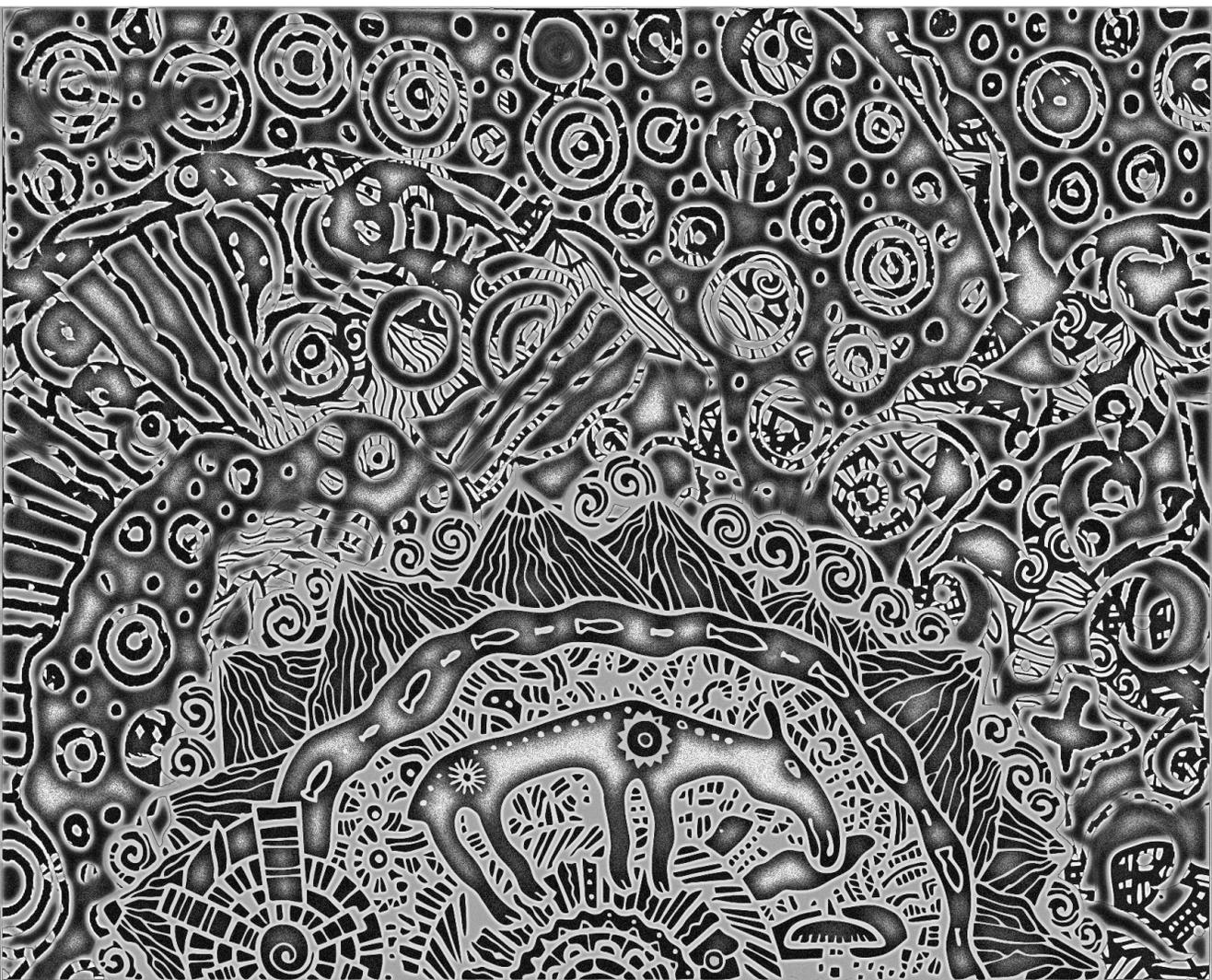
Книга учит человека думать, сопоставлять факты, делать выводы. Сегодня, когда общество стало абсолютно разобщённым, когда мы не знаем своих соседей в лицо, чтение книг, может быть, единственная возможность почувствовать себя частью одной культуры, частью единой страны.

Опрос, проведённый журналом «Арт», ещё раз подчёркивает огромную роль книги в жизни человека. Возможно, кто-то после прочтения этого материала захочет последовать советам наших экспертов. Возможно, кто-то спасёт чью-то личную библиотеку, приготовленную для переезда на свалку. И, возможно, скоро настанет такое время, когда вопрос: «Что вы читаете?» будет произнесён не с удивлением, а неподдельным интересом.

***Нина Новикова,
Инесса Шпарвассер.***

Проза. Поэзия. Литературная критика

Алёна Шомысова

Алёна Шомысова чужис 1986 воё Кулөмдін районса Скөрөдүм грездын. Помаліс Сыктывкарса государственной университет, коми филология факультет. Лэдзис «Дзар» (2011), «Чөв!» (2012) да «Юрсигусь бордъяс» (Эстония, 2014) небөгъяс. Уджалө Ю.А. Спиридонов нима «Коми Республикаса Юралысь бердын искусство гимназияын» коми кыв да литература велөдысьён.

Нөрлөн керка

Чөрс

Важ ковтөм көлуй лөскө* талун каті,
И баблөн чөрсыс ки улө мен сюри.
Сэк дум вылам пыр воис сійө кадыс,
Кор печкөм сайын рытыс баблөн тюрис.

Гөрд джоджын чөрсыс чожа йөктіс-шургис
Да мургис кудель печкысьяслысь сьылан.
И шойччысь кань моз лөсьыдысла кургис,
Кор артмөм шөртсө быдмаліс ас вылас...

Кузь олөм чөжыс бабөн печкөм шөртыс
Ас нэм кузьтаыс, йитны кө, оз ло мөй?
А гашкө, бабөй збыльысь печкис-пөртис
Чөрс вылас гартчысь шөртас ассьыс олөм?

Но өні сьлөн чөрсыс лои ковтөм
И мудзөм төв моз другысь быттө раммис.
А уджавтөгыс сійө быттө ловтөм,
Өд печкынысө некод нин оз сяммы.

Но чөрслөн швыргөм юрам век на кылө,
Чус** кодкө водзө лоан кадсө нөдө
И менсьым да и йөзлысь олөм-вылөм,
И, кодлөн мыйта лоө, водзвыв төдө.

А гашкө, тайө чөрсыс – ота ылдөс,
И Енкөлаыс бергалө сы гөгөр.
Но кытшсө артавны оз судзсьы лыдпас,
Дай некод оз куж Енкөлаысь өтдор.

Но эм-ө кодкө Енкөласө кутысь,
Код сылысь нэмсө водзвыв аддзö-тöдö?
А гашкө, сійö збыльысь артмис чутысь
Да помтөг содö ыджыд-ыджыд öдөн?

Дзик вермас лоны, Енкөлаыс коркө
Друг чинас да и пöртчас кöдзыд руö.
И миянлөн му вылысь олөм торкас
Да нуас кадсö аскöдыс съöd гүö...

Морт бöрын векджык көлуй-эмбур кольö,
Но вöдитчысьтөг олөмныс тшöтш орö.
А бабöй йылысь öнi меным дольö
Важ чöрсыс юрам ловзьöм шурган горөн.

И менам, гашкө, коркө нучка лоас,
Но оз нин кывлы печкан чöрслысь шургöм,
А баблөн керкаö кө коркө бытьтö воас,
Чöv-лөнныс сылы мöд ног воссяс-юргас.

* Лöс – чардак.

** Чус – бытьтö.

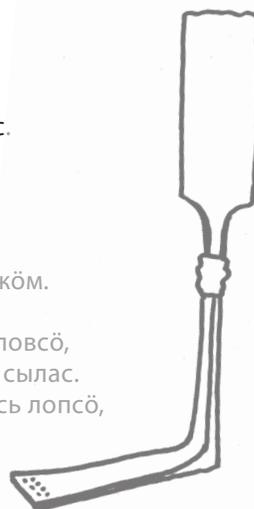
Merkan

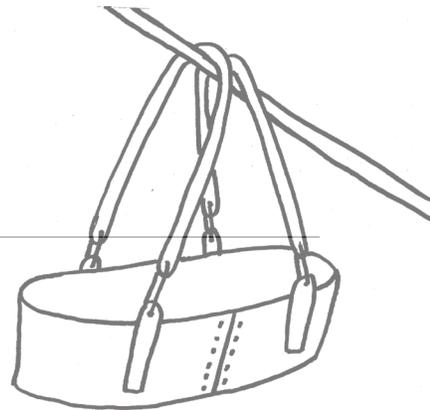
Пöчöй надзöник öшиныс водзын печкö-печкö,
Кужысь чуньяснас кыскö кудельсьыс вöсни сунис,
Бытьтö шондiсьыс тöвся ывлаыс югөр пычкö,
Медым шонтыны сиктса войтырöс кöдзыд лунас.

Тайö печканыс, кöнкö, нэм сайын кымын чужис,
Пöрысь пöчöй на сыкöд рытпуклис пеша водзас.
Пöчлы мамсяныс тайö печканыс коркö вуджис,
Баба рöдныслысь печкан киподсö медым видзас.

Лоптыс кадысла ёна чусмöма, бытьтö öбраз,
Посни чукыръяс сайын руын моз тöдчö чужöм:
Гашкө, пöчöлөн пöчыс олөм помасьöм бöрас
Сэтчö кольччис, мед тöдны, бура-ö вужьясис кужöм.

Пöчлөн нылыс эз чужлы – некодлы видзны удж ловсö,
Дзикöдз печканыс воймис – тайкö лöс пемыдын сылас.
Но быд аддзысьлиг, сылысь кор малышта сарөгöсь лопсö,
Бытьтö пöчлысь чукырöсь бан боксö киён кыла.

Потан

Рудзөг рёма потан
дзуртан лайкан помын
катликасьё-легё,
быттьё ветки пыж.
Потан-пыжсё кыскё
гыяс-вояс вомён
нэмөвöйся вөтлөн
гумыльга кодь кытш.

Тайö вöтыс кывйөн,
Важся пöль-пöч кывйөн
лайкан пукöд дзуртö
кагаыслы мөйд.
Тайö вöтыс тывйөн,
кодзув сера тывйөн
Енкöласьыс öктö
ыджыд мөвплысь войт.

Кагаыслы мөвпыс
сьөлөм шөрöдз сөдзö,
разалö лов пасьта
пöль-пöч кывлөн вын.
Сöмын воысь воö
потан-пыжыс öддзö,
кытчöдз важся вөтлөн
помöдзыс оз сын.

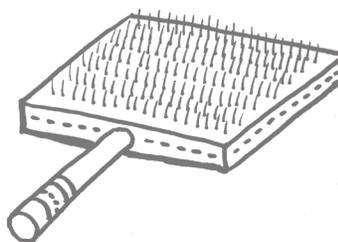
Джодждöра

Джодждöра пансигөн кодлыкö гөрддзасьö туй,
Став дöра вöньыс йитчöны öтувъя серö,
Быттьöкö нэмъяс пыр чукльöдлысь некымын ю
Кыöны олөм подувлысь тыдавтөм сюрöс.

Стан улын джодждöра нюжалö – визь бöрся визь,
Топöдö-содтö войвывса мусерлысь рöмсö:
Мугöмгöрд кыа да ытшкөм туруна видз,
Пожöма яг да войся енэжлысь сьöмöс.

Джодждөра эштө, и вольсасьө керка пос
 Выль серакотша да гөрөдөсь векни туйөн.
 Сы вывтi тувччалө кага, и олөм-ю моз
 Визьяссө вуджө, быттьөкө гыяс пыр уйө.

Верстяммө морт, и джодждөра содтөг оз ов.
 Тыдавтөм ордымөн водзвылас тюрө-туө.
 Кытөнкө – сконъявлө, кытөнкө – кыпөдө лов,
 Олөмсө мортыслысь, сунистор быттьө, нуө.

Нистан

Пөчкөд бара на шырам баляөс карта водзын,
 Тэчөм вуруныс юра кымөрөн быдмө дозьяс.
 Он и казявлы, кыптас сынөдас енэж соддзын.
 Но ме бөр сийөс личка-топөда дзескыд поэьяс.

Төвся асылө унмөй палялас дзижган шыысь:
 Вөсни тувьяса нистан мольөдө дзугсьөм вурун,
 Быттьө сьөкыда куртө вутшкөссьөм кушин вылысь
 Тшөкыд пиньяса куран – төлалөм-косьмөм турун.

Нистөм вурунсө пөчөй газетьяс вылө тэчө,
 Сэссия топөдөм могысь вылысас улөс пунктө.
 Сёысь видзөдла луннас, вуруныс кор нин лэччас,
 Кыдзи тулыснас помтөг виччыся гарьяс туктөм.

Нистан саялас джаджйө, уджыс кор пөчлөн эштас,
 Пондас артавны водзө лун-войсө ыжъяс шыртөдз.
 Артмөм вурунсө керка пельөсө пөчөй вештас,
 Медым шойччөдны өти чукөрын печкан пырттөдз.

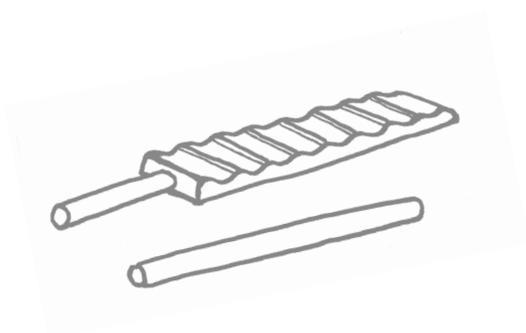
Сера палич

Кадыс вөрзёддө ваяс калич,
Медым лэбодны нэмъяс вомён,
Быттьö гранкиа сера палич
Разьö шылялём дёра пома.

Воссьö водзвылын войтыр олём,
Сійöс чукльöдлысь юөн нуö
Миян пöльяслөн ыджыд колём:
Лоны вынаён чужан муын.

Сöмын юыс тай öнi ямö
Либö воргасö ассъыс вежö.
Тадз и миянлөн сямыс раммö,
Да и важыскöд мунам вежөн.

Сера паличөн öнiя кадыс
Мырдөн быгыльтчö миян мывтi, –
Со и рузмунö олан ладыс,
Мыджтём чипас моз муö гывдö.

Фёдор Конев

Фёдор Егорович Конев, сценарист, писатель. Уроженец с. Мужы, живёт в г. Минске.

ЖИВИ И РАДУЙСЯ

повесть

Оленёнок

Он появился на свет три дня назад, стоял на тонких, ещё зыбких, нетвёрдых ногах и смотрел с таким любопытством, что Никите смешно стало, и он фыркнул. Никто на него прежде так не смотрел, потому что не был он невидалью, а обыкновенным деревенским мальчишкой, уже успевшим намозолить глаза всем соседям. Непоседливости в ту пору было в нём сверх меры, на месте минуту не стоит, а тут уставился в глаза оленёнка и оторваться не мог. И тот тоже...

– Что он на меня так смотрит? – спросил Никита маму, проходившую рядом.

– Он с тобой дружить хочет, – ответила она.

Наивная мордочка оленёнка прямо-таки излучала интерес к жизни. Он родился в радости, полагая, что ему тем же ответит мир, в котором оказался. Никита с ним дружил с весны до осени. Сосед, бывший оленевод, держал во дворе самца и двух важенок. Вот одна из них и оте-

лилась. С новым другом Никита встречался каждый день, делился своим пайком хлеба и давал полизать с ладони соль, которая была в то послевоенное время на вес золота. Но оленёнок очень любил посолониться.

А в конце осени, по долине реки проходило по обыкновению мимо села оленьё стадо, возвращаясь с моря в тайгу, и подростшего оленёнка хозяин отдал пастухам.

Никита его тут же потерял из виду, его друг слился с тысячеголовой серой массой, бредущей по плоскому льду реки. Может, и оглядывался, чтобы ещё раз увидеть Никиту, но уже не побежать было назад, бездумное стадо влекло его вперёд под лай собак. На снегу осталась разрыхлённая множеством копыт полоса, Никита её видел с крыльца ещё несколько дней, но потом позёмка выровняла речную долину.

Никита знал, какая жизнь ожидала его друга, – многодневные каслания от тайги до Карского моря через всю тундру, со-

рокоградусные морозы, летние полчища гнуса и овода, тяготы в санной упряжи под ударами хорея и конечное обречённое ожидание в загоне среди других себе подобных, отобранных на убой.

Хозяином его был Сём Вань, живший по соседству, за изгородью, в крохотной избушке. И Никита этого хлопотливого мужичка люто возненавидел, потому что тот разлучил его с другом. Невольно стискивая кулачки, Никита спросил Сём Ваня:

– Зачем отдал?

– Уезжаю. На кого оставить? – ответил тот, кивая на оставшихся оленей. – Этих забью. Мясо в сельпо сдам. Деньги нужны на дорогу.

Поодаль стояли олешки и прислушивались к разговору, будто догадываясь, о чём идёт речь. Но к тому, что говорил хозяин, они относились смиренно, потому что понимали – от судьбы не убежать. Олени самые понятливые животные, оттого глаза их такие печальные.

– Не томись, паря, – добавил сосед, догадываясь о переживаниях Никиты. – В тундре ему хорошо будет. Побегает среди своих. Хоть волей подышит.

Выходит, Сём Вань оленёнка пожалел, оставил ему жизнь, а Никита готов был отомстить за друга. Правда, ещё не решил – как. И эту затею тут же забыл.

Оленёнка давно нет, так долго эти милые существа не живут, но он остался в памяти Никиты Егоровича. Если бы оленёнок знал, что на старости лет друг вспомнит его ради собственного утешения, то очень довольным остался бы, как бывал доволен, когда слизывал с его ладони крупчатую соль.

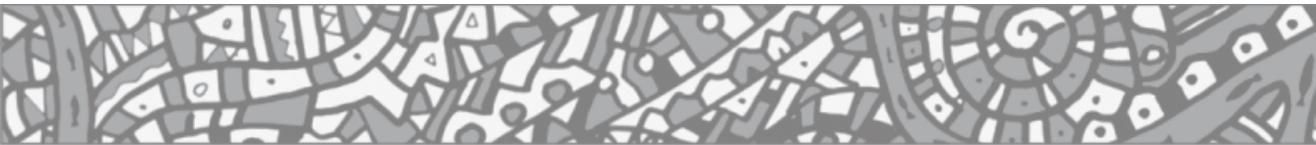
Сём Вань

Где же, от кого и когда Никита Егорович Мехов услышал эту фразу – «Живи и радуйся»? За годы жизни выпало на его

долю множество знакомств, но что-то не припомнится тот, кто умудрился бы сказать всерьёз эти слова. Дружья и приятели уж точно не могли умилиться до такой степени, к жизни относились придирчиво и вечно чем-то были недовольны. А для этого совета нужно много не замузнённой наивности. Потому, догадывался Никита Егорович, непременно за этими словами стоит кто-то из тех, что населяли его детство. Ровесники не в счёт, тем было не до философий, хватало мальчишеских дел и на реке, и в тайге, что зимой, что летом. Кто-то, должно быть, из старших поучал. И любопытно стало – кто?

Теперь, когда Никита Егорович и сам постарел, живут давно ушедшие земляки в глубинах его памяти смиренно, не жалобой, ни упрёком не тревожа, но с тем достоинством, с каким замирают в ночной темени портреты на стенах картинной галереи. И усердный сторож, настороженно идущий по гулким залам с фонариком в руке, случайно и вдруг высветит лицо, Бог весть когда запечатлённое кистью художника, и глянут на стража пронизанные чувством глаза, будто и нет тлена, будто не всё в этом мире приходит раз и уходит навсегда.

С этими мыслями в непогожее февральское утро Никита Егорович стоял на автобусной остановке среди немногочисленных бедолаг, которых какая-то нужда заставила выйти из тёплых квартир и стыть в промозглой сырости, прячась под капюшонами и зонтиками от мокрого снега. День был субботний, автобусы ходили редко, он уже простоял попусту больше получаса. Возвратиться бы домой да согреться бы душистым чаем, но этот соблазн старательно отгонял, потому что причина предстоящей поездки была неотложной. И как назло ни одного такси не проехало мимо, хотя мог и пропустить, не заметив.

Снегопад плотной пеленой завесил округ, человек появлялся из этой белой мглы чуть ли не в семи шагах, дома угадывались по освещённым окнам, и машины тоже только светом фар выдавали себя, проползая мимо. Прямо какое-то сошествие снега! И длилось так уже минут двадцать.

Как раз в это время и увиделся, выплыв из памяти, Иван Семёнович Беляев, тот самый сосед, хозяин оленёнка, помещному – Сём Вань. Он с мороза вошёл в избу в облаке пара, одетый в малицу и обутый в пимы. Опушка капюшона, брови, усы и борода густо заиндевела, будто Иван Семёнович шутки ради надел стылую снежную маску. Одни узкие глаза светились озорной жизнью и сильно радовались, глядя на Никиту, потому что тот мог не оказаться дома, и тогда Сём Вань очень огорчился бы. У него назрело неотложное дело до парня. Он так и заявил сразу:

– Дело у меня до тебя.

В избушке было жарко, и снежная маска растаяла скоро, открыв широкое лицо, сплошь заштрихованное мелкими морщинами. Сём Вань ловко снял через голову малицу и оказался в суконных портках, заправленных в пимы, и длинной, чуть не до колен ситцевой рубахе, стянутой обычной бечёвкой вместо пояса. Малицу он бросил на пол в углу, где она не мешала, и поздоровался с Никитой за руку.

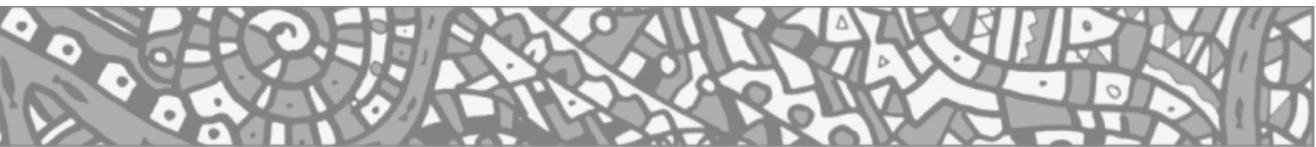
Ему в ту пору было за шестьдесят лет, но это по казённому паспорту, а по природе он и сам не знал, сколько прожил на этой не для всех приветливой земле. Скуластое плоское лицо и узкие, будто понарошку прищуренные глаза сразу выдавали северянина, уж точно не перепутаешь. Был роста не высокого, не крупный телом, но в нём таилось много упругой мышечной силы, будто весь он состоял из

резиновых жгутов, обтягивающих кости. Всю свою жизнь занятый ежедневной тяжкой работой, не накопил мужик ни грамма жира, и вообще не было в нём ничего лишнего, ни в теле, ни в душе. На его тёмном задубелом от ветров и морозов лице выделялись серые детской чистоты глаза с голубоватым налётом, как просини на мгlistом небе. Никита глазам соседа всегда удивлялся потому, что не мог понять, как они сохранились, как не выцвели от всего того, что привелось увидеть Ивану Семёновичу в течение жизни, состоявшей из одних крутых горок, которые укатали бы кого угодно.

Тогда Никита обрадовался гостю и тут же пригласил к столу, благо поспешно засопел самовар, будто совесть проснулась у старухи – гость пришёл. А то ж такая обычно капризная, что семь потов прольёшь, пока раздуешь. Вспомнилось и то, что чай Никита заварил индийский, новую пачку открыл, магазинные конфеты с печеньем выставил, и то не забылось, как пили из блюдец, а о чём тогда между ними завязался разговор, не успело выплыть из памяти. Видение размылось, удалилось в снежную муть. Должно быть, вспугнул его подошедший автобус, который шумно распахнул три пасти, выпустил единственного пассажира, а шестерых всосал в свою освещённую полупустую утробу, недовольно и зло лягнув дверьми, как челюстями.

Не от него ли, не от Сём Ваня ли слышал Никита эти библейского духа слова – «Живи и радуйся»? Никита Егорович, устроившись на заднем сиденье, прикрыл глаза, чтобы ничто не мешало памяти.

А ведь и впрямь – не встречался больше на земных дорогах другой такой тип, который додумался бы утешить стонущего от боли Никиту таким пожеланием – «Живи и радуйся!». Ясно увиделось,

как это было, как Сём Вань поднял кверху кривой, не гибкий в суставах указательный палец, а живые неунывные глаза стали строгими, как у судьи, который выносит приговор. Позже Никита убедился, что слова эти всегда были при Сём Ване, далеко за пазуху не лез за ними, выдавал при случае, как непреложную истину, с которой спорить не смей.

Но тогда уж очень некстати показались они, потому что Никита час назад, катаясь на лыжах с крутой горы, вывихнул ногу, она распухла в щиколотке и так саднила, что кричать хотелось. Чему ж тут радоваться? Мать побежала в больницу за фельдшером, а сосед узнал от неё про вывих и явился утешить.

– Так написано, – добавил он, чтобы Никита не сомневался, что истина подлинная, а не какая-нибудь прибаутка.

Конечно же, сосед понимал, что Никита в печатном слове не усомнится, книгочей знатный, – вон сколько книг на этажерке! – и ему тут же придёт облегчение. А сам он при этом откинул край одеяла и стал рассматривать повреждённую ногу, причмокивая губами, словно ему было в удовольствие смотреть на вывих.

– Где написано? – спросил через силу Никита

– В одной книге, – ответил Сём Вань, не отрываясь вниманием от ноги.

– И что это за книга?

– Есть такая, – ответил сосед, поглаживая шершавыми ладонями щиколотку.

– И что там ещё написано?

– А ничего.

– Только эти два слова?

Сём Вань ухватился руками за стопу и как дёрнет. Никита как вскочит, как заорёт. А потом чувствует – зря вопит. Боли никакой нет. Вставил Сём Вань сустав на место.

– Только эти два слова, – ответил довольный сосед, – «Живи и радуйся».

– Что это за книга из двух слов? – не верил Никита, поглаживая ногу и удивляясь тому, как всё прошло мигом и стало легко. – Дуришь меня, дядь Вань?

– Не дурю, – серьёзно ответил Сём Вань.

– Сам видел?

– Сам.

– И прочитал сам?

– Прочитал.

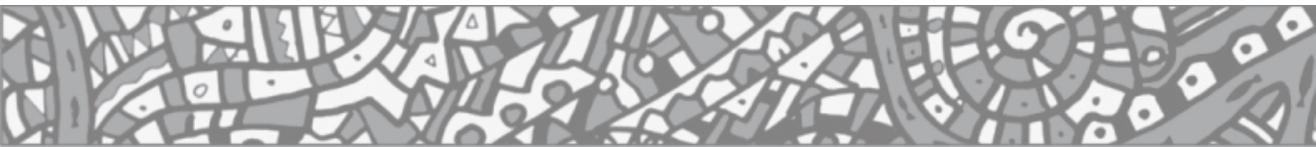
Никита доподлинно знал, что сосед неграмотный, вместо подписи тамгу ставит. Сдерживая улыбку, Никита посмотрел на него, но тут же понял, что дальше спрашивать ни о чём не надо. Сём Вань сильно расстроился, что Никита ему не верит, и даже засобирился домой.

– Не уходи, – попросил виновато Никита. – Сейчас мама придёт, чаю попьём. Не уйдёшь?

Тогда он остался, а теперь ушёл из памяти, не захотел ещё побыть со старым приятелем.

Нынче с раннего утра Никита Егорович оказался в автобусе не по радостному случаю. Неделью назад сердце чего-то расшалилось, жена вызвала «скорую», а та отвезла в кардиологическое отделение, где стали Никиту Егоровича усиленно лечить. Через неделю на выходные сбежал домой, чтобы надышаться привычным уютом, по которому сильно соскучился, и теперь надо было успеть в палату, пока лечащий врач не пойдёт обходом. Страсть, как не хотелось выходить из дому, но жена, неутомимая в хлопотах его Дарья Алексеевна, со слезами уговорила, чтобы выдержал срок, оставался в больнице, пока не выпишут.

Она, сама бывшая медичка, свято верила в силу медицины, и скажи ей, не поняла бы, что болен Никита Мехов не телом. Врачи, правда, раскопали в его организме разные хворобы – гипертензия, ишемия, стенокардия, тахикардия,

и печень барахлит, и сосуды чего-то не того. Букет болезней, прямо-таки полная икебана! Но в его годы быть вполне здоровым как-то даже неприлично. Это, во-первых. А во-вторых, дело не в них – он-то знал! – дело, не в этих хворях. Только, чтобы не огорчать жену, согласился Никита Егорович вернуться в больницу, полежать ещё под капельницами, поглотить пригоршнями лекарств, а так бы ни за что не поехал, будь его воля.

Жена, недоверчивая Дарья Алексеевна, собралась сама проводить до места. Мол, найдёт благоверный какую-нибудь причину и вернётся назад, шустрый он больно на увёртки. Скажет, автобусы не ходят. Или не успел до обхода, мол, а врачиха так разозлилась, что выписала подчистую. У них, мол, строго. Хочешь лечиться – лечись, не хочешь – катись. Но Никита Егорович восстал против сопровождения. Никита Мехов своей Дарье Алексеевне не супостат, она и без того простужена, её кашель бьёт, а он позволит ей разгуливать по улице. Пришлось свой мужской характер показать – нет, мол, и всё тут. А то не пойду, мол, растянусь на диване, попробуй поднять. Убоялась, что силёнок не хватит, осталась дома.

Так что его неотложным делом было на это утро – успеть в больничную палату к сроку. Вот теперь и тряся в полупустом автобусе, не сомневаясь, что не в хворях дело. Не понимает того лекарша Дарья Алексеевна – не в них. И хвори сидели бы, как кусачие собаки на короткой цепи, когда бы не было главной причины. Ещё недавно был Никита Егорович старичком-бодрячком. Ну, не походил, конечно, на раскидистый дуб, а скорее – на пень от него, так ведь какой ядрёный, какой прочный пень – узловатыми корнями жадно ухвативший землю, так что никакой силой не вырвать, казалось.

Но вдруг, будто в одночасье всё пошло вразлад, и почувствовал бодрячок себя квашнёй, выбился из формы, расплылся, раскис, сам себе стал противен. Докатился до сердечного приступа, до «скорой помощи».

Автобус плыл в белой мгле, как по дну мутного водоёма, да вдруг выскочил на свет белый. Никита Егорович даже невольно оглянулся, снегопад остался позади плотной стеной, как занавесом перегородив улицу. Бывает же! А по эту сторону было сухо, тротуары и улицы, очищенные от снега, серели асфальтом, а скудный снег лежал только под вытянувшимися в ряд деревьями. Нынешний февраль выдался бесснежным.

Оттого, что за окном автобуса погода поменялась, на душе не посветлело. Жизни без неприятностей, неудач и огорчений не бывает, так уж с начала века заведено. Несёт человека порожистая река, у которой перекаты каменисты, так ведь и плёсы долги. К житейским неудачам Никита Егорович относился терпеливо, как пришли, так и уйдут. И причиной нынешнего уныния были не они. Никита Егорович всегда утешал себя тем, что какой бы долгой ни была ночь, утро всё равно наступит. И ведь настаёт!

На нужной остановке Никита Егорович вышел из автобуса и направился вдоль железной ограды, за которой стояло длинное пятиэтажное здание скучной постройки пятидесятых годов прошлого века, добрался до калитки и прошёл в него. Глянув на часы, убедился, что прибыл вовремя, так что приятно будет сообщить по мобильнику сердобольной своей Дарье, какой он послушный и обязательный, прямо образцовый муж.

Перед тем, как пройти в здание, на последней верхней ступени крыльца Никита Егорович оглянулся и поднял взгляд. Ему увиделось ясное небо без единой

тучки, оно показалось таким свежим и помолодевшим, словно уже скинуло зимнюю отрешённость и ожило приветливой голубизной. «Живи и радуйся!» – вспомнил он снова заветные слова Сём Ваня, которые вызвали печальную улыбку.

По ступеням, шумно переговариваясь, поднималась группа молодёжи, должно быть, студенты-практиканты. Никита Егорович стоял на их пути, потому поспешил нырнуть в утробу больницы, а Сём Ваня остался по ту сторону двери, в своём времени, в далёком прошлом.

Молодёжь устремилась по широкой лестнице на верхний этаж, а Никита Егорович ступил в лифт и нажал на кнопку. И в маленьком, наглухо замкнутом пространстве вдруг почувствовал, как всё его существо, все жилы и каждую клетку тела сковала тягучая и липкая лень. Она будто тестом облепила сердце, окутала туманом мозг, усмирила чувства, отчего наступало полное безразличие ко всем и ко всему. Ему не хотелось, чтобы лифт остановился, чтобы распахнулись дверцы, не хотелось возвращаться в мир, в котором копошатся в хлопотах люди, ищут, добиваются, ловчат, завидуют и хотят, хотят, хотят. Он тоже ведь чего-то хотел, подобно стайеру бежал и бежал по дороге жизни, думая, что бег его осмысленный, направлен к цели. Теперь ему расхотелось бежать, стало лень. Скрипучий лифт возносил его вверх. Никите Мехову подумалось, что лифт не остановится на пятом этаже, а пойдёт дальше. И там, на недостижимой высоте, он развалится, а Никита Егорович повиснет в невесомости и увидит внизу земной шарик, похожий на гирию, к которой он был прикован. И он почувствует, как легко ему станет, как вольно...

– Ага, размечтался! – возник в голове его чей-то насмешливый голос, не собственный.

– Чего тебя не устраивает? – огрызнулся Никита Егорович.

– Освободится он! Ха!

– А что, и там нет свободы?

– От чего? От себя что ли?

Однако лифт остановился на пятом этаже, где находилось кардиологическое отделение. Никита Егорович направился по коридору в свою палату, с досадой спрашивая себя, что это с ним было минуту назад, о какой свободе он бредил. Уж не считает ли неволей то, что жизнь продолжается? Совсем уж чего-то ум за разум заходит.

В палате

Все обитатели палаты оказались на своих кроватях, ждали лечащего врача, Ларису Александровну, красивую блондинку лет тридцати с чувственными свежими без помады губами. Никита Егорович не сомневался, что в обычной жизни была она и смешливой, и озорной, но в белом халате держалась солидно, была серьёзной до невозможности, и это явно тяжело ей давалось. Никита Егорович с трудом сдерживал смех, когда она, сидя рядом на кровати, измеряла ему давление стетоскопом и потом говорила строгим поучительным голосом:

– Вот видите, уже лучше. Давление мы сбили. До завтрака пройдите по коридору от конца до конца семь раз быстрым шагом. Если почувствуете боль в груди, отдохните и подойдите ко мне. Хорошо? После обеда – узи сердца. Не забудете?

Никита Егорович смотрел на её продолговатое нежное лицо и представлял, как она смеётся рядом со своим парнем, как озорно скачет в танце в дружеской компании, как бежит вниз по лестнице в коротком платьице, помахивая белой сумочкой. Обручального кольца на безымянном пальце не было, значит – не

мужняя, но едва ли одинокая, потому что много было в ней довольства. Всё её тело, лицо, глаза говорили только о том, как хорошо Ларисе Александровне жить на свете. Счастливым человеком излучает тепло вокруг себя, Никита Егорович не раз это замечал. Сколько раз в жизни и сам был счастлив, и тогда окружающим его людям было уютно с ним, он это чувствовал.

Больные ещё не успели надоесть Ларисе Александровне, и она к ним относилась внимательно. Правда, иногда подопечных слушала сквозь свои какие-то хорошие переживания, и едва ли жалобы их доходили до её сердца. Да и нужно ли врачу чужую боль воспринимать так уж остро, важно правильно лечить, разбираясь в болезни. На всех сердца не хватит. Понимая это, Никита Егорович ни на что не жаловался, а всё больше старался с Ларисой Александровной шутить, но она не поддерживала легкомысленный тон.

Кроме Никиты Егоровича в палате обитали ещё трое сердечников. Мужчина лет пятидесяти, сильно похожий на бобра, назвался Сергеем. Маленький, пузатенький, майка короткая, штаны спортивные приспущены, и низ пуза всегда голый. Его круглое щекастое лицо сохраняло одно и то же выражение покоя и полного самодовольства.

Этот человек крепкими, крупными зубами постоянно грыз яблоки и читал книги, которые приносила жена. Жена такая же полненькая, круглолицая, с тугими, как мячики, щеками. Редкой похожести парочка, будто из одного теста колобки. Временами Сергей доставал блокнот и что-то подолгу записывал, отрываясь только на то, чтобы взять с тумбочки яблоко и хрустко откусить большую долю, во весь рот.

Потом выяснилось, что он какой-то научный работник, занимается социоло-

гическими исследованиями, о которых в подробности не пускался. Зато однажды что-то нашло на него и он живо стал рассказывать, как служил в десантных частях, как страшно было поначалу прыгать с парашютом, но человек ко всему привыкает, и потом он вываливался из самолёта совершенно спокойно. Иногда прыжки снятся ему.

Общих разговоров в палате происходило мало, сердечники были сосредоточены на своём самочувствии и держались отстранённо друг от друга, прямо-таки в духе времени. Рядом с научным сотрудником, пожирателем яблок, занимал кровать молодой парень, но вскоре он выписался, а его место занял щупленький, сутулый и тихий даже в походке лет семидесяти мужичок. Никита Егорович долго гадал, чем этот человек занимается в жизни и склонился к мысли, что новичок, скорее всего, преподаёт в школе, к тому же в начальных классах. Но оказалось, что с молодости и до сих пор служит кладовщиком на какой-то фабрике. К лечению он относился очень обстоятельно, после каждой процедуры говорил с явным удовольствием:

– Вот и укол сделали.

Или:

– Вот и капельницу приняли.

А то уходил куда-то, но обязательно отмечал, возвращаясь:

– Вот и кардиограмму прошли.

Конкретно никому не адресовал свои слова и ответа не ждал, а тихонько, обстоятельно, без суеты располагался на кровати и разворачивал газету. Но однажды его тоже прорвало, как научного сотрудника, и он начал говорить о том, как не раз пытался навести порядок с документацией на своём предприятии.

– Всего месяц работы на компе, – сказал кладовщик с таким видом, словно никак не мог пережить обиду. – А директор

не согласился.

– Он что дурак, директор? – удивился третий обитатель палаты, сидя на краю кровати и слепо нащупывая ногами тапочки.

Увидеть их ему было затруднительно из-за объёмного живота.

– Так ведь бардак! – внутренне возопил честный кладовщик, но голоса не поднял, а наоборот снизил до шёпота.

– Ему выгодно, когда непонятно, что куда девается, – объяснил толстяк очевидное. – Накладные переписал, навар.

– Так же нельзя!

– Можно, – уверенно заявил толстяк и поднялся, выловив тапочки. – Теперь всё можно.

Никто ему не возразил, значит, все на своём опыте знали – можно.

Когда этот грузный человек впервые появился в палате, Никита Егорович сразу определил – боцман, и на этот раз не ошибся. Рост под два метра, широкие покатые плечи, тяжёлые кулаки, багровое лицо с крупным носом, белесые глаза навывкате, но главное – раскатистый голос, от рокота которого дребезжали оконные стёкла. В мультиках рисовали пиратских боцманов точно такими. И живот, конечно, не малый штрих к портрету. Как он только носил такой бурдюк?

Этот человек сразу расположил к себе Никиту Егоровича тем, что был лишён всякого притворства – что на уме, то и скажет. Напоминал он этим малого ребёнка, но как позже оказалось, очень капризного и эгоистичного. Если что ему нужно, прёт напрямиком, из рук тарелку выхватит в столовой, на процедуру пройдёт, не замечая очереди, включит свой транзистор во всю мощь и лежит сколько-то, слушает, а потом начинает безбожно храпеть, и приходится выходить из палаты, потому что получается многовато звуков. Всё это он делает без особого намерения, не со

злости, конечно, просто не приходит ему в голову, что кому-то может мешать. Ну, что с него возьмёшь!

Жене он звонил десять раз на дню и всегда начинал разговор с одной и той же приговорки:

– Добрый день, весёлый час, что мы делаем сейчас?

Видимо, жена докладывала, чем она занята, он повторял, кивая, – «одобряю!» – и заканчивал тоже заготовкой:

– Ну, давай, не скучай! Выпей кофе или чай!

Улучив момент, он каждому в палате отдельно рассказал историю о том, как поднялся на пятый этаж и почувствовал, что сердце стало биться с перерывами. Конечно, и Ларисе Александровне поведал. А однажды вместо неё пришла другая женщина-врач, сказала, что заменяет Ларису Александровну, на этот день занятую чем-то. Боцман тут же воспользовался случаем и выдал в подробностях, как с ведром дачных помидор – откуда оно появилось на этот раз? – поднимался по лестнице на пятый этаж, на котором находилась его квартира, и почувствовал, что сердце сильно заколотилось, потом замерло, да снова неровно заметалось, так что пришлось остановиться. С тех пор часто такое с ним происходит.

– Давно аритмия? – спросила женщина.

– Года три, – ответил боцман.

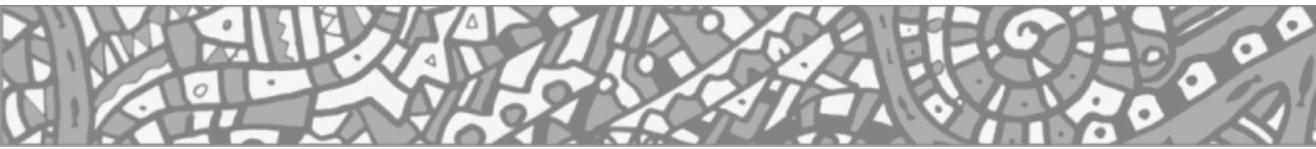
– Ну, так чего с ней бороться? – вздохнула она и перешла к другому больному.

Боцман потом весь день повторял:

– Как это чего?

Только назавтра Лариса Александровна успокоила его, что будет лечить, как положено, и не надо ему тревожиться.

Фамилия боцмана была – Хмельников. Он явно оправдывал её, красные прожилки на носу остались следами многих застолий. Да и о чём бы боцман ни рас-

сказывал, всегда завершал одинаково:

– Ну, и выпили, конечно.

В прежние времена Никиту Егоровича сильно занимали новые знакомства, и он любил заводить беседы, на что обычно люди отзывались с охотой. Человек обо- жаает поговорить о себе родном, особен- но с тем, с которым как встретился, так и расстанется. А с боцманом так уж точно сошёлся бы в согласии, походил бы с ним по морям-океанам, потолковали бы не- мало о морской бытности. Теперь Никите Егоровичу хватило того, что он уже знал о своих соседях по палате, с которыми свела судьба на какой-то срок. Большого интереса не было.

А вот Сём Вань опять вернулся. Он и при жизни приходил, когда ему заблаго- рассудится, в дверь не стукнет. Собствен- но, в селе как-то и не принято было сту- чаться. В окно ж увидишь, да и слышны шаги на крыльце. Понятно, кто-то идёт. Ну, иной раз кашлянут, знак подадут та- ким образом. Да и кто в какие веки гостю не рад был? В Мужах-то, в тогдашних!

Пришла сестричка, ловко ввела иглу в вену и включила капельницу. Теперь лежи себе в неподвижности и думай о старинном приятеле.

По жизненным наблюдениям Ники- ты Егоровича есть люди, на которых с ранних лет и всю жизнь отчего-то злится судьба, как цепная собака. Непрестанно сыплются на них несчастья, будто идут они по жизни под непрерывным камне- падом, который из какой-то непонятной вредности устроила судьба, неугомонная и не знающая усталости.

Так художник сделает карандашный набросок, да найдёт его неудачным, обо- злится и давай стирать ластиком. И воз- никший, было, образ исчезает под его настойчивой рукой, так что и следа не остаётся на чистом листе бумаги. Вот и судьба с тем же старанием изгоняет не-

любого человека, будто его присутствие на свете её раздражает.

Но если художнику без особой слож- ности удаётся справиться с оплошкой, то судьбе иной раз приходится изрядно по- потеть. На долю Сём Ваню выпали многие испытания, не обошли его беды и тяготы жизни. Это несомненно так. Только для судьбы он оказался таким орешком, об который не один зуб сломаешь. И вот что ещё чудно было Никите. Многие люди верят, что от судьбы никуда не денешь- ся, но реального представления об этой особе не имеет, и только один человек в жизни Никиты Егоровича говорил о ней с той определённой, как можно судить о соседке или какой-то знакомой. Скорее всего, именно то обстоятельство, что она была для него реального облика, давала Сём Ваню силы безбоязненно бороться с ней, со злоюкой.

– Рыжая она, – заявил как-то, сильно удивив Никиту, Сём Вань.

– Да с чего решил? – не поверил Ни- кита.

– А какая, если не рыжая? И глаза за- видущие.

– У судьбы? Завидущие?

– А то как же! Она ж безмужняя. А баба без мужика... Понимать должен, уже не маленький.

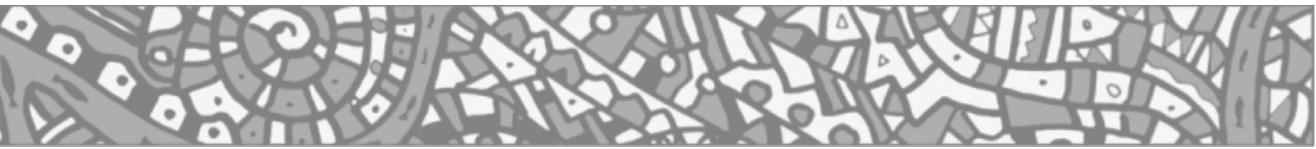
– Так вышла бы замуж, – в шутку пред- положил Никита.

– Не может. Нет у неё главного бабье- го элемента.

И словечко же нашёл! Вообще Сём Вань никогда не матюгался, по крайней мере, при Никите такого случая не было, и то, что сельские мужики смачно и аппе- титно называли, как есть, он мягко опре- делил – элемент. Культура. Куда от неё денешься?

– Откуда всё знаешь, дядь Вань? – не отступал Никита. – Будто видел судьбу.

– А вот и видел.

- Как видел?
- Во сне, конечно.
- А-а, во сне-е...
- Так ведь не раз. Всю жизнь. Как при-
снится, жди подарка.

Никите уже лет восемнадцать было, когда этот разговор склеился, и он до-тошно расспросил о ночной гостье. Грудей нет, выяснилось, выглядела спереди, как подросток, но и сзади ниже пояса тоже не имела никакой выпуклости, плоская была, как доска, лицо рябое после оспы, глаза злющие, какие бывают у сварливых старух, которых всё вокруг бесит, волосы густые, огненно-рыжие, спутались копной на голове, не расчесать.

Этот портрет навёл Никиту на мысль, что Сём Вань не привирает ради баловства, да и не имел он привычку измышлять на пустом месте, так что за ликом судьбы стоит что-то конкретное. В другой раз Никита по хитрому умыслу спросил, кого Иван Иванович боялся в детстве больше всего – лешего, водяного, банника, кикимору болотную...

– Старшую жену хозяина, – аж перебил Никиту Сём Вань, так легко выскочил у него из памяти детский страх.

От старости и болезней первая жена хантыйского князька, в чуме которого оказался приёмышем Сём Вань, так подурнела, что своим видом пугала людей, от чего муж даже смотреть на неё перестал. Он пренебрежительно говорил о ней, что она всегда была «хапторкой». Так называют бесплодную оленью самку. Почему-то старуха всю свою накопленную злость вымещала на Иване. Может, её злило то, что третья жена князька по имени Айна была всего на пять лет старше подростка и всегда старалась подложить ему за едой лучший кусок мяса. Конечно, делала это незаметно от хозяина, но старая карга же видела и тут же вскипала застарелой злостью. Донести мужу

она боялась, Айна и побить может. Увечит старуху, совсем она не нужна будет, оставят в тундре умирать, а стадо уйдёт. Да и понимала старая, что хозяин не ей поверит, а той, с которой ему сладко спать в одной постели.

Вот эта озлобленная женщина и снилась Семко Ваню, а с годами он приучился думать, что так выглядит его судьба. Всё просто и ясно. Никита в ту пору был большим реалистом и диалектиком. Это теперь он впал в детство и считает, что не всё на свете просто и далеко не всё ясно. Жизнь – сплошная загадка, её в русло не загопишь, берегами не оградишь.

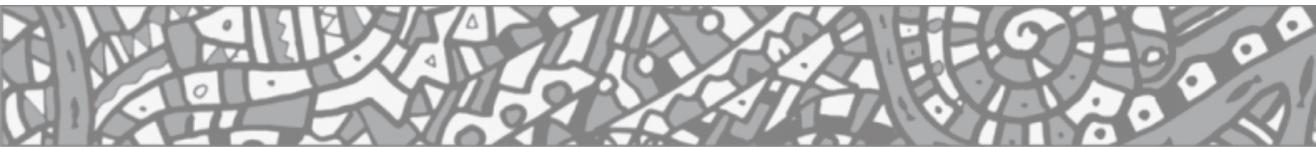
Смущали Никиту рыжие космы старухи. Они ж, хантыйки, каковой она была, черноволосые, как индианки. А тут! На вопрос Сём Вань развёл руками.

– Я откуда знаю? – вроде даже возмутился он и скромно добавил: – Среди приезжих купцов бывали и рыжие.

Что же касается самого Сём Ваня, то Никита со временем от него же и узнал подробности его бытия на белом свете.

Родился Иван Семёнович Беляев в самом начале прошлого века. В тундре свидетельств о рождении тогда не выписывали, не было ни бумаги, ни ручки и грамотеев тоже. Так что точная дата неизвестна. Родители могли, будучи наездом в селе, окрестить мальчика, по поводу чего в церковной книге осталась запись. Да где та книга? Сожгли, небось, атеисты с иконами вместе во имя революции.

Родители и все остальные люди стойбища умерли от цинги, а остался жив только он, пятилетний мальчонка. Его нашёл оленевод, который искал новые пастбища. Был он многодетным, ему до-весок ни к чему оказался, и по этой причине продал находку местному бездетному князьку. При нём Иван и рос. Князёк в старости обезножел, и жилистый Иван таскал его на руках и на загорбке.

Однажды в стойбище приехал на двух нартах отряд красногвардейцев из трёх человек с длинными винтовками. Они принесли новость – большевики скинули царя и теперь наводят новый порядок. Князька при его батраках и жёнах били, допытываясь, куда он спрятал золото.

Скорее всего, у князька никакого золота не было, род его обеднел, исхудал и кончался на нём. Одно только название осталось – князь. Старшая жена, понятно, родить не могла. От второй жены тоже князёк не дождался ребёнка. Тогда он женился на совсем молоденькой, но уже сам к тому времени постарел. Может, и прежде сам виноват был, но не признавал этого и почём зря лупил жён. На третью руку не поднимал, любил шибко. Она же пошла за него, потому что иначе умерла бы с голоду.

Один из бойцов, ведя допрос, перестарался и в сердцах заколот штыком старика. После этого красногвардейцам больше нечего было делать в стойбище, они загрузили на нарты, что нашли нужным, особенно ящики с «огненной водой», собрались ехать. Тут старая карга, первая жена князька, крючковатым пальцем показала на Ивана и сказала, что это сын убитого, и он что-то знает. Иван не походил на ханта, но на всякий случай его забрали, а вдруг и впрямь знает, где золото. Да и каюр нужен был, упряжек прибавилось. Но и Айну тоже решили увезти, потому что ей, сказали они, надо учиться в школе. Советская власть всех детей учит грамоте, а она ещё ребёнок, собственно. Жертва кровососа, эксплуататора.

Аргиш из семи нарт двинулся в сторону села, которое находилось в трёх днях езды. Если бы не охотничий домик, всё могло сложиться иначе. Но на пути оказалась избушка, – это уже тундра кончилась и началась тайга, правда, пока ещё малорослая, – и красногвардейцы реши-

ли переночевать в охотничьем домике. Хозяин на этот случай, как принято, оставил сухие дрова и огниво.

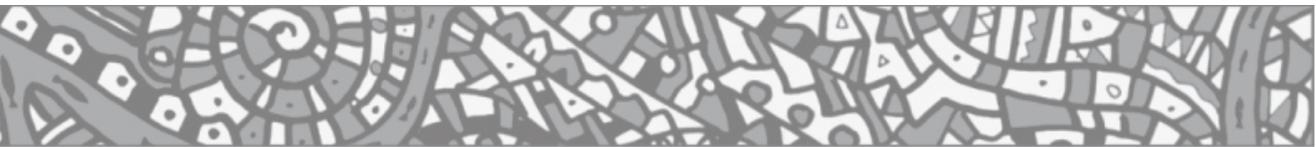
Молодые мужики выпили водки, благо, было её вдоволь, вытолкали на улицу Ивана, а молоденькую «жену классового врага» оставили. Иван мог забраться под шкуру на нарте и спать. Но он сидел с оленями и плакал. Мужики долго шумели, много смеялись, потом уснули. Из домика выбралась Айна. Она была в малице и села прямо на снег, низко опустив голову. Иван шагнул к ней, но она испуганно крикнула:

– Не подходи. Я поганая.

Иван тоже опустил на снег, и долго они так сидели. Потом Иван подобрал палку и поставил её у двери. Сам прошёл в избушку и вышел с головнёй. Печь всё ещё топилась. Иван просунул палку через ручку и запер таким образом дверь, она открывалась во внутрь, как положено на севере. А то снегу навалит, не откроешь. Просохшая за долгие годы избушка легко вспыхнула от головешки. Иван подошёл к Айне, поднял её на руки и отнёс на нарту. Рядом полыхало пламя. Внутри никто не проснулся, криков не было слышно. Они задохнулись от дыма во сне. Иван повёл первую упряжку. За ней потянулись остальные. Он приехал в стойбище. Люди были рады, что он вернул и муку, и головки сахара, и соль, и водку, и ни о чём не спрашивали. Должно быть, догадывались. Теперь можно было жить дальше и спокойно каслать в сторону моря.

Хозяин охотничьей избушки, видимо, известил власти о пожаре, когда обнаружил пепелище. Сочли, видать, что мужики сгорели по неосторожности. А олени ушли в тундру. Где их найдёшь? Скорее всего, в стадо вернулись. А где то стадо? В каком чуме побывал отряд – никто же не скажет.

Стадо паслось у моря, пришла весна,

все радовались ей, но беда шастала своими путями. Айна была на втором месяце беременности, когда приехали красногвардейцы. По возвращению в чум у ней случился выкидыш, кровь остановить не удалось, она умерла. Иван похоронил её в тундре, долго сидел над могилой и вспоминал, как хорошо им было тайком от всех любить друг друга.

– Муж старый, слабый, – говорила Айна, – ты молодой, сильный. От тебя у меня будет ребёнок.

Ивану в ту пору было лет шестнадцать. По прикидкам Никиты, случилась эта история в двадцать втором году, когда в этих краях устанавливалась советская власть.

Так началась жизнь Семко Ваня.

Динозавр

– Ну, вот и капельницу приняли, – тихим улыбчивым голосом проговорил кладовщик и поднялся с кровати, согнув руку с ваткой в локте.

Он стоял в проходе между кроватями, сутулый и плоскогрудый, и смотрел на Никиту Егоровича, которого сестричка освобождала от капельницы. Она выдержала иглу и прижала к месту укола ватку.

– Держите.

Ловко и споро прихватив устройства с капельницами, девушка вышла из палаты, важно неся их, как канделябры. Никита Егорович поднял взгляд на кладовщика. А тот только этого и ждал.

– Один месяц работы на компе, – доверительно пожаловался он, явно думая о своём директоре. – И можно навести порядок.

– Где? – сухо спросил Никита Егорович. – В государстве?

Добродушно-мечтательная улыбка сошла с лица кладовщика, он отвёл взгляд и потерял интерес к возможному себе-

седнику. Зря, конечно, Никита Егорович сбил человека с колеи сокровенных мыслей, но тот сам виноват, полез со своими прожеками не вовремя. Никита Егорович как раз выяснял для себя, с кем это у него в лифте завязался разговор. С самим собой? Ерунда какая-то! Сам спросил, сам ответил? К чему такой диалог-то устраивать? Не пьесу сочиняешь.

В детские годы Никита, наслушавшись своих бабушек и тёток, искренне верил, что существует в природе точная его копия. Это невидимый образ, который живёт в воздухе и ничем Никите не мешает, как собственная тень. И только иногда он даёт о себе знать то вещим сном, то предчувствием. Зовут этого двойника – Орт. Но в Мужах, помнится, бабки называли его Ёртом. А Ёрт по коми означает – друг. Орт или Ёрт может предсказать смерть своего хозяина родственникам, предупредить заранее, чтобы те готовились. А после смерти душа покойного переходит в него, и в течение сорока дней бестелесный двойник обходит все те дороги, по которым прошёл человек при жизни, и прощается со всеми, кого он знал на свете.

До этого момента бабки и тётки были весьма осведомлены, а уж потом куда девается двойник со своей ношей, того бабки не знали и не болтали зря.

Во взрослой жизни в кутерьме забот и в кругу многочисленных друзей Никита Егорович про Орта забыл. А в старости снова захотелось по-детски верить, что не так уж он одинок, кто-то всегда и повсюду с ним, знает о нём больше, чем он сам, и не только не оставит его до конца жизни, но и потом устроит уставшую душу.

Иной Фома неверующий тут же и скажет, что нет никаких научных доказательств того, что какие-то орты-ёрты водятся. Так ведь и никто документально не

подтвердит, что их нет. В общем, как по всякому случаю и по этому поводу можно бесконечно спорить и ни к чему не прийти. Однако на диспуты Никита Егорович времени тратить не станет, не надо никому ничего доказывать, если в нём уже прижилось явственное чувство, что не сам он себя упрекнул:

– Освободится он! Ха!

И не сам над собой усмехнулся:

– От чего? От себя что ли?

Не сам. Это уж точно.

«А раз уж точно, то и ладно», – усмехнулся Никита Егорович, довольно бодро поднялся с кровати, бросил ватку с пятном крови в мусорную корзину и вышел из палаты в коридор с большими окнами по торцам. На уровне плинтусов были отметки через каждые десять метров, и весь коридор составлял стометровку. Ровно на середине коридора по одну сторону располагалась фойе, служившее столовой, а по другую – находилась просторная лестничная площадка, на которой вдоль глухой стены, напротив лифта, стояли массивные кресла явно прошедшей эпохи, солидная мебель, из настоящего дерева, сколоченная на столетия. Кресла было не сдвинуть с места, будто они вросли в пол, пустили корни. И все они обладали одним оригинальным свойством – пружины сидений давно провалились, не выдержали многолетнего напряжения, и зад проваливался буквально до пола. Но как ни странно в такой позе, – с задранными по грудь коленями, – было удобно сидеть. Правда, вставая, приходилось елозить и упираться руками о подлокотники, чтобы выбраться из ямы.

Обычно кресла всегда были заняты, а в это предобеденное время никого не оказалось. Сердечники прогуливались с кружками и ложками в руках по коридору, занимали места за столиками, стояли в очереди. Раздатчица уже открыла дверь

своей подсобки и гремела кастрюлями. С минуты на минуты будет подавать завтраки. Никита Егорович обычно выждал, пока не отхлынет народ, и ел одним из последних.

Он с удовольствием провалился в кресло, заодно попытался погрузиться и в полный покой, даже глаза закрыл. Но в голове замельтешили клочьями какие-то воспоминания, отдельные картинки, забытые лица, обрывки разговоров. В памяти сходились события полувековой давности со вчерашними хлопотами, и не уловить было связи между ними. Но почему-то ж оказывались рядом?

Можно было подумать, что некая доморощенная запасливая Пандора встряхивала из объёмного мешка моменты жизни, а вихрь подхватывал эти лохмотья и кружил вокруг Никиты Егоровича, от чего голова шла кругом. Ещё ведь и хуже бывало, проснётся ночью, и вот начинают его мучить какие-то давние происшествия, нелепые поступки, собственные ошибки, которые уже не исправить, а он хватается за голову, скрежещет зубами, терзается совестью. Не так сказал, кому-то нагрубил, кого-то зря обидел... Теперь-то что с того? Многих уже и в живых нет! Не побежишь, не рухнешь на колени, не попросишь прощения.

В столовой суeta поднялась, больные усаживались обедать. Никита Егорович смотрел на людей через стеклянную перегородку, отделявшую от коридора лестничную площадку, и чувство жалости охватило его, когда подумал, что никому они не нужны. В эту старую, не престижную больницу карета «скорой помощи» привозила, видимо, только пожилых людей. Молодые и среднего возраста встречались редко и явно чувствовали себя чужими, оказавшись не в своей стае. В основном были люди пенсионного возраста, в большинстве своём уже перева-

лившие за семьдесят годков.

Теперь они сидели за казёнными столиками и старательно ели невкусную больничную пищу, чтобы насытить себя и набраться сил для дальнейшего пребывания на белом свете. Они цепко держались за жизнь, не теряли надежды подлечиться, и если понимали, то боялись думать о том, что уже никому не нужны, кроме родных разве, и то сомнительно. В древние времена оленеводы-ханты оставляли одряхлевших стариков в тундре умирать, потому что становились они большой обузой и без того в тяжкой кочевой бытности. Те дикие, но вынужденные нравы похоже вернулись к цивилизованным городским людям. Никита Егорович знает десятки примеров, когда дети отделялись от родителей, отправляя их в дома престарелых, мало пригодных для уютной старости.

«Мы стали не нужны, – думал Никита Егорович, провалившись в кресло, как дитё в горшок, великоватый для его задика. – Ещё сердца наши полны чувств, ещё глаза радуются солнечному свету, ещё надежды не оставили нас, но мы уже списаны из команды и лишние на корабле жизни. Своей беспомощностью и бестолковостью мы мешаем в автобусах и метро, одним своим видом вызываем досаду у молодых и сильных, и они стараются отвернуться или отойти от нас, будто можно отвернуться и уйти от будущей своей неизбежной дряхлости. «Сидели бы дома, – проворчит иной. – Что им ещё надо?»».

Да Бог с ними, с людьми! Мы не нужны государству, мы ей в тягость. Аналитики пишут, что стариков становится всё больше и вскоре сравняются по числу с трудоспособными людьми. Откуда брать деньги на пенсию для такой оравы? Самое выгодное для государства, чтобы люди доживали до пенсии и дальше не тянули

волынку. Никто в этом не признаётся, но Никита Егорович почему-то уверен, что так думают многие власть имущие.

Да чёрт с ним с государством, в конце концов! Куда печальнее сознавать, что мы не нужны природе. Ну, какая от стариков польза для вечно обновляющейся жизни? Чем быстрее исчезнут, тем больше пространства останется свежим силам. Породил детей, посадил дерево, дом построил для потомства и хватит с тебя. Так кусты смородины под окном дачи Никиты Егоровича отдадут плоды, и листва начинает жухнуть, опадать. Всё, хватит с них, отслужили за это лето, отдыхайте. Так то кусты, а у человека не будет другого лета. Он отслужил и стал не нужен навсегда».

Умом Никита Егорович понимал, что подобные мысли не должны его угнетать и печалить. «Что неизбежно, то не зло», – нашёл он даже утешительное выраженьице. А что ещё ему оставалось? Изменить мироздание? И ясно же видел Никита Егорович единственный способ смириться с неизбежным – это утишить желания, погрузиться в этокое полусонное состояние, что иначе можно назвать ленью. Нашему человеку лениться свойственно и даже приятно. Можно даже найти ей некое возвышенное объяснение.

– Чего сидишь?

– Созерцаю.

И уже он, видите ли, не бездельник, а философ. И так можно жить. Сиди на крыльчке дачи, смотри на небо, на деревья, на свисающие с ветвей яблоки и дыши ровно. Чем плохо? Но почему-то же не устраивает Никиту Егоровича этакая трогательная идиллия. И лезут в голову разные вопросы, и самый из них егозливый – зачем?

Как-то подумалось ему, что он шибко напоминает марафонца, который уже

пробежал сорок два километра и с прежним упрямством одолевает оставшиеся метры до вождя финиша. А некий тип с обочины кричит ему весёлым голосом: «Чего стараешься?! Соревнования уже кончились, зрители разошлись, а судьи чувствуют победителей за хмельным столом! Тебя никто не ждёт!»

Если борьба для него закончилась, зачем этот холостой бег? А если он, прирождённый бегун, остановится, то кому уподобится? Сойдёт на обочину и будет смотреть, как перегоняют друг друга те, для которых состязания не закончились? А это надо ему?

Все эти вопросы и вопросыки пришли на ум с недавних пор. И теперь Никите Егоровичу думается, что он даже и знает тот момент, когда одна непредвиденная встреча выбила его из привычной колеи, и в одночасье, как тучи, нагнала не самые радужные мысли.

Что за нужда потянула его на киностудию, объяснить не мог. Поплёлся чего-то, старательно отдраив туфли бархоткой. Уж не Ёрт ли подтолкнул в загривок, мол, тебе для полного прояснения мозгов следует прогуляться именно туда?

Более тридцати лет Никита Егорович верой и правдой служил этой киностудии, как добровольный раб, счастливый от неволи. Как теперь помнится, иногда, в разгар работы над каким-нибудь фильмом, студия бывала роднее собственного дома. Ему казалось, что он занимается архиважным делом, и все его друзья-товарищи по работе были настроены так же точно.

Теперь всё видится иначе, не в таком радужном цвете. Нет нигде такого оголтелого эгоизма, как в творческих коллективах. Ну, ещё на базаре, может быть. Ради собственного успеха и друзей предавали. Как легко кидались в объятья, так же легко и расставались. Уходили, не оглядыва-

ясь. Всё было.

Почему-то именно эти не слишком весёлые мысли крутились в голове, когда Никита Егорович оказался в стенах киностудии и поднимался по лестнице на второй этаж, а затем шёл по долгому коридору. С одной стороны тянулись закрытые двери комнат, а с другой – сплошная стена, за которой находились съёмочные павильоны. Если бы не слабые иллюминационные лампы на потолке, то пришлось бы идти в сплошной темноте на светлый квадратик окна в торце похожего на туннель коридора.

Тысячи раз ходил Никита Егорович по этому истёртому и его подошвами неровному паркету. Когда-то ноги сами несли его, и лёгкость была на душе, а теперь чувствовал себя сиротливо и брёл неприкаянно. Студия казалась пустой и необжитой, после сокрушительных девяностых она так и не ожила полностью, тихонько как-то ещё трепыхалась, но, скорее всего, – дышала на ладан.

В конце коридора из какого-то кабинета вышел человек и направился навстречу. Издали Никита Егорович не опознавал идущего, а тот уже взмахнул руками, как чёрная птица узкими крыльями, должно быть, зрением-то был зорче, и воскликнул издалека:

– Кого я вижу! Вот это да!

Теперь и Никита Егорович, но больше по голосу, догадался, кто это ему так обрадовался. Это был актёр, с которым на каких-то съёмках приходилось сталкиваться, но короткого знакомства не было. Как его звали, Никита Егорович не помнил, но фамилия его была залихватская – Удальцов. Он был невысок ростом, полноват, по годам – за пятьдесят, но явно молодился, подкрашивая волосы, и всеми жестами, мимикой и речью не забывал подчёркивать актёрское умение. Он издали протянул руку и будто на об-

ширный зрительный зал зарокотал басовитым посаженным голосом:

– Сударь, дивлюсь, дивлюсь! Я уж думал – нет, а ещё остались динозавры, оказывается. Ну, здравствуй, здравствуй, дорогой!

Тоже не помнил, как зовут Никиту Егоровича, но изобразил на лице столько радости, словно встретил дорогого для себя человека, без которого даже непонятно, как жил до этой минуты. Однако – и тоже актёрский навык – чувствовать партнёра! – заметил по лицу Никиты Егоровича, что переборщил с «динозавром» и излишне старательно расхохотался.

– Это на днях у меня брали интервью, значит, – стал он доверительно объяснять, хватаясь за язычок молнии на куртке Никиты Егоровича. – О вашем поколении речь зашла. Я говорю – какое кино делали! А она мне, журналистка: – «Вы ещё динозавров вспомните!» Мол, устарили они для нашего времени. Вы, значит, ваше поколение то есть. «Может, и динозавры они, говорю, но они были. А теперь никого нет. Все безликие». Ну, скажи, не прав? Прав!

И перешёл на сочувственный тон, стал спрашивать, как здоровьице, как можется при нынешних-то пенсиях, да чем занят.

– А ничем, – ответил Никита Егорович. – Сiju на даче, созерцаю.

– Мудро! – воскликнул артист, жадно ухватил руку Никиты Егоровича, потряс энергично, набычился и пошёл почему-то развалистым шагом, загребая правой рукой и чуть сутуля широкую спину, будто играл революционного матроса Железняка, только что прихлопнувшего из револьвера «контру» и потому преисполненного чувством исполненного долга.

Уже пройдя несколько шагов, обернулся и поднял кверху указательный палец.

– Мудро! – подтвердил он своё мнение.

Ведь по сути человек ничего плохого не хотел Никите Егоровичу, даже мысли у него не было обидеть, а совсем даже наоборот – уважение выразил, но уж так, видимо, устроена душа человека, что в иную пору и без злого умысла брошенное слово её поранит. Тут не было вины артиста, и не слово на лету превратилось в булыжник, а душа была готова к открытию, можно даже возвышенной сказать – к постижению. Чего? Истины, конечно. Вот оно и случилось, распахнулись резные ставни, и увидел себя Никита Егорович посреди сумрачного коридора с облезлыми стенами в полной реальности. Динозавр!

Сделав ещё несколько шагов, Никита Егорович остановился, поняв, что идти некуда и незачем. Вообще-то намеревался повидать режиссёра, с которым хотел поделиться с возникшим замыслом. Они вместе сделали три картины и знали друг друга неплохо. Но в эти минуты ему показались смешными и сам замысел, и желание ещё поработать в кино. Всё ушло, всё позади. Впереди – блеклый квадратик немытого окна в конце коридора. Белесое размытое пятно, скучное и унылое...

Никита Егорович повернул назад и пошёл поспешным шагом, опустив голову и опасаясь встретить ещё какого-нибудь знакомого, но всё обошлось, выскочил на улицу, сбегал по ступеням и направился в проулок, чтобы поскорей уйти от киностудии, скрыться, исчезнуть и никогда не возвращаться.

Он вспомнил, как много лет назад перед ним, молодым редактором, сидел пожилой человек, когда-то процветавший в своей профессии, и слушал рассуждения Никиты по поводу своего опуса. Он не мог понять, почему его прежде хвалили, а теперь никого не устраивает его труд. А беда была в том, что он оставался за резными ставнями и не видел того, что вре-

мена за окном поменялись, и он оказался динозавром.

Никита Егорович шёл мимо длинного свежеекрашенного бетонного забора, невинной белизной которого тут же и воспользовались юнцы, вспыхнув страстью прашуров к настенной живописи. Хорошо, хоть избежали в своём граффити самого русского слова из трёх букв, что наглядно говорило о возросшей культуре.

Написать бы аршинными буквами: «Вот и всё!» И пусть бы прохожие гадали, что это за отчаянный крик. Но писать было нечем, не припасся баллончиком краски. Да и кто стал бы гадать? Скользнул бы чей-то равнодушный взгляд, да подумал бы озабоченный ум – сколько в людях глупости!

Очень давно автор с блеклыми губами так и не понял, почему он должен уступать дорогу молодым, а сегодня Никита Егорович оказался на его месте. Все-му приходит конец, но дело не в этом.

А в том дело, что мысли Никиты Мехова приняли неожиданное направление. Он и в прежние времена над этим задумывался, но как-то вскользь, только по настроению, а теперь спрашивал себя с той настойчивостью, от которой уже не отвертеться, не увильнуть – тем ли он занимался в жизни? Когда-то в молодые годы стоял на перекрёстке. Правда, камня не было с указующими надписями – куда пойдёшь, чего найдёшь. Надписей не было, но дороги были, и не три, а куда больше. Вот Никита и выбрал себе одну, да побежал по ней резвой рысцой, а теперь оглянулся и подумал задним умом – туда ли свернул? Может быть, выбери он другую дорогу, шёл бы себе ровненько и шёл, день на день был бы похож, и заботы оставались бы те же, что были год назад, десять и соток лет тому... Но выпала на долю далеко не спокойная жизнь, а временами несло его, как в пенном потоке горной реки.

Ну, и кого он спрашивает – туда, не туда свернул? Кто ему ответит? Ёрт что ли? Так он-то причём? Он же не ставит вехи по целине – куда идти, и не стелет соломку – где упасть. Тут судьба потрудилась. Это её затеи. Вот бы кого в гости позвать, усадить за стол на кухне, да всю ночь проговорить начистоту. А с кем ещё толковать о том, что занимало Никиту Егоровича в эти дни? Только с ней. Он ведь думал о своей прожитой жизни, а кто её плёл да вил то из шёлковых ниток, то из крапивы? Тут и спрашивать нечего.

Ну, так ведь не придёт в гости, ей не позвонишь, не напишешь, до неё не докричишься. Никита Егорович у неё, как на ладонях, весь наизнанку, а он её не видит, не слышит, только по делам судит – то она погладит, то подгадит. Вот так и прошли по жизни рядышком...

Но уже пора было идти отведать больших кулинарных изысков, столики освободились, и Никита Егорович стал выбираться из кресла.

Анюта

После насильственной смерти князька мужики перессорились между собой, а жёны и дочери помогали им вести междоусобицу за место убитого хозяина. Сва-ра длилась больше года, и конца не было видно. Новая власть тогда ещё не придумала колхозы, кому-то одному должно было достаться стадо оленей. И на него обязаны были работать остальные батраки. Но каждый из мужчин стойбища хотел взять первенство, оттого и кипела ссора. Мужики то и дело дрались, то один с одним, то другой с другим, и с утра до вечера ругались женщины. Даже до смертоубийства дошло, пастух острым медным наконечником хороя – настоящая пика! – пропорол живот приятеля, чтобы доказать, кто из них главней. Прежние друзья

смотрели друг на друга волками, неразлучные приятельницы шипели друг на друга, как кошки, а то и цеплялись за волосы, дети ничего не понимали и боялись даже играть.

В стойбище творилось то, что и на всей Земле, – между людьми шла злобная борьба за лучшее место под солнцем. Остаться в стойбище без Айны не было смысла Ивану, в общей сваре участвовать не хотел, – верх он не возьмёт, а в батраки не согласится, – и от того запряг упряжку из лучших молодых олешек, прихватил снеди и поехал в сторону тайги.

Ехал долго. Выбрался на мёрзлое ложе реки и направился вдоль крутого берега, на котором вероятней было наткнуться на поселение. Погода была тёплой, а снег на льду реки оказался не глубоким, так что олени бежали охотно, а Ивана грели надежды, и прошлое всё глубже оседало в памяти, как муть в сосуде. Молод был, хотелось жить.

В своих предположениях Иван не ошибся, среди общего безлюдья почувствовал он запах дыма и через какое-то время увидел на крутом берегу три домика, а вернее – юрты. Так они тут назывались. Иван заехал на взгорье и в двух юртах не заметил признаков жизни. Двери были подпёрты кольями, чтобы ветер случайно не распахнул. С северной стороны снегу намело по окошки, и за зиму явно никто не разгребал. Но из средней юрты через крышу пробивался дымок. У входа, будто стройные часовые с пышными папахами на головах, стояли две сосны.

Оставив упряжку, Иван прошёл в юрту и увидел в углу слева от входа очаг, сбитый из глины без трубы, в котором горели сухие полешки. Он сразу присел, потому что дым висел облаком в метре над полом. А присев, Иван увидел у стены на циновках под оленьими шкурами живое

существо. Это была Анюта. Вот так они встретились. И никак тут без судьбы не обошлось.

Поначалу Иван принял её за старуху – костлявое лицо, худые щёки, глубоко опавшие глаза, спутанные волосы. Но она оказалось девушкой семнадцати лет. В то утро ей ещё хватило силы распалить очаг, но уже не осталось надежды на завтра. Жизнь оставляла её, и она лежала в ожидании конца, когда услышала за стенами живой шум. Показалось, что начала бредить, но в юрту прошёл человек. Она его не могла разглядеть, потому что глаза застили слёзы.

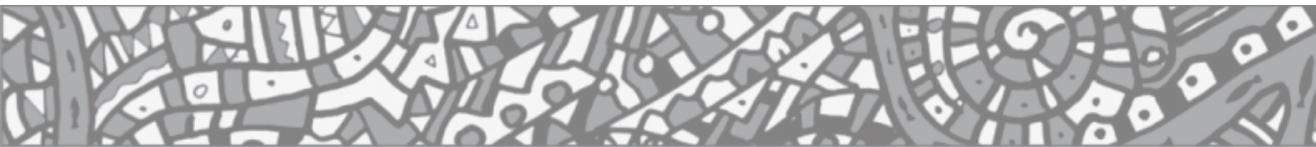
Выходил Иван Анюту, поставил на ноги. В юрте хлебной крошки для мышей не было, так что пригодились прихваченные в дорогу припасы. И мука была, и соль, и олений окорок для свеженины. На глазах Ивана истощённая голодом девушка, показавшаяся поначалу старухой, превратилась в пригожую красавицу. Лицо округлилось, щёчки порозовели, носик повеселел, в карих глазах искорки зажглись, и вымытые в горячей талой воде волосы еле уместились в две толстые косы. А когда девушка одела свой зырянский наряд, – кофточку с широкими рукавами и длинный сарафан с множеством оборок, – да затянулась в тонкой талии голубой лентой, Иван сильно смутился и дальше порога не пошёл – а только что с улицы ввалился! – постоял молча, глазами хлопая и рот открывая, как рыба на суше, да и вывалился обратно из юрты.

Через какое-то время растерянная Анюта выглянула в дверь и увидела его у сосны. Он сидел, скорчившись, обхватив руками колени и прижавшись плечом к дереву.

– Ты чё хоть? – спросила она.

Он не обернулся, не поднял головы, однако не сразу, но подал голос:

– Ты красивая.

Анюта никакого опыта, конечно, в любовных делах не имела, но была понятливой, да и природой заложено в женщинах насчёт этого чутьё. Она вышла из юрты, подошла ко второй сосне и присела на корневище, ловкими руками стыдливо собрав у ног подол широкого сарафана.

– А чем тебе плохо, что я красивая? – спросила она.

– За другого выйдешь.

– За кого? – сдержала она смех. – За медведя?

Мол, нет женихов вокруг, кроме Мишки косолапого. Но Иван уже знал, что мир не ограничивается этими тремя юртами, а очень велик. Ему приходилось каслать со стадом от тайги через Камень, как называли Уральские горы, до моря. А что там было за морем? А если тайгу насквозь пройти, что там?

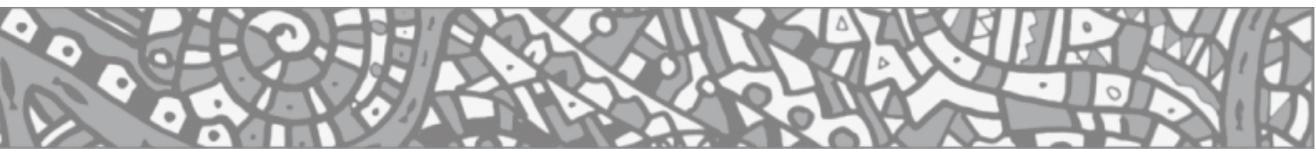
Иван ничего не ответил по поводу медведя, потому что как раз в это время думал о большом селе, мимо которого каждый год приходилось проводить стадо, уж так лежал путь каслания, иначе – ворга. По замёрзшей реке удобней было гнать стадо, чем через лес. Собак в этом селе было несметное количество. Сколько выбегало на берег! И все дурные, без толку лают, надрываются, а олени их не понимают и поначалу сильно пугаются, но потом уже не обращают внимание на пустую брехню. Выходил и народ посмотреть на бредущее стадо. Много было парней, и все они больше возле девушек, стоявших стайками, крутились, баловались да выставлялись, чтобы посмешить. По сравнению с ними Иван много проигрывал, не было ни роста того, ни стати той, ни бойкости. Анюта увидит, сразу поймёт.

– В село перебираться надо, – сказал Иван, выпрямил спину и посмотрел на Анюту.

Ему не хотелось оставаться в этом обезлюдевшем стойбище, к тому же изначально имел намерение добраться до села. Анюта же об этом и слышать не хотела. Она родилась тут, выросла в этом лесу, ничего кроме не видела и ей казалось, что по-другому и жить нельзя. А теперь, когда появился Иван, зачем ей куда-то перебираться? Тут на небольшом кладбище лежит её мать, которая умерла от страшных болей в животе. Должно быть, от острого аппендицита. Это теперь все знают о болезнях больше докторов, а тогда такого слова и не слышали. Кишки болят – и весь диагноз. Анюте было уже четырнадцать лет.

Стойбище потихоньку пустело, старики умирали, а неусидчивая молодёжь перебралась в другие места, где зверя должно быть больше в тайге и рыбные места обильней. Плохо им тут было! Как в раю хотят – руку протянул и ешь готовый шомох – царскую еду из лучшей рыбы. Отец Анюты тоже подумывал перебраться в село, там жила в собственном доме вдовая и бездетная сестра, готовая приютить, даже сама звала. Но чего-то медлил. Трудно было, видать, покинуть обжитое место, где когда-то счастливо жил с женой и дочкой.

Этой весной он запряг свою лошадку и поехал за продуктами, кончилась даже соль. Дорога лежала через Большую Обь, через многие протоки поймы и ещё через Малую Обь, на берегу которой и стояло село Мужы. Вернуться обещал через три дня, оставив на это время еды, а прошло три недели, но его не было. Анюта стала догадываться, что случилось. Апрельский лёд местами под солнцем ослаб и где-то не выдержал повозку с лошадей. Отцу было уже около пятидесяти, после смерти жены он как-то сильно постарел, и просто сил не хватило, видимо, выбраться из полыни. Не мог же забыть о дочери, будь живым!

Уезжать Анюта не хотела, потому что ей было хорошо с Иваном, и ни в ком она больше не нуждалась. Только вспоминала мать с отцом и то потому больше, чтобы они за неё не беспокоились, всё у неё ладно. Её успокаивала мысль, что они догадываются об этом, раз дочь задержалась на земле.

Анюта готова была спать с ним под одним одеялом, но Иван оказался странным и ничего не понимал по глазам. Он всё говорил, что надо ехать в село, ближе к людям, зиму одним не пережить. На самом деле Иван не был уж таким непонятливым, как думала Анюта, но к тому времени сильно полюбил девушку и не хотел обмана. Женятся они, будут спать в обнимку, а потом Анюта пожалеет. Надо, чтобы она пожила в селе, и если после этого выберет из всех парней Ивана, то уж всё будет честно. Тогда уж, конечно. Тогда уж какой разговор!

Осенью по первому льду Анюта с Иваном перебрались в село и стали жить у родственницы. Сестра отца Антонида, полная женщина с походкой утицы и с рябым от оспы лицом, оказалась участливой душой, поселила молодёжь в лучшей половине избы, разделённой сенями от второй части, куда сама перебралась.

– Церковь закрыли, – сказала она. – Кто вас повенчает? Но Бог-то видит. Вот и будьте с Богом!

Она-то не знала, какой принцип поставил Иван, и очень удивилась, когда он о свадьбе заговорил. Это случилось через месяц и то потому, что Иван наконец-то понял, как обижает Анюту своим недоверием. Никого Анюта не видела, кроме своего Ивана, никто ей не был нужен.

– Не дури давай, – говорила ему. – Придумал чего-то! Или не хочешь на мне жениться?

На такой вопрос Иван ответить не смог, потому что от волнения язык дере-

венел. Это он-то не хочет! Как такое могла о нём подумать?

И не стал больше медлить. Забил оленя, мяса на свадьбу хватит. Надо было всё по-человечески сделать, как дедами принято, рассудил Иван. Антонида много дивилась и со смехом рассказывала товаркам, как она ошиблась, племянницу посчитала мужней, а она девицей оказалась. И не так, чтобы всем, а показывала простынку с бурым пятном после свадебной ночи.

И всё с той поры в жизни Ивана пошло не хуже других. Советская власть признала его гражданином и выдала справку с печатью, в которой было указано, что он и на самом деле он, никакого подвоха, так сказать. А то ведь маломальской справки не было. Фамилии отроду не имел, отчества не помнил. Председатель сельсовета долго смотрел в окно, за которым было видно небо с весёлыми белыми облаками, и записал в толстую книгу, бормоча по буквам вслух:

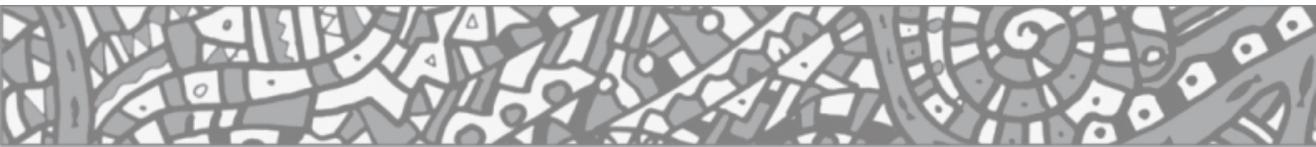
– Б-е-л-я-е-в.

Отчество он точно так же определил, устался в окно и ждал, пока кто-то не пройдёт мимо.

– О! – воскликнул он. – Семёновичем будешь. Согласен?

Ответа ждать не стал, а повёл пером по бумаге. Чего спрашивал?

Так Ивана причислили к трудовому народу, и он вместе со всеми селянами взялся за строительство коммунизма. Назначили его в рыболовецкую артель, которая ходила на больших каюках в Обскую губу ловить нельму. Возвращался домой, до последних сил истосковавшись по Анюте. И она ждала его, каждое утро желая только одного, чтобы дни бежали быстрее, не так тянулись. Зимой Иван промышлял в тайге, охотником был удачливым, пушнину сдавал государству, и в доме завёлся достаток. Через год Анюта

родила Ивану сына. Назвали Тимофеем в честь отца Анюты.

Счастливая жизнь Ивана всё длилась и длилась, уже тридцатые годы наступили, образовались колхозы, отчего люди в селе заметно обеднели, кто постарше, всё вспоминал, как хорошо было «важен», в старину то есть, при царе. Но потом за такие разговоры стали судить, и народ при молк. Охотнику и рыбаку Ивану теперь платили трудодни, выдавали палочки с зарубками, сколько он заработал. А чего стоил трудодень, зависело от того, что находилось в колхозных амбарах. Иногда там и мышам-то нечего было делать.

Но Ивану всё равно жилось хорошо. Ну, как рыбак да охотник останется без припасов на зиму? Голодать не приходилось и разутыми, раздетыми не ходили. Мальчишка рос, Анюта всё хорошела, выходя в лучшие бабьи лета. Иван о них заботился, и это наполняло великим смыслом его бытие. Но он ещё не знал, чем заплатит за короткую радостную пору своей жизни.

Председателем колхоза был приезжий человек, партийный, по фамилии – Лобов. Почему-то начальство в селе всегда было приезжим. Лобов наводил в колхозе железную дисциплину. Чуть опоздал на работу, отвечай. Чуть провинился чем – трудодни скостят. С колхозного покоса принёс к себе на двор вязанку сена, получай по всей строгости. И под суд отдавал.

– Лобов беспорядка не потерпит, – сто раз на дню повторял председатель и не надоедало ему долдонить одно и то же.

Зимой работ было меньше, а в пору сенокоса он всё село выгонял на покосы. Вот и Анюта оказалась на заготовке сена. А была в это время беременной, считай – на сносях. Иван уговаривал председателя пожалеть жену. Но тот ответил, что посильная работа для брюхатых даже

полезна. А какая же посильная работа – скирдовать сено. Гроза надвигалась, работали бабы без памяти, чтобы успеть сухое сено сложить. Анюта подняла навильник, как рассказывали, вскрикнула и опустила тихонько на стерню. Бабы не могли спасти, изошла кровью.

Навалилось какое-то полное затмение на мозги, когда Иван узнал о беде. Он взял ружьё и пошёл в правление. Ногой распахнул дверь кабинета и наставил на Лобова двустволку. Тот стоял перед ним набитый жиром, настоящий кабан, только на двух ногах. И глазки-то кабаньи, маленькие в красных прожилках. Прибил бы непременно, когда б не мужики, оказавшиеся в правленье. Это они скрутили его.

– Что ты, Ваня... Что ты!

А Лобов сказал:

– Ну, я тебе этого не забуду, контра!

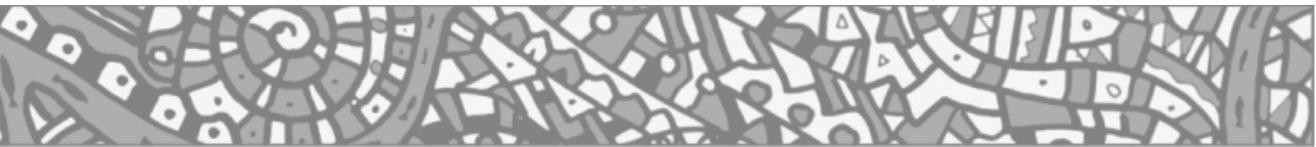
И не забыл.

Маета

В молодости было легко утихомирить душу, когда в ней поднималась смута или даже возникало лёгкое смущение, бежал к друзьям и находил понимание. Днём, ночью, в любое время мог позвонить или постучать в дверь, и такие у него были друзья, что откроют и ответят. Куда всё утекло?

Ну, понятно, и друзья не вечны, большим числом ушли из жизни. Но тут другое удивительно. Ещё ведь живы некоторые, с кем судьба связала когда-то, казалось бы, такими крепкими нитями, что не порвать их вовеки, а что-то случилось, будто течением песку нанесло, и река пошла стороной, а прежняя дружба осталась старицей и зарастает тиной стоячая вода.

А человек такое существо, что мало ему едой голод утолить, да водой – жаж-

ду, не меньшая нужда в общении, чтобы возможность была душу излить. И мог бы, кажется, Никита Егорович со своей разлюбезной Дарьей Алексеевной потолковать за чашкой кофе, уж у неё-то сочувствия хватит.

– Ту ли жизнь прожил? – скажет, к примеру, любезный супруг.

Так жена ж опечалится и на себя вину возьмёт, мол, всегда мешала ему своими обывательскими претензиями. Мол, видела, как быт угнетал его, а ещё больше досаждала. И то ей надо, и того не хватает, у других есть и ей нужно. Женился бы на другой, мол, всё бы иначе сложилось. Она, мол, во всём виновата. И придётся Никите Егоровичу ещё и успокаивать расстроенную жену, потому что нет её вины ни на капельку, ни на грош. Зачем затевать разговор, если заранее знаешь, что не по злу, а как раз от излишней доброты не поймут тебя?

Дети – понятливые ребята, но чем они могут помочь? Молодость что ли вернут, тот перекрёсток, с которого начал путь? Нет же!

– Держись, папа, – скажет и тот, и другой, бодрясь. – Ты у нас орёл!

Ваську повидать бы... По старой-то памяти всё – Васька. Давно этак никто его не окликал, должно быть. Теперь он Василий Васильевич, золотисто-рыжие волосы поседел, должно быть, если ещё остались. Что-то сильно душа запросилась к нему, прямо-таки заныла, тут бы и сел в машину да покатил... Но куда уж ему – дальняя дорога! Ездить-то ещё ездит за рулём, но только до своей дачи и обратно по объезженному пути. Да и не знает он, где нынче улица Васьки, где его дом.

Однако успокаиваться Никита Егорович не стал, а решил по Интернету найти старинного приятеля. Захотелось ему хоть что-то узнать о нём, а если по-

везёт и обнаружится адрес, то и письмо написать. В далёкие шестидесятые годы прошлого века, в годы студенчества проходил практику в Тюмени и завязалась, казалась бы, неразрывная дружба с ровесником Василием, выпускником Московского университета, умником и великим книгочеем, но с той поры ни разу не встретились больше, не привелось, и постепенно прервалась даже переписка. Но вот же вдруг захотелось хоть словом обмолвиться. Знать, в старости такое бывает с человеком.

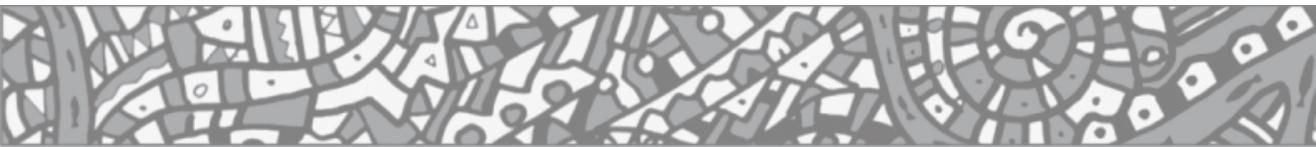
И местопребывание друга Никита Егорович нашёл, работал на Челябинском телевидении, в одном из сайтов разбирались его аналитические передачи. Но тут Никита Егорович – там же, в Интернете – наткнулся на заметку одного довольно известного в советское время поэта, ныне живущего в Израиле. Тот писал, как помог ему Василий в начале пути, каким он был светлым русским человеком, как умел открывать таланты, а сам так и не написал книги, хотя мыслей и знаний на это хватало избыточно.

От этого поэта Никита Егорович и узнал, что Василий умер.

Отключив компьютер и настольную лампу, Никита Егорович, помнится, отошёл к окну, прижался лбом к холодному стеклу и на фоне ночной темени увидел своё смутное отражение с близко смотрящими в упор сухими колючими глазами. И хорошо помнил Никита Егорович, что в те минуты печально спрашивал невесть кого, зачем судьба распорядилась так, свела их на короткое время и разлучила теперь уже навсегда.

Судьба...

Может быть, её придумали наши милые предки при лучине. Зимние вечера тёмные, долгие, а телевизора нет, учёные не дошли ещё умом до этой прилипчивой заразы, – вот и сидели в сумрачной избе

бабки да деды наши и рассказывали друг другу небылицы, да ещё и старались, кто почудней. Придумали вокруг себя соседей – духов разных, нечисть поганую, Орта того же, а ещё – судьбу. Зачем надо было заселять мир вокруг себя, сами не знали. Хотя с одной стороны в тех вымыслах некая выгода есть, можно при случае себя обелить. Не сам сподличал, к примеру, а бес попутал. А уж беса того за хвост не поймать, в суд не повести.

Знакомый Никиты Егоровича по имени Серафим – и давно ж это было! – в своей халупе решил на ночь растопить железку, печь. Дрова сырые были, так он бензинчику плеснул из консервной банки. Разлил по полу, конечно, руки-то непослушные. А спичку запалил. И тут полыхнуло. Еле успел выскочить на улицу, и плюхнуться в лужу. И вот сидит смиренно посреди этой лужи в обгорелой одежде, яки святой, смотрит на охваченную жадным пламенем избушку и вздыхает:

– Судьба!

Его вины, конечно, нет. Он и бензин-то взял не по своей дурости, а так должно было стать в обязательном порядке. И то, что расплескал, тоже стечение обстоятельств. Сосед позвал отметить факт рождения младенцев – кошка окотилась. Событие, конечно, не из ряда вон выходящее, чтобы две бутылки опорожнить, но факт – по выражению соседа – был налицо. То есть повод явно имелся. Посидели малость, обдумали, как от ненужной живности избавиться. И побросали в реку несмыслёнышей, придурки. Ещё и состязались, кто подальше.

Сидя в луже, Серафим мог вполне обоснованно подумать о том, что сотворив зло, отплату получишь. Но мозги от водки не работали, да и не любил Серафим думать. А кто любит?

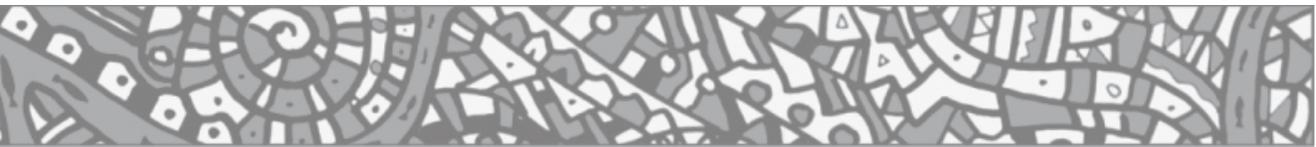
– Судьба!

Это ж такой удобный ответ на все

случаи жизни! Но с чего подпалённый Серафим припомнился? Никита Егорович даже несколько удивился резвой игре памяти. Печально думал о Ваське, которого знал молодым, светло-рыжим, залихватски азартным в споре, а вынырнула из потёмок памяти пьяная опухшая физиономия Серафима, который мог от силы три слова связать, на большее не хватало соображения. Но в луже он сидел примечательно, хоть картину пиши. А ведь мог, мог своенравный Васька хоть позвонить, не велик труд. За столько-то лет! Но и Никита Егорович мог бы раньше найти адрес, да связаться, тоже больших усилий не требовалось. Но что-то же помешало? Что-то же было причиной?

– Судьба...

Никита Егорович даже чертыхнулся, мысленно произнося это слово чуть ли не с той же интонацией, что и Серафим. А сидел он в это время на скамейке в обществе двух молчаливых мужчин и оказался уже первым в очереди на узи сердца. Ждал, когда вызовут. И опять же без всякой связи и видимой причины возникла в памяти картина пятидесятилетней давности и так явственно, будто миг назад увиденная. На заштатной станции стоит длинный грузовой состав. Скучно сыплет мелкий дождик. И так вокруг всё серо, а от мороси ещё больше уныния. На засыпанной шлаком площадке вытянулась в струнку девчонка, запрокинув голову. Она смотрит снизу на Никиту, который поднялся уже в тамбур. Домой едет, отслужил солдатик. Ждать местный пассажирский поезд надо чуть ли не сутки, так он товарным доберётся до города, а там уж поедет плацкартой, как положено. Отсыревшее платье обтянуло хрупкую фигурку девчонки, пряди волос слиплись на щеках, маленькой ладошкой она смахивает слёзы и всё смотрит на Никиту в робком ожидании.

– Я вернусь, – говорит Никита, чтобы она успокоилась.

А она не слов ждала от него, она умоляла глазами, чтобы он руку протянул, и тогда взлетела бы в тамбур и прижалась к нему, чтобы ехать, куда угодно, хоть к чёрту на кулички. Но уже лязгнули буфера, медленно двинулся состав, и девочка осталась среди унылых построек станции.

– Я вернусь! – крикнул ещё раз Никита из жалости, которая искренне охватила душу.

Забывшись, Никита Егорович глухо простонал, так больно и стыдно стало за давнюю ложь. Соседи по скамье покосились на него, но ничего не сказали. Они-то подумали, что от приступа сердечной боли человек страдает. А Никита Егорович только теперь, столько лет спустя, сердцем увидел, как она ждала его и с какой горечью стала понимать, что солдатик обманул. Возможно, и на свете нет уже той девочки, успела состариться и помереть, прежде позабыв о нём. Но почему вдруг возникла эта картина из прошлого? И будто кто-то зло упрекнул...

Натура Никиты Егоровича за время жизни сложилась таким образом, что он никогда и ничего не отрицал. «Не может этого быть!» – не его слова. Всё может быть. Исключительно всё. Мир не только в пространстве безграничен, но и в проявлениях. И потому очень может стать, что не он один остаётся свидетелем постыдных своих поступков. Вот и выкапывает Ёрт из прожитого неприглядные примеры и подбрасывает Никите Егоровичу, как футбольные мячи, мол, отбивайся или получай по лбу.

Да и судьба может быть не выдумкой. Как часто бывало, что Никита Егорович усиленно чего-то добивался, работал ради этого, не покладая рук, а всё обобщивалось не так, как он хотел, будто

какая-то упрямая сила сопротивлялась и поворачивала на свои рельсы. И длилось это, бывало, не день, не месяц, а годы. Но вдруг приходило послабление, и неудачи улетучивались, отходили в сторону, будто образуя коридор, и как-то вроде само по себе всё удавалось, всё складывалось лучшим образом. Как тут не скажешь подобно погорельцу Серафиму – судьба!

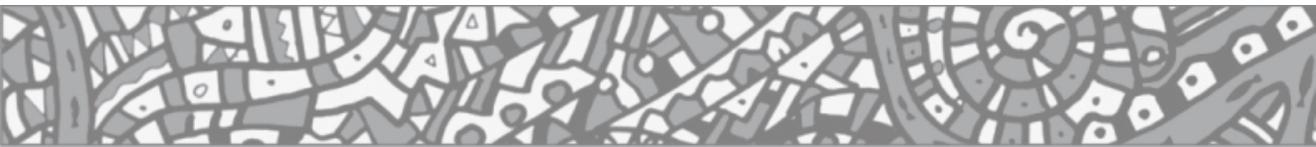
Но вот вопрос – почему память завихрилась, как буйная метель? Так какой-нибудь агрегат заходит вразнос, и уже ничем не остановить махину, пока сама не достигнет предела напряжения и не разлетится в куски. Может быть, память пошла вразнос, и потому мелькают перед мысленным взором события, давно прошедшие, и без всякого порядка, а в какой-то хаотической нервной спешке. Возникают давно забытые лица, небрежные брошенные слова, неверные поступки, ошибки, заблуждения, бесплодные страсти – и всё в сплошной мешанине, словно годы потеряли извечную связь и мечутся шариками в прозрачном чреве лотерейного барабана.

Дверь рядом с Никитой Егоровичем, обитая цинковой жстью, приоткрылась, и женщина в белом халате сказала:

– Заходите.

Его попросили по пояс раздеться и лечь на лежак, обтянутый дерматином. Мужчина на исходе молодости с тонкими пижонскими усиками, стал водить по левой стороне груди скользким прибором, похожим на компьютерную мышь. При этом он продолжал разговор с женщиной о предстоящем отпуске, время от времени бросая непонятные слова – диастола, фиброз, регургитация, да ещё перечисляя какие-то цифры – а собеседница записывала эти данные и тоже делилась своими планами на лето.

Скосив глаза, Никита Егорович увидел на дисплее, как что-то пульсировало. Он

даже не сразу понял, что разглядывает собственное сердце. Он впервые видел его, и у него возникло отчуждённое чувство к тому, что отображал прибор. Он даже отвёл взгляд, так ему стало неприятно. Это отображение могло интересовать только врачей, но не Никиту Егоровича. Он знал своё сердце, оно было способно любить и ненавидеть, радоваться и скорбеть. Да многое на что оно было способно! И это никакой прибор не определит.

А ведь главное именно в том и заключается, что оно умело болеть не только от возрастных огрехов. От них никуда не денешься, рано или поздно возьмут верх с последним ударом сердца. Смерть – особа неумолимая. Но Никита Егорович не хотел жить без той боли, что прибор не определяет. Тогда – без той боли – сердце становится и на самом деле насосом. Если оно только для того, чтобы гонять по жилам кровь, то этого мало. Этого для твари достаточно, но не для человека.

И Никита Егорович, лёжа на левом боку под дознанием врача, пытался сам определить, болит ли ещё его сердце хоть по поводу чего-то на свете или равнодушие наполнило его покоем, потому что состязания кончились, на финише опустело.

Попался под руку

Не забыл подлый человек Лобов ружья, всё искал удобного случая отомстить Сём Ваню. Что посылал на самые тяжёлые работы, уж говорить нечего. На это Иван не обижался, трудом его не испугать было, как рыбу водой. Да и тайга большая, уходил на охоту подальше от начальства и жил себе вольготно. Пока Тимка был дошкольником, забирал с собой, учил мальчика, чему сам был мастер. Зимой жили в охотничьем домике, который Иван срубил сам в глухомани, знал

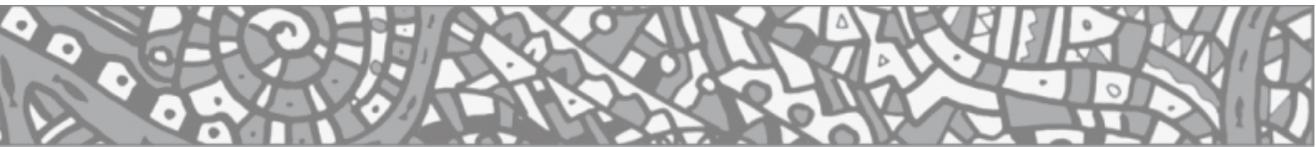
об этом жилище разве только леший, а люди робели забираться в такие дебри. Летом отец с сыном тоже редко бывали в селе, устраивались в старой юрте, так что оставшаяся по наследству от покойной Антонида изба больше пустовала. Три жилища на двоих – чем не жизнь!

В сыне Иван души не чаял, но не баловал, потому как знал – жизнь сурова, не шибко-то милостива к человеку, и не к праздникам надобно готовить парня. Тимка пятилетним мальчонком бегал на лыжах – подбитых камусом лыжах – и капканы ставил так умело, что хитрую лису объегоривал, а о глупых зайцах и речи не могло быть. Как только силёнок набрал, чтобы ружьё на весу держать, так и стал стрелять. Потом он пошёл в школу, уже зимой отец брал его в тайгу только во времена каникул, а так оставлял под присмотром соседки Татьяны, которая только и знала, что жаловаться на своего Луку, который ничего не умел, криворукий. Но в голосе особого недовольства Иван не улавливал. Бабе явно было приятно ворчать на мужа. Живность-то своя! Да и Лука не был никудышным мужиком, не всем же в охотниках ходить, кому-то надо и конюшню чистить. Человек он был добрый, отзывчивый.

Эта вот его уступчивость да жалостливость и накликали беду.

Всё лето Иван со своим сыном проживали на покинутом стойбище, в котором когда-то нашёл Иван свою Анюту, которую никак не мог забыть. Места были рыбные, ловили отец с сыном муксуна, стерлядку, попадалась и нельма, рыбы для царского стола. Сдавали, конечно, в общий колхозный котёл. Но куда она потом девалась, знал один председатель, пожалуй. Но дело не в этом. Юрту надо было подновить.

Вот и надумал Иван завести по зимнику тёс, чтобы крышу поправить, протече-

коть стала. На это дело попросил коня с розвальнями у Луки. Доброму соседу – и рыбкай баловал, и лосятиной угощал – Лука никак отказать не мог, конечно. Да и натура же была такая, безотказная. Выделил председательского жеребца, остальные лошади были заняты. Жеребца этого использовали и на лёгких работах, не только председателя катал, так что ничего необычного не случилось. Сам Лобов в отъезде был, в округе. Запрягли конягу, загрузились, и поехал Иван. Снегопадов давно не было, дорога оказалась укатанной и проходила она вдоль реки, от неё до юрты было-то всего метров сто в гору. Иван не стал утруждать коня, а сам перетаскал доски на горбу, протоптав в глубоком снегу тропинку. Затащил тёс в юрту и поехал домой, чтобы к вечеру сдать жеребца. Лука поставил коня в стойло, даже не потный оказался, всё было в порядке.

А назавтра вернулся Лобов, очень собой довольный, видать, замаслил своё окружное начальство и на радостях запил. Велел запрячь того самого жеребца, вылетел из села вихрем, покататься решил. В пьяном кураже загнал конягу, сердце у животного лопнуло. Протрезвев, испугался, что отвечать придётся. От кого-то узнал, что Ивану давали жеребца. Вот и свалил на него Лобов всю вину. Горячего коня, мол, холодной водой напоил. Лука было заступился, но председатель и ему пригрозил тюрьмой. Мог Иван за вредительство загреметь надолго. Но судьёй была жена председателя, тоже приезжая. Она зла Ивану не хотела, понимала, что такого охотника ещё поискать надо, в хозяйстве нужный работник. Но важно было мужа от беды отгородить. И так повела дело, что Ивана посадили всего на два года за порчу колхозного имущества. Отсидел в Лабитнангах, севернее села, но в родном округе. Работал на лесоперевалочной базе. Иван успел попро-

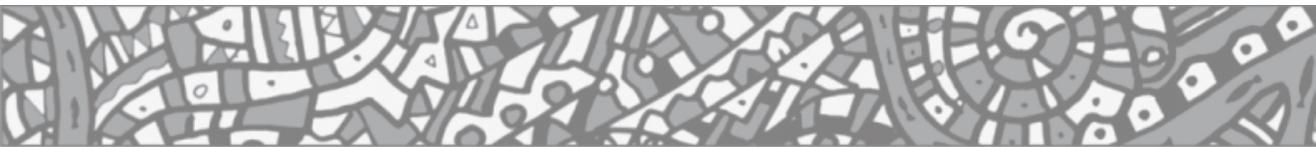
сить Татьяну с Лукой, чтобы сына Тимку не отдали в детдом, приютили у себя. Но те и сами догадались.

Вернулся Иван до того худой, что кости сквозь кожу просвечивали. Он таким и остался, маленьким, сухоньким, но был жилист. И снова он зажил счастливо, занимаясь рыбалкой и охотой. Лобов его не трогал, завидев на улице, сворачивал, чтобы глазами не встретиться. Боялся он Ивана, подлюга, только и успокаивался, как тот уходил в тайгу или уезжал в стойбище. Люди председательское зло тоже помнили, но Лобову было наплевать на их мнение, он с ними не считался. Знал, не попрут против начальства. А Сём Вань запросто пристрелит, как волка, рука не дрогнет. И давно бы нажал на курок, но сыну боится испортить жизнь. Другой причины нет. Коль не Тимофей, лежал бы уже председатель с пулей во лбу посреди улицы. А люди разводили бы руками и говорили следователю: «Так и было».

Но сын подрастает, окончит школу и учиться уедет. Вот тогда Сём Вань и получит волю рукам. Всё жену забыть не может, контра. Несомненно, опасения за свою жизнь корёжили нутро Лобова, ему беспокойно жилось в селе, и не мог он не думать, как бы неугодного охотника убрать подальше. Конечно, жена права, работник колхозу нужный, это понятно, однако Лобов не хотел неприятностей, он почитал порядок.

Непокорный боцман

Как-то однажды в палате Никита Егорович и боцман остались одни, остальные ушли на процедуры. Никита Егорович, устроившись на стуле возле своей тумбочки, задумался над раскрытым блокнотом. Специально попросил жену купить и принести новенькую записную книжку, чтобы записывать мыс-

ли и впечатления. Но уже седьмой день Никита Егорович иногда садился к тумбочке и застывал с авторучкой в руке над первой непорочной страницей. Не было ни мыслей, ни впечатлений.

Обычно же по утрам голова работала свежо. Иногда вечером никак не определится нужная мысль, мерещится, чудится бесформенным облаком, а утром вылупится, как цыплёнок из яйца, и даже чудно становится, что всё так ясно и просто. За это Никита Егорович почитал утро, не сомневался, что оно вечера мудрее, вставал в пять часов, когда весь дом ещё спал, и очень этим обстоятельством был доволен, прямо как ребёнок, состоявший из одного любопытства.

А в больничной палате вроде бы в то же время просыпался, но мозги ленились, в них не было желания думать. А если и возникали какие-то мысли, то казались они мелкими, серыми, недостойными записи. Но, может быть, всё дело было в том, что Никиту Егоровича сбивали с толку воспоминания, которые в последнее время прямо-таки одолели. Такое возникло ощущение, что они ринулись из тьмы прожитого времени и столпились возле узкой двери, протискиваясь в неё в полном беспорядке. И неизвестно, сколько их там, за узкой дверью, во тьме, и что вырвется на свет через минуту. Понять бы, с чего они так себя повели!

Никита Егорович прикрыл блокнот, положил рядом авторучку и, смиренно вздохнув, откинулся на спинку стула. Он покосился на соседа. Боцман сидел на кровати, согнувшись. Огромный живот лежал на коленях, голова уткнулась подбородком в грудь. Что-то уж больно непривычно был задумчив.

– Худо, сосед? – спросил участливо Никита Егорович.

– Не то слово, – не меняя позы, про-
басил с хрипотцой боцман.

– Врача позвать?

– Врача! – насмешливо проговорил он и поднял голову. – Я вот думаю, сколько ж лет я его не видел.

– Кого?

– Дурак что ли? – озлился боцман. – Не понимаешь, о чём? – Он повёл глазами вниз. – Баба-то жива?

– Жена что ли? Слава Богу!

– Ты-то как? Ещё можешь?

– Случается.

Никита Егорович повеселел от разговора, такой заботы не ожидал от сердечника Хмельникова.

– Вот я вот всю жизнь о бабах думал, – произнёс он с явным изумлением. – Как же так мужик устроен, что всё о бабах думает?

– Так ведь они тоже! – бойко подхватил Никита Егорович.

– Что тоже?

– О мужиках думают.

– А моя говорит – нет.

– Лукавит. Думают, это точно. Так мир устроен. Иначе не было бы человечества.

– Откуда знаешь, что точно?

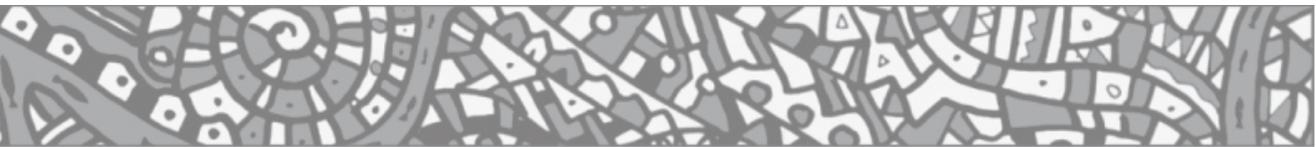
– А то не слышал?

– Может, чего и не слышал.

– Большое упущение. Но дело поправимо, расскажу я тебе. Однажды бабы решили послать делегацию к Богу. На коми земле это было по сведениям. В какой деревне, нет уточнения. Ну, вот. Марью и Дарью выбрали, самых языкастых и настырных кумушек. Те и пошли. Приходят к Богу и спрашивают – почему телёнок на другой день уже на своих ногах, а женщинам приходится детей чуть не год на руках носить, пока они на ноги встанут?

– А как иначе? – развёл руками боцман. – Иначе никак.

– Несправедливо, мол. Утомительно. Нельзя ли, мол, как коровам сделать. Бог руками разводит – отчего нельзя? Вполне можно.

– Ишь ты! Облегчения захотели. И что, получили?

– Радовались. Так легко, мол, уговорили. А Бог им и говорит: «Только и мужика будете иметь раз в году, как коровы». Бабы, Марья с Дарьей, всполошились, замахали руками. Нет уж, мол, не надо нам такой участи. Уж лучше с детьми нянчиться будем, а только чтоб от мужика перепало, как прежде. И побежали к тем, кто их послал. Рассказали, что и как было. И те молиться стали, что Бог отвёл от них такую беду.

Боцман повеселел – а печаль, знать, была велика!

– Гляди-ко ты! – заметил он. – Не дуры! А?

Он поднялся громадиной, как белый медведь на задние ноги, развёл руки и выпятил грудь.

– Было же, было! Куда всё подевалось?

Он прошёл между кроватями и оказался у двери, где для него оказалось просторней.

– Бывало, выдам матросскую чечётку, у баб глаза млеют, – сказал боцман.

Неожиданно для Никиты Егоровича боцман развернулся и рассыпал настоящую матросскую чечётку. А был он обут в туфли с твёрдыми подошвами и пол оказался деревянным – старой же постройки здание! – так что дробь прозвучала громко и озорно. Ноги помнили, а силы подвели, надолго боцмана не хватило, он опустился на кровать Никиты Егоровича, которая оказалась ближе, хрипло дышал, глядя белесыми глазами в пустоту, и опять погрузился в безмерную печаль. Чуть отдышавшись, боцман норовисто, как задним умом подумалось Никите Егоровичу, повёл головой и с непонятым вызовом проговорил:

– Это никуда не годится!

С теми словами он вышел из пала-

ты. Никита Егорович всё сидел на стуле возле тумбочки. Теперь он представлял боцмана в лучшие годы его жизни, двухметрового красавца, набитого здоровьем и страстью, беспечального, не знающего мыслей о смерти.

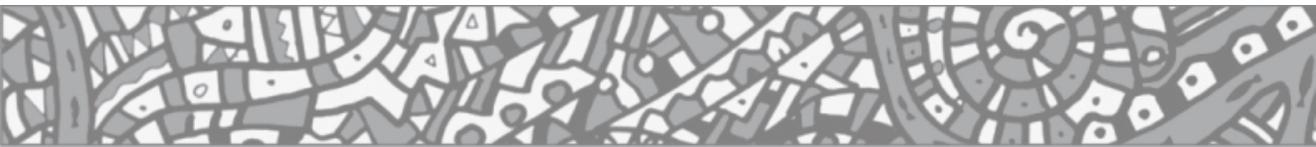
Потом приспело время процедуры, и Никита Егорович покинул палату. А когда вернулся, то увидел полную женщину, которая перестилала постель боцмана. Кладовщик ложечкой аккуратно ел йогурт, а аналитик Сергей читал. Он оторвался от книги и посмотрел на Никиту Егоровича.

– Умер, – сказал он коротко, отложил книгу и стал салфеткой вытирать яблоко, методично, старательно, долго.

– Лифт же работает, – ворчливо проговорил кладовщик. – Чего пешком пошёл? Немного не добрался до пятого этажа.

Никита Егорович знал – чего он пошёл пешком. Не мог боцман примириться с тем, что всё ушло. Не мог поверить, что ничего не вернуть. Должно быть, решил – упрямством одолеет немощь. Но не знал он того, что не против болезни дерзнул, а бросил вызов самой Костлявой. Но эта госпожа свою работу знает, усердная уборщица. Под её метлу попал, смиришь. А что тебе ещё остаётся, гордый человек?

И тут же по какому-то непонятному капризу памяти, вспомнился из детской поры колхозный бык Сидор. Райкомовский уполномоченный привёз в село новую директиву. Они там, в городе, только и делали, что придумывали разные директивы для селян, учили рыбачить и промышлять. Какому-то начальнику пришло в голову, что коров покрывать нужно с определённого числа и строго по определённому числу. Тогда отёл коров будет точно по плану. А раньше времени – не смей, иначе под суд. И загнали быка Сидора в стайку подальше от коровьего выгула. Но никто не догадался втолко-

вать Сидору начальственную директиву и уши не заткнул, чтоб не слышал он голоса подружек. Вот Сидор и поднял на рога стайку, развалил на брёвнышки и побежал прытким ходом к бурёнкам. А те хвостами машут. Председателя, понятное дело, сняли с работы за нарушение социалистического плана, директиву забыли, а Сидора оставили в покое.

И жил Сидор в своё удовольствие. Не того ли неукротимого норова был и боцман Хмельников? Ступеней-то оставалось всего ничего до четвёртого этажа. Ещё бы чуть-чуть!

Вепа

Трогательно нежное, по-детски свежее лицо Ларисы Александровны и на это утро излучало потаённое счастье, которое она старательно скрывала, понимая, что больница – не то место, где можно раскованно улыбаться, как ей на самом деле хотелось. Она пришла из того, другого мира, что вне больницы, и где прошли какие-то очень хорошие часы жизни Ларисы Александровны. Никита Егорович чувствовал это, будто чужая душа и впрямь излучала тепло.

Уныние надоело уже и самому Никите Егоровичу, но управиться с ним он не мог. Чуть издеваясь над собой, сравнивал себя с человеком, который был ещё недавно своим на пиру, погулял вволюшку, попил, пошумел, наговорился, пребывая в страстях, да вдруг отрезвел, потому что друзья-подруги ушли куда-то, унесли беззаботное веселье с собой, а он остался один среди битой посуды со следами губной помады на помятом лице. И каким же чужим предстал мир перед оробелыми глазами гулёны! Праздник жизни кончился, другого не будет.

Ну, так ведь был он, праздник-то! Не вечно ж ему длиться. Тоже надоест, если

вечно. Чего горевать? Нет повода для ворчания. А если ещё вспомнить, какой ему век достался, так вовсе только и благодарить судьбу надо, а не бухтеть на неё, жалостливую.

На кровати боцмана расположился средних лет мужчина, перенёсший инфаркт. Лариса Александровна проверила давление у Никиты Егоровича, сказала, что лечение идёт успешно, только не надо давать большие нагрузки сердцу, мол, излишне говорить, к чему это приводит, и пересела к новому больному.

Теперь она была вне поля зрения Никиты Егоровича, и он закрыл глаза, чтобы удержать в памяти её облик. Он хотел бы увидеть свою судьбу такой же миловидной, такой же молодой, а не злой старухой, как снилась она Сём Ваню. И что же сказала бы судьба, окажись напротив за кухонным столом, на котором дымились бы две чашки утреннего кофе. Спросила бы, конечно, первым делом:

– Чем недоволен, человек?

– Да не знаю! – с досадой ответил бы Никита Егорович. – Крутит, мутит, корёжит, а чего так – не пойму.

– Может, не устраивает, как прожил жизнь?

– А можно поправить что-то?

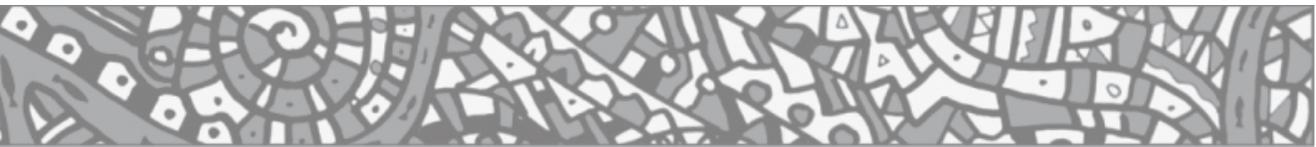
– Нет, конечно.

– Так какой разговор!

– Не вздумай на меня брюзжать. Я тебя жалела. Не забыл, в какой век угрозило тебе родиться?

И она стала бы говорить, что в прошедшем двадцатом веке долгого, достаточного для жизни хоть одного поколения затишья не было. Революции да войны, репрессии да реформы... Будто сознательно власти усердно сбивали народ с разумного пути. Как можно было сохранить человеку себя, свою душу и веру в добро в эти лихолетья?!

– А я тебя провела, как лодку через

перекат меж камнями, – напомнила бы судьба. – Воевать с немцем возрастом не вышел, в Афган и Чечню не попал по зрелости лет. Скажешь, не повезло? Колхозного труда не хлебнул. После службы в армии вольную давали. Опять же подфартило. Репрессий избежал. Язычок был длинный, да друзья оказались надёжными. Никто не донёс. Учился в Москве, как мечтал. Работа досталась – кайф один. Чем я тебе не угодила?

– Да с чего взяла, что упрекаю?

– Поговорить же хотел. О чём?

– Теперь понимаю – не к тебе вопросы.

– С чем в неладах? Что всё виноватого ищешь? Погляди в зеркало, поможет.

– Да ладно тебе!

– Ещё жаловаться будет на свою жизнь! – обиженно ворчала бы судьба. – Женился, на ком хотел. Прожил с ней в ладу. Детей вырастил. Трёхкомнатная квартира на двоих. Дача. Руки-ноги целы. Голова на месте. Ещё работать может. А жалуется на меня. Совести у тебя нет!

– Да ладно тебе! – повторил бы Никита Егорович, устыдившись упрёков судьбы, и закончилась бы на том беседа.

Поднявшись с кровати, Никита Егорович подошёл к окну и уставился на снежный пустырь, который лежал между жилыми домами. Судя по развалившимся деревянным трибунам, это было заброшенное футбольное поле. Теперь по его окружности двигались по укатанной лыжне девчонки и мальчишки, должно быть, школьники. Даже по их ленивой походке было заметно, что заняты они подневольным делом, тянут урок по физкультуре. Никите Егоровичу бы их лета, он бы показал, как можно нестись на лыжах. Лентяи, шалопаи, бездельники! Им бы только за компьютером торчать. От души поругав мальчишек и девчонок, Никита Егорович получил некое успокоение и решил пройтись по коридору. До сле-

дующей процедуры оставалось часа два, и куда было себя деть?

В коридоре шла обычная больничная жизнь, сестрички в белых халатах появлялись из одних и ныряли в другие палаты, как в норы, неприкаянно, словно заблудшие, бродили какие-то бабки, мужичок лет шестидесяти пяти вышагивал стометровку, по-строевому размахивая руками, накачивал здоровье, этот хотел жить, других помыслов у него не было. Никита Егорович очень часто видел его в коридоре и всегда подвижным. Маленький, коротконогий, с тяжёлым туловищем и крупным носатым лицом он излучал, пожалуй, единственный в отделении полный и безусловный оптимизм. Спросить бы его – зачем ему жизнь? Он-то уж точно знает – зачем. Но неудобно с таким вопросом подойти, не поймёт, ещё и обидится. А Никите Егоровичу вовсе не хотелось больно сделать, а только узнать – зачем?

Но, с другой стороны, и что он выяснит? Скажет мужичок, что дел у него невпроворот – что-то нужно достроить, что-то закончить, внуков поднять, жене на новые сапоги заработать, державе послужить. Мало ли у человека забот и задумок? А всё ж пустое. Без нас достроят, начнут и закончат, и внуки на ноги встанут без нас и державе без нас служить будет кому. А есть ли что важнее, значимей, чем эти извечные человеческие дела? Есть ли что-то такое на старости лет, когда уж натрудились, напахался вдоволь, ради чего стоило бы жить?

Судьба с трогательно милым лицом молодой врачихи Ларисы Александровны не ответила бы на эти вопросы. Не её компетенция. А кто ответит? И есть ли ответ?

Он шёл по коридору, всматривался в лица больных, что встречались на пути, и больно было видеть потухшие глаза, на-

полненные одной тоской. В них если и теплилась надежда, то была она робкой, боязливой, трепетала, как пламя свечи на ветру. А как же лучезарно, должно быть, светились глаза этих людей в молодости! Точно так же, как теперь у Ларисы Александровны, которая перед своими пациентами стесняется этого света, от чего усиленно морщит лобик и хмурится, нагоняя на себя деловитость. А чуть опухшие от недавних поцелуев губы всё норовят растянуться в улыбке.

В молодости Никита Егорович любил людей. На знакомства шёл с великой лёгкостью и везло в них, всё как-то попадались замечательные люди. Может быть, потому, что сам не был таким занудой, как теперь. Но он свято верил, как только можно верить на этом свете, что плохих людей не бывает. Ситуации заставляют иногда людей поступать скверно, не по совести, но душа у каждого настроена только на добро. И было Никите предельно ясно, что достаточно дать свободу людям, и они обустроят жизнь как нельзя лучше. Все будут друг к другу добры, рады соседству и в помощи скоры. Потом девяностые годы жестокого двадцатого века умерили восторженный пыл Никиты Егоровича, сильно заставили задуматься над извечным вопросом – кто ты есть, человек?

Может быть, ушла вера в человека и от того так сумеречно стало вокруг Никиты Егоровича.

И тут он буквально наткнулся на взгляд маленького щуплого мужичка, который стоял у стены, одной рукой придерживая сбоку небольшой квадратный предмет. Никита Егорович не знал названия этого прибора, но догадывался, что это был стимулятор, соединённый как-то с сердцем, который уже без него не может работать. Никита Егорович видел глаза, в которых уже потухла надежда –

какой там лучезарный свет! – и от растерянности произнёс вслух:

– Здравствуй!

Мужичок кивнул, не меняя безучастного отрешённого выражения лица. Никита Егорович пошёл дальше по коридору, старательно убеждая себя, что человек ещё на ногах, не лежит в реанимации, а это чёртов стимулятор врачи прицепили на время. Потом снимут, и пойдёт мужичок домой заниматься какими-то своими делами. Но печать смерти на лице человека с прибором уже пропиталась в память, как чернильное пятно в промокашку.

Полтора месяца назад Никита Егорович ехал в гараж на своей машине, и на последнем перекрёстке врезался в левое переднее крыло «Мерседес». Погода была такая же скверная, как в то утро, что Никита Егорович в больницу возвращался. Но он хорошо разглядел зелёное око светофора и поехал прямо. А та машина пошла на поворот, как слепая, и хоть не на большой скорости, но порядочно помяла перед тачки. Выскочили оба водителя, заметались, стали чёрта честить. Потом остыли немножко и стали разбираться. Во всём был виноват хозяин иномарки, он сразу это сам признал.

– Я думал, – говорит, – вы пойдёте на поворот.

– Так с чего? Ведь не мигал.

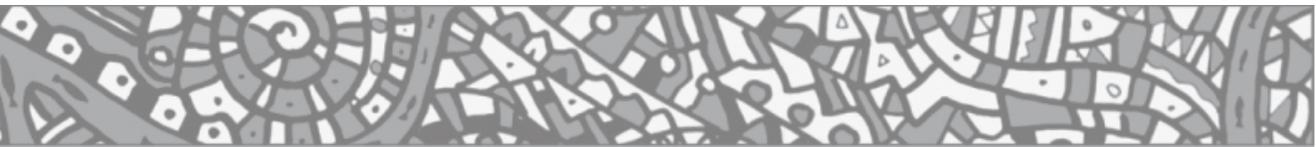
– Нет, не мигали.

– Я ничего не нарушил.

– Не нарушили. Но я подумал...

И опять по кругу, как зациклило его. Он подумал! Мужик чуть старше пятидесяти, простецкий вроде, не из тех, для кого сто долларов ничего не значат. И машина подержанная, старьё. Начал уговаривать обойтись без гаишника.

– Может, договоримся. Я заплачу за ремонт. Сколько вам? Только отъедем к обочине, а то мешаем другим.

И с молодых лет оставшаяся вера в человека подвела бедолагу Никиту Егоровича. Он согласился, сел в машину и отъехал. А когда прижался к бровке, вышел из салона, чтобы продолжить торг, тот водитель проехал мимо и в открытое окошко крикнул:

– Уже ничего не докажете!

Никита Егорович даже номера машины не запомнил. Но ведь знал, знал старый водило, что место аварии покидать нельзя. Тем более – когда твоей вины нет. А вот опять поверил человеку. Машина растворилась в снежной мути, а Никита Егорович стоял одиноко, и было ему тошно. Ну, что ж ты, гад ползучий! Что ж так подленько смылся? Много ли выиграл?

И внезапная догадка прямо-таки поразила Никиту Егоровича, он невольно остановился и резко обернулся. Мужичок всё так же стоял, придерживаясь одной рукой стены, и обречённо смотрел в пустоту. Нет, показалось. Тот был гораздо моложе.

Но ведь тоже умирать будет. Неужели кому-то в смертный час приносят счастья воспоминания о том, как в жизни обманывал, воровал, подличал, оставляя за спиной проклятья.

Что бы ты сказал на этот счёт, Иван Семёнович?

Чудо

В конце тридцатых годов вроде бы вовсе наладилась жизнь Сём Ваня. Тимофей, сын превратился в крепкого парня, охочего до работы и выносливого. Лицом он на мать смахивал, только по-мужски грубее были черты, но жилистым, подбористым телом весь был в отца, однако выше ростом. Жили они в доме покойной Антонида, жили согласно, не было случая, чтобы чего-то не поделили и поссорились. Да Сём Вань и не мог иначе, кро-

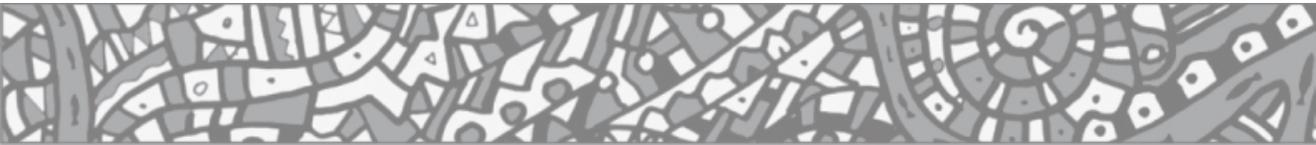
ме сына у него никого не было, он готов был жизнь за него отдать. Причём тут житейские мелочи?!

На Лобова он уже зла не держал, тяжело носить камень за пазухой. Да и понимал, что мстью Анюту не вернуть. Теперь Лобов колхозом не руководил, пошёл на повышение, работал в райисполкоме в качестве какого-то зама. Сём Ваню было всё равно, чем он заведовал, его это не касалось. Сём Вань жил своей жизнью, и она очень устраивала его. Был рядом сын, крыша над головой не протекала, рыба ловилась и зверь попадался, а ещё – люди уважали, и он со всеми легко ладил. Что ещё человеку надо?

Жена Луки суетливая Татьяна частенько намекала Ивану, что готова сосватать, если на кого укажет Иван, но успеха не имела. Сём Ваню было где-то около сорока лет, невеста нашлась бы в селе и не одна, но он не хотел, чтобы кто-то занял место Анюты. Он жил для сына, в его сердце любви хватало.

До войны с немцами оставалось ещё больше трёх лет.

Однажды зимой, в январе, в самую студёную пору прикатила в село из города Салехарда, окружного центра, лёгкая повозка, называлась по-местному «кошёвкой». Прибыли двое, как выяснилось, из органов. Как теперь понимает Никита Егорович, могли приехать по сигналу, проще говоря – по доносу «доброжелателя» или «патриота». А возможно сверху спустили разнарядку такого порядка – обнаружить среди жителей села «врагов народа» в количестве трёх человек. Это теперь кажется диким, а тогда было в порядке вещей, Никита Егорович немало читал об этом. И доблестные чекисты, конечно, обнаружили «вредителей», однако не без помощи местной власти. В числе троих оказался Сём Вань. Может, Лобов тому посодествовал. А может, сам ви-

новат. Он же от сельчан не скрывал, что вырос приёмным князьком. По крайней мере, на первом допросе долго выпытывали, куда спрятал единственный наследник богатства князя золото и всё такое. Неужели, мол, думает воспользоваться ими? Возврата к прошлому не будет, Советская власть твёрдо стоит на ногах. Одного только не понимал Сём Вань – о каком золоте допытывались эти приезжие люди.

Кстати, о Лобове, чтобы уж не возвращаться к этому типу – он перед самой войной подавился рыбьей костью, а единственного фельдшера не оказалось в селе, ушёл на охоту. Найди его в тайге! Лобов всегда жадно ел, как голодный кабан, будто боялся – отберут. Но, может, быть народ придумал насчёт рыбьей кости. Одно верно – упал со стула во время обеда, сколько-то храпел на полу, хватаясь за горло, и затих навсегда. Мог приключиться инфаркт. Но о такой болезни даже фельдшер в те времена не знал. Люди порешили между собой, что с Лобовым ничего бы не случилось, если бы не делал зла. Оно, зло-то, всегда – всегда! – возвращается к тому, кто её выпустил на волю, как птица в гнездо.

Каким образом двое других оказались «опасными преступниками», Сём Вань не помнил, да и никто не доложил ему в своё время. Колхоз выделил лошадь и розвальни, чтобы отвезти «преступников». Разрешили одеться потеплей. Сём Вань натянул новую малицу и для большего тепла подпоясался тасмой, как положено охотнику. Чекисты в ужас пришли, увидев нож – тасма без ножны не ремень! – тут же отобрали, обматерив Сём Ваня.

Потом всю жизнь Сём Вань об одном жалел, что не удалось попрощаться с Тимкой. Старшеклассники пошли в лыжный поход по району. Повезли арестантов ночью, тайком от народа. На перед-

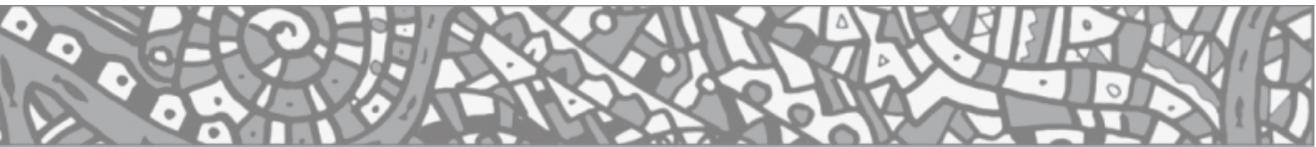
ней повозке, как и впрямь в кошёвке, сидели в тулупах чекисты. На прощание местное начальство хорошо угостило их, они о чём-то говорили, часто заходясь пьяным смехом, а потом угомонились, задремали на морозе. Лошадкой правил возчик, с которым и приезжали. Вторая лошадь рысила на привязи. В санях головой к передку лежали двое, а Сём Ваню места не хватило, и он, убористый телом, расположился в ногах поперёк розвальней, благо они тут раздавались вширь.

Руки-ноги арестантов были свободны, никто их не связывал. А куда сбегут? На улице под сорок градусов мороза, по дороге – два небольших посёлка, а так на всё без малого триста вёрст – полное безлюдье. Да и пригрозили конвоиры, что за попытку побега расстреляют на месте, есть у них на это полное право. Была вторая половина ночи, самое сонное время. Чекисты дрыхли, арестанты тоже уснули, да и возчик задремал, видать. Должно быть, повернувшись во сне, Сём Вань вывалился из саней. Очнулся уже на снегу.

Вот он лежит на спине посреди укатанного санника и смотрит на небо. А там разыгрались сполохи. Всё небо пылало разноцветными красками, которые причудливо перемешивались. Но Ивану не до красоты было, он старался одолеть сонную лень, чтобы подняться и догнать сани. Лошадки шли шагом, так что ещё недалеко ушли.

И тут на небе перед глазами Сём Ваня появилась книга. Она медленно раскрылась, и Сём Вань различил чёткие буквы, которые стали в этот миг понятны. «Живи и радуйся» – прочитал Сём Вань, молча шевеля губами. И только успел он мысленно произнести эти слова, как книга исчезла.

Про это явление Сём Вань рассказывал Никите не однажды. В конце пятидесятых годов прошлого века после службы в ар-

мии Никита работал в редакции районной газеты. Вот тогда завязалась у него с Иваном Семёновичем дружба, встречались чуть ли не каждый день по делу и без дела, то перекинутся двумя словами, а то сидят за столом в долгих беседах, иногда балуясь и водочкой. Сём Вань питух был никудышный, с третьей рюмки полностью хмелел, и его тянуло спать. Ну, какая тут беседа! По этой причине Никита гостя чаще угощал чаем. В чудесную книгу, которая раскрылась в небе, истый диалектик Никита, конечно, не верил в ту свою молодую пору. Он это явление тем объяснял, что Сём Вань был в полусонном состоянии, а на небе играли сполохи. Вот и почувдилось, привиделось, пригрезилось.

Теперь на старости лет Никита Егорович не сомневался, что Сём Вань ничего не придумывал и книгу он действительно видел, потому что нет ничего такого, чего не могло бы случиться на белом свете.

Но как бы там ни было, а явление книги спасло Сём Ваня. Он же помнил, что эти люди с петлицами на лацканах увозили и прежде мужиков куда-то, и никто не возвращался. Так что и Сём Ваня везли на верную смерть. Когда он поднялся на ноги, повозки были уже далеко. Даже захоти, уже не догонишь. А он и не хотел.

Лес был рядом, родная тайга. Дорогу проложили по реке, по равнинной плоскости, и тут снег обдуло ветрами настолько, что можно было идти, не проваливаясь. Следов за собой не оставил, а уже в лесу далеко не пошёл. От села отъехали километров на тридцать. В лесу рыхлый снег приходился по пояс, до охотничьего домика не доберёшься. Оставалось ждать случая.

Днём проехали три подводы, но Сём Вань не вышел из скрадка, устроенного в кустах, в котором затаённо сидел. Не признал ездовых, не доверился. Пришлось переночевать в «куропачьем чуме», снег

послужил и пуховой периной, и пуховым одеялом. Не привыкать было, не раз приходилось этак устраиваться. Утром он увидел три олени упряжки. Это были свои, можно было не сомневаться. Он вышел из тайника и поспешил навстречу. Оказались ханты, оленеводы соседнего колхоза, ехали в свой чум из другого стойбища, где погостили. Он заговорил с ними на их языке, который знал не хуже родного. Не стал, конечно, рассказывать, что беглый арестант. Да никто его ни о чём и не спрашивал. Человек в беде, надо помочь человеку.

Так Сём Вань опять стал оленеводом. Работники нужны были, а он пастушьё дело знал, вот и прижился в чуме. Со временем бригадир справил бумагу на него – паспорта колхозникам не полагались – и занёс в список работников, чтобы начисляли трудовни. Сём Вань не скрыл ни своей фамилии, ни своего имени.

Уже спустя годы, Сём Вань узнал, что чекисты не вернулись за ним в село, вообще не искали, так что для сельчан и родного Тимофея сгинул он в неволе. Сём Вань потом не раз задавался вопросом, почему по его душу не воротились. Даже Никиту спрашивал:

– Как думаешь?

– Ищи тебя в тайге! – ответил Никита. – Больно им надо! Думали, не выжил. Посёлка поблизости не было, и такой мороз.

– А как же отчитались за меня?

– Им было велено привезти троих. Вот они и привезли.

– А третьим кто?

– По дороге забрали кого-нибудь. Из того же Васяхово, скажем. Обвинили, что себя выдаёт за другого, проклятый английский шпион. Да и расстреляли под твоей фамилией.

Английского шпиона в Васяхово фантасты не могли бы придумать, а чекисты – запросто.

Уже шестидесятые годы были, когда случился этот разговор, Никита начитался кой-какой литературы о репрессиях и допускал, что против истины не грешит. Именно так и могло сложиться, чекисты проблемы решали просто. Им что Иван, что Петрован – какая разница! Народу хватало до войны.

Одно благо, сына не тронули, дали закончить последний класс, а тут война грянула, и парня в первую же осень мобилизовали. Ему было восемнадцать лет, у него была невеста. Они дружили с восьмого класса. Девушка – Зинаидой звали – жила в интернате. Когда окончила школу, осталась в селе и переехала жить в дом жениха, заняла вторую половину, избицу. Сельским кумушкам любопытно было, вместе они пьют чай или врозь, но не очень-то совали носы. Всё же по закону – квартирантка. Да и не было ни у кого сомнения, что дело к свадьбе идёт. Родители невесты жили в посёлке, как тут называют деревни, в ста километрах от села. И с ними всё обговорено было – осенью сыграют свадьбу. Но Тимофея призвали в солдаты, а родители почему-то поспешно увезли Зинаиду к себе. Мужевские люди не понимали – почему? Жила бы в добротном доме, ждала бы своего солдата. А так изба осталась пустой, слепыми окнами пугая соседей. Правда, позже сельсовет её заселил приезжими ленинградцами, эвакуированными.

Оленеводов в армию не брали, на них распространялся лимит, в пастухи годились молодые и здоровые мужики, на стариков да женщин стада не оставишь. Так что Сём Вань на войну не попал, хотя по годам ещё подходил в солдаты. Про то, что сын воюет, он узнал от Татьяны. Его супруга Луку, на которого так много ворчала она, тоже мобилизовали, последнее письмо было из-под Сталинграда. Лука закончил два класса церковно-

приходской школы и самостоятельно писал, но после первой весточки не было от него больше ни строчки.

Конечно, Татьяна, подобно всем знавшим Сём Ваня, была уверена, что соседа забрали ни за что ни про что, скорее всего – по злому навету, и не будет ему дороги назад. Может, уже и в живых-то нет. А тут после стольких лет заявляется Иван Семёнович. И не как-нибудь, а ночью тайком.

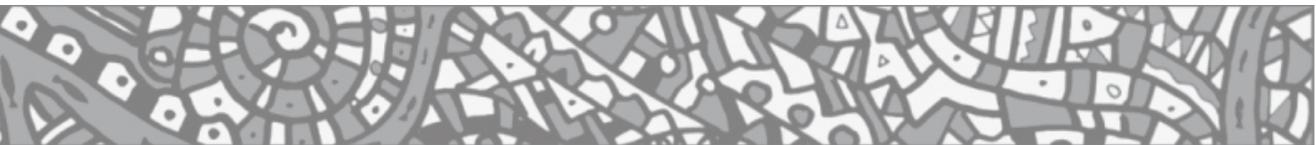
Встречи той могло и не случиться, если б не страшная беда, которая самого Ивана не задела, но и после многих лет вызывала в нём такой ужас, что холодела в жилах кровь.

Беда

Свела судьба Сём Ваня с одним беглым человеком. Звали того Николаем Елисеевым. От него узнал Сём Вань, как зрела та беда, как она разгулялась и чем кончилась. А уж Сём Вань поведал Никите. Тот запомнил ту повесть на всю жизнь.

Тундра... Мороз под сорок... Ледяная дорога... Трактора с волокушами, гружёнными лесом, углём, ящиками, мешками и мотками колючей проволоки... Их разгружают заключённые, ээки. Они, в первую очередь, строят сторожевые вышки, огораживают кусок тундры двойной колючкой и обустраивают вохру, охрану. Сами спят в палатках. Каждое утро из палаток вытаскивают умерших, уже оледеневших, относят в тундру и засыпают снегом. Весной оттаёт болото, и могил не надо копать. Сами себе строят бараки в последнюю очередь.

За что Елисеев попал в тундру? В плену оказался в сорок первом, как тысячи и тысячи по вине других растерянных полководцев. Потом – в немецком концлагере. А ведь как считалось? Раз был в плену, то уже виноват.

В строящемся лагере много было заключённых по пятьдесят восьмой статье, в основном – интеллигентов. Но урки держали верх в зоне. Елисейев прибил к ним. Тошно было с этим сбродом, хоть вешайся, но он с первых дней неволи мечтал о побеге. С доходягами по пятьдесят восьмой статье далеко не уйдёшь, а бандиты – народ тёртый, ушлый. Главное вырваться на волю, а там его только и видели. Доберётся до фронта и ещё покажет, какой он солдат.

В тех лагерных условиях не выжила бы ни одна земная тварь. Только человек... Держали впроголодь. Чуть провинился – в карцер. А это бокс такой, холодный, метра два высоты, и только стоять, ни лечь, ни присесть. Кстати, сами ээки и строили. Через сутки откроят – падает труп. Редкие выдерживали. Елисейев трижды оказывался в этом стоячем гробу. Вываливался без сознания, но выживал. Может, мечта о побеге помогала. По четырнадцать часов вкалывали. Укатывали песчаную насыпь катком. В два человеческих роста колесо сколочено из плах и набито камнями. Вот его и волокли ээки, как древние рабы. Никите потом снилось это колесо. И скрежет камней внутри.

Урки сильно сомневались в Николае Елисейеве, он не был похож на них, но то, что «ботал» о побеге, их устраивало. По весне, когда потеплеет, но болота ещё не растают, предлагал он бежать, но не в сторону Москвы, а на восток, добраться до Оби, а там ночами подниматься на лодках и в первом же большом городе раствориться. Одному уйти в тундру – равносильно подписать себе смертный приговор. И побег удался. Напали во время работы на конвой, а состоял он из двух солдатиков. Те не ожидали нападения, вроде привыкли к заключённым, махрой угощали. Урки отобрали у них автоматы и расстреляли. Пошла чуть ли не

вся бригада, однако «очкарики» отстали вскоре, не для доходяг была прогулка по бездорожной тундре.

Осталось пятнадцать беглецов, все поджарые, жилистые, как сам Елисейев. И казалось, послушны были, признали его вожак. Надолго ли только? Они ж, как крысы, только за свою шкуру. Но до Урала добрались без приключений. Искали их, видать, не там, думали – на запад подались. Самолёт над ними закружил на третий день. Но они уже оказались между гор, где можно было скрыться в лесу. А за Уралом снова – голая тундра. Ночью шли, днём отлёживались, прикрываясь мхом и травой. И добрались бы до Оби, не попадись на пути тот злосчастный чум.

Беглецы спускались по предгорьям Урала. Просматривалось далеко. Вот и увидели чум оленеводов, к тому же над ним столбом поднимался дым. Как не засечь? В глазах и во всём поведении своей ватаги Елисейев заметил нездоровое нервное оживление, но не озаботился поначалу. Изголодались, устали, промёрзли, вот и обрадовались, что можно поесть оленины и выспаться в тепле.

В стороне, в километрах трёх от чума, на берегу речки паслось стадо. Урки его не заметили, они стремились к одной цели. Елисейев почувствовал, что его слова уже никто не слышит. Бежали рысцой, как волки, оцетинив загривки. Оленеводы, как выяснилось, обедали. Когда собаки подняли лай, было уже поздно. Мужчины выскочили из чума, четверо их было. Автоматной очередью их уложили. И началось. Урки распотрошили грузовые нарты, нашли ящик спирта. Из чума никого не выпускали. А там оказались три женщины и шестеро детей. Бандиты напились, нажрались и решили устроить кураж, погулять на воле. Отомстить за свои обиды. Они ворвались в чум, забрав у мёртвых оленеводов ножи, острые,

как бритвы. Елисеев пытался остановить обезумевших скотов, его оглушили прикладом, оттащили в сторону и бросили. Сколько пролежал без памяти, не знал. Очнулся от нечеловеческих криков, хриплых стонов, животного мужского смеха и ора. Что-то невероятно страшное творилось в чуме. Елисеев подскрёб к себе камень, зажал в руке и стал подниматься. Но тут увидел девчущку, выползающую из-под брезента, которым накрывался чум. Видимо, пряталась под сваленными в кучу малицами и не выдержала, выдала себя. На улицу выскочил урка с автоматом в руке. Никогда прежде Елисеев не видел таких побелевших лишённых всякого разума глаз. Бандит схватил девчущку за волосы и поволол за собой. Елисеев подскочил и камнем ударил по голове. Тот смяк и мешком плюхнулся на землю. Елисеев спрятал девчонку на грузовой нарте, накрыв оленей шкурой. И пошёл в чум. Урки по очереди насильовали женщин, на их глазах ножами полосую детей, с хохотом изгаляясь над детскими трупами. И Елисеев стал стрелять, прицельно, без промаха, в головы. Пьяные, очумевшие зэки не понимали, что происходит, заматались в панике, а Елисеев стрелял одиночными выстрелами и валил одного за другим. Второй автомат валялся у входа, он ногой наступил на него. Теперь знал, патронов хватит. Наконец поняв, что их убивают, оставшиеся ещё в живых урки сбились в кучу и умоляли не стрелять. Они плакали, визжали от страха за свои жизни. Ни одного Елисеев не пощадил. Из детей спасты было некого. И женщины были растерзаны до полусмерти. Елисеев бросил автомат и пошёл к девчонке. Он спросил её, знает ли она, где стадо. Она сказала, что знает, стадо пасут два пастуха.

Но в это время показался Сём Вань. Он был одним из тех пастухов. Напарни-

ки услышали автоматные выстрелы и не могли понять, что происходит. Сём Вань и побежал к чуму. Незнакомый человек с автоматом в руке передал ему девчонку. Он помог Ивану вытащить из чума истерзанных женщин, они были живы.

– Скоро придут сюда стрелки, – сказал незнакомец. – Пусть в чуме остаётся всё, как есть.

Он посмотрел на девчонку.

– Считаю меня крёстным отцом, – скупно улыбнулся он. – Николаем меня зовут. Николай Елисеев. Запомни. Хорошо?

И он пошёл в ту сторону, где светлела полоской великая река Обь. Стрелки поймали его на берегу. Он сидел на корточках и смотрел на воду. Автомат лежал рядом.

Для следователей картина была ясной, к тому же это оказался не первый случай, подобное уже случалось, беглецы вырезали несколько чумов, не оставляя в живых никого. Женщин увезли в село, и девчонку, конечно. Та сильно стала заикаться. А Сём Вань с напарником по приказу начальства погнали стадо к ближнему чуму и таким образом угодили в новую бригаду.

С повинной...

Прежние маршруты касланий проходили далеко в стороне от Мужей. А та бригада, в которой оказался Сём Вань, переводила стадо с летних пастбищ на зимние и обратно по застывшей Оби мимо села.

Вот в одну осеннюю ночь и поступался Сём Вань в избушку своего соседа Луки, найдя свой дом заселённым чужими людьми. Отпросился у бригадира на короткое время и остался с упряжкой оленей. Мол, утром и догоню стадо. Уж как там удивилась Татьяна, как засуетилась, как радовалась и плакала одновре-

менно, то подробности. А главное было в том известии, что Тимофея и Луку увезли на войну одним пароходом.

– Может, кому из друзей пишет? – с надеждой спросил Сём Вань.

– А друзья-то где? Там же.

– А помнишь?...

– Зинку-то? Замуж вышла, я слышала.

– Что уж так приспичило? – недобро, с обидой за сына проговорил Сём Вань.

– Это её спроси.

Сём Вань только слабо махнул рукой.

– О себе-то чего не расскажешь? – спросила Татьяна. – Тебя же забрали.

– Как забрали, так и отпустили, – не стал откровенничать Сём Вань, баба она и есть баба – язык впереди ума.

– Чего ж домой не вернулся?

– Значит, так надо.

Не стала Татьяна строить догадки, а в дверях перекрестила в спину уходящего Ивана и напутствовала:

– Бог тебя хранит!

Ещё раз два во время касланий Иван навещал Татьяну. Из опаски дождётся в лесу ночи и появится. Потом догонит на быстрой упряжке медленно бредущее стадо. Спрашивал только об одном, не было ли какой вести от Тимофея. На второй год войны Татьяна получила «похоронку» на своего мужа. Где воевал Тимофей и жив ли – никак не узнать было. И уже только после окончания этой долгой и страшной войны пришло письмо на имя Татьяны, написанное под диктовку чужой рукой, в котором сообщалось, что находится Тимофей в госпитале, что тяжело ранен, что он очень тоскует по родному селу, но приехать не может.

В этом письме Тимофей спрашивал, не было ли каких вестей от отца, но явно без всякой надежды. А то иначе спросил бы – не вернулся ли? Потом шли приветы соседям и друзьям-одноклассникам, из которых вернулись двое. Одного на пути

до чужого города Дрездена ни одна пуля не задела, даже не поцарапала, а второй ходил не протезе. Того, что целым остался и был в звании старшего сержанта, определили в милицию. Великое доброе дело сотворил он в своё время Ивану.

В селе тогда было всего два милиционера, да и те больше баклуши били. Народ-то послушный был и не пьющий. После войны пьянка поползла по селу оспой, безобразя не лица, а души людей. И милиции стало теперь больше роты, да все приезжие. А тот был местный. Его так и звали – Милиционер Максим, чтобы с другими соименниками не путать.

Когда Татьяна при очередной встрече передала полученное письмо Ивану, тот заставил перечитать его раз десять. Всю ночь сидел на кухне, положив перед собой на стол исписанный химическими чернилами лист из ученической тетради в линейку. Утром, когда начался рабочий день, Сём Вань пошёл «сдаваться». Милиционер Максим несказанно удивился воскресшему Сём Ваню, даже глазам поначалу не верил. А Иван всё о себе рассказал, как на духу, ни одним словом не слухавил. Милиционер Максим полез в сейф, самодельно сбитый из жести, старательно рылся в бумагах, а потом сел за рабочий стол и долго думал о чём-то, глядя в окно. За это время в нём созрело начальственное решение и он сказал:

– Бумаг на тебя нет. Отсюда увезли, туда не привезли. Что тут хорошего? Дела не успели завести, значит, судимости не имеешь. А документы мог потерять. Мало ли какой случай! Чум сгорел, к примеру. А уж что ты есть ты, в селе всякий подтвердит.

Иван подал бумажку, в котором значилось, что он является членом колхоза «Большевик». Милиционер Максим повертел бумажку в руках, ещё побыл в раздумье и облегчённо вздохнул:

– Ну, что, дядь Вань? Переводись в наш колхоз по семейным обстоятельствам.

Должно быть, милиционер Максим рассудил так, что никто не станет искать Сём Ваня. Кому он нужен? Те ребята, что везли арестанта, могли сгинуть на войне. А если нет, то не вспомнят они, как однажды потеряли опасного преступника. Дураки что ли? Так что живи и радуйся, Иван Семёнович!

Хороший был человек – Максим, справедливый. За годы работы в газете Никита Егорович не раз встречался с ним, вместе как-то по району проехали, да и за рюмочкой привелось не раз посидеть.

Пусть для него земля вечно останется пухом!

С весны и до поздней осени Сём Вань оставался в Мужах. Тот же Милиционер Максим, одноклассник Тимофея, написал письмо в госпиталь. Сём Вань нетерпеливо ждал ответа. И на каждый пароход ходил. Вдруг приедет без всякого извещения. Уж очень отец просил сына вернуться домой, никакие увечья не должны тому помешать. И очень удивил его опять же чужой рукой написанный ответ Тимофея, что всё у него хорошо, но приехать никак не может и просит за то прощения.

Тогда Сём Вань решил поехать сам в далёкий подмосковный городок. На дороге денег набрал, Татьяна подсобила, сколько могла, знакомые помогли, да двух олешек продал. Это была та самая осень, когда Сём Вань передал оленёнка, преданного друга Никиты, в колхозное стадо. А сам по совету бывалых людей уехал последним пароходом в Омск, чтобы оттуда уже по железной дороге добраться до Москвы.

Вернулся он через пять лет, один. И уже под осень. Помнится, река ушла в русло, открыв широкие глинистые берега с лужицами, в которых оказывались бес-

толковые шуругаи. Зазевались раззявы и отстали от мелеющей реки. Мальчишкам была большая забава – ловить руками скользких рыбок.

Причина

Много суеты в жизни, много житейских хлопот, бессмысленных и ничтожных, от которых не отмахнёшься, а докучают они до полного отчаяния. Иной раз подумаешь, на что уходит жизнь, и так становится досадно, что зло берёт, если к тому же и времени осталось мало, поскольку истекает выделенный природой срок твоего пребывания на земле.

И мелкая житейская суета уже начинает казаться Никите Мехову главной причиной его внутреннего недовольства. Ведь она создаёт видимость жизни. Не прячется ли Никита Егорович за этой видимостью, не находя для себя другого применения? Глотать таблетки в урочное время, выгуливать самого себя в строго определённые часы, соблюдать послеобеденный сон, заниматься дачными делами, настороженно прислушиваясь к сердцу, обстоятельно обсуждать с женой самочувствие – это не устраивало Никиту Егоровича. Зачем? Ради чего? Он себе такой не нужен был.

Понимал, насколько странным и неестественным покажется со стороны такое настроение, кокетством могли бы счесть, но себе-то врать нужды не было. Ведь помнил, как был нужен! Оттого, возможно, и нахлынули воспоминания, что возникла подспудная потребность понять, что же прежде было в нём такого, что сам себе нужен был. И что потерял, растратил или что истощилось в нём, унеся с собой жажду жизни, которая все прошлые годы не теплилась, а кипела в нём?

Кто ответит? Серафим что ли, сидя

посреди лужи? Да он, ещё не обсохший, рядом с пепелищем избы, распил со вчерашним приятелем бутылку ягодной бормотухи и шутил, охмелев:

– Неси картошки, напечём, углей хватает.

Беспечально прожил человек и умер во хмелю. Но с какой стати выплыл из памяти?

Был уже двенадцатый час, а что-то никак не мог уснуть Никита Егорович, ворочался в кровати, ворочался, надоело, поднялся, натянул спортивные и вышел в коридор. Больница спала. Дежурная девушка отрешённо посмотрела на Никиту Егоровича и снова уткнулась в книгу. А он пошёл по сумрачному коридору, на лестничной площадке устроился в кресле, углубился в него седалищной частью и остался доволен полным одиночеством.

Отчего? Вот же ещё вопрос! Отчего ранним утром в снежную замать привиделось Никите Егоровичу, как Сём Вань прошёл в избу, сбросил малицу и устроился за столом в горнице, с большим ожиданием поглядывая на сопевший самовар?

– Дело у меня до тебя, – сказал он.

Какой-то важный разговор затеялся в тот раз. Память натужно силилась воскресить в то далёкое время прозвучавшие слова, но всё ей не удавалось. Причина то ясная – много их было, тех бесед! Но отчего-то же возникла нужда именно в этой. Какой-то ответ таился в том давнем разговоре. Какой?

И может ли что-то прояснить теперешнему Никите Егоровичу услышанное в молодые годы? Он же прекрасно понимает, что вся маета возникла по слишком понятной причине – пришла старость. И выходит, что выбора нет у него, остаётся одно – смирись и жди. Но вот тут-то собака и зарыта – не привычен Никита Егорович к безропотной кротости, сердце

не приемлет смирения. А всё оттого, что натура такая, дурацкая. Потому и утопает в кресле, да пытается ещё чего-то понять. Надо ему – видите ли! – непременно вспомнить, о чём говорили за чаем в далёкий зимний день с Иваном Семёновичем, и хоть ты тресни.

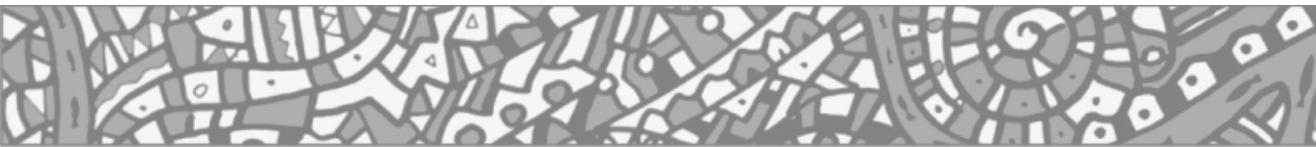
По возвращению из далёкого края Сём Вань не любил вспоминать о том, каким нашёл сына. Говорил, что устроился санитаром при доме инвалидов войны, так что виделся с Тимофеем каждый день. Если даже был солдат без рук, без ног, Сём Вань его на руках привёз бы на родину. Скорее всего, не захотел Тимофей показаться землякам беспомощным калекой. И не ждала его невеста, первая и единственная любовь. Умер сын от тяжёлых ран.

– За что? – вырвалось однажды за рюмкой у Сём Ваня. – Его-то за что?

Это он говорил о судьбе, которая всё так же снилась ему первой женой князька, злой беззубой старухой. Сколько ж можно было ненавидеть Ивана только за то, что он был счастлив с Айной, а потом с Анютой, что он вырастил сына? Разве можно свои несчастья вымещать на другом? Какой от того толк?

Вдовая Татьяна приняла в свой дом Ивана. Ему тогда едва перевалило за пятьдесят лет, должно быть. Она была моложе. Два одиноких человека сошлись и зажили совместной жизнью. В эту-то пору Сём Вань и рассказал Никите о книге с тремя словами, прежде вправив сустав вывихнутой щиколотки. Потом Никиту призвали в армию. По возвращению он стал работать в районной газете. Тогда довольно часто встречался с Иваном Семёновичем. Обычно Никита расспрашивал, а Сём Вань рассказывал о своей жизни.

После того, как Никита стал учиться в Москве, встречались они редко. Иной

раз приедет студент на каникулы, а Сём Ваня в селе нет. Время-то летнее, уехал с женой рыбачить на Большую Обь и вернётся только к осени. По окончанию института Никита не возвратился в село, потому что с его специальностью там делать было нечего, но также наезжал каждый год. Иногда встречался с Иваном Семёновичем, но уже тех тёплых доверительных разговоров не случалось. Отвыкли друг от друга, да и жили больно уж разными жизнями.

Но однажды судьба ещё раз свела их. Никита уже в Минске жил. В одном из писем брат Пётр, перечисляя новости в Мужах, сообщил, что умерла Татьяна, жена Сём Ваня. Старик остался один. Приехав в то лето в отпуск, Никита решил навестить Ивана Семёновича и застал его на дворе. Он строгал доску ручным рубанком.

– Эге, Никита! – признал старик и отложил инструмент.

Поздоровались за руку. Заметно постарел Сём Вань, совсем поседел, прежде живые переменчивые глаза потухли от засевшей в них невесёлой задумчивости. Изба тоже одряхла, одним боком сильно осевшая, стояла старчески кособоко под замшелой крышей. Такое было чувство, что от сильного порыва ветра развалится. Как потом выяснилось, зимой уже невозможно было протопить её, щелястую. Соседи по очереди брали старика к себе. Но с приходом тепла Сём Вань возвращался на свой двор и в амбаре, в такой же развалюхе, плотничал, строгал доски. Думали, решил крышу перекрыть, но что-то дело подвигалось медленно.

– У брата электрический рубанок, – сказал в первые минуты встречи Никита Егорович. – Вжик, и доска готова.

– Не-е, я ручным, – отмахнулся Сём Вань.

Только потом Никита догадался, что старик каждую доску хотел ладонями

прочувствовать. Стругнет, погладит – нет ли огреха. В сарае сохли уже обработанные доски. Сём Вань готовил себе гроб.

– Вот такая у меня затея, – сказал старик, когда расположились на крылечке. – Лучше меня никто не сделает. Уж для себя-то постараюсь.

Сказал он об этом буднично, словно не домовину, а табуретку сколачивал. К смерти он был готов и даже говорить об этом не хотел.

– Как вы там живёте? – спросил старик. – Народу же много! Проезжал через Москву, знаю. В городе люди дышат дыханием друг друга. А тут у нас – свежим воздухом. Есть разница?

Стругал он доски не с утра до вечера, а только по настроению. Брат Пётр рассказывал, что Сём Вань много по селу бродил, не усидчив был, всё бы ему – к людям. После войны, помнится, нищие ходили по дворам, милостыню просили. Вот и Сём Вань...

– Не надо тебе, Наталья, изгородь поправить? – спросит одну хозяйку.

– Может, дров поколоть надо? – попытает другую.

А то мужик горбыль тащит для какой-то надобности.

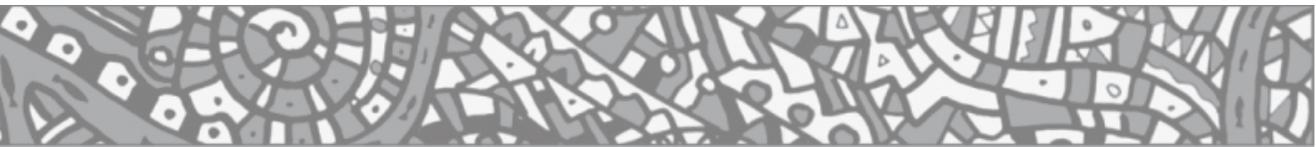
Сём Вань тут же к нему:

– Подсобить?

Да какой он помощник! Сам еле на ногах держится. А всё равно спросит через изгородь подметающую крыльцо женщину:

– Может, чего сделать надо?

Люди понимали – от одиночества это, от полной неприкаянности. И хоть какую-то, но работёнку давали, посильную. Потом стали замечать, что не всё у него ладно с головой. Заговариваться стал, забываться, явно умом ослабел старик. А то чего бы гроб сколачивать принялся из обструганных тонко и в тени просохших досок? Брат Пётр сам был свидетелем,

как Сём Вань долго приглядывался подслеповатыми глазами к противоположной стороне улицы и сказал:

– Ишь, строим идут. Один за одним. А как иначе? Солдаты ж! Солдатам положено строим ходить, пока ноги есть.

А это рабочие шли цепочкой по узкому тротуару.

Странной была его болезнь, но для других безвредной, и никого она не досаждала. Видел он въявь картины давно прошедшие. Шли к нему люди, которых он знал когда-то, а то и любил, но в последний момент исчезали в воздухе.

– Только ж были, – потеряно разводил он руками. – Куда делись-то?

Но однажды произошла настоящая встреча. Никита Егорович, конечно, не был свидетелем этого события, но брат видел своими глазами, как всё случилось. Он-то и привёл парня к амбару, когда тот спросил, где живёт Иван Семёнович Беляев.

В солнечную погоду Сём Вань заканчивал гроб, последние гвозди забил, поставил крышку на место и отошёл в сторону, чтобы лучше рассмотреть свою работу. Широкие двери сарая были распахнуты, и много солнечного света вливалось через них снаружи. В этом светлом проёме появился человек, который сказал:

– Здравствуй, дед!

– Смотри-ко ты! – весело ответил Сём Вань, оставшись довольным своей работой. – И внук появился!

Это он пошутил. А когда тот молодой человек отошёл от сплошного света и приблизился, то Сём Вань чуть не упал. Он еле сделал несколько шагов и сел на гроб. Не отрывая взгляда от парня, Сём Вань ладонью похлопал рядом. Парень понял его и тоже опустил на гроб. Сём Вань увидел в лице парня живые в памяти черты умершего сына Тимофея. И не было у него никаких сомнений, что рядом сидит его внук, родственное сердце

не ошибается.

– Зовут-то как? – спросил старик осевшим голосом.

– Иваном.

Парню было лет двадцать пять или чуть больше. Значит, мог родиться до войны...

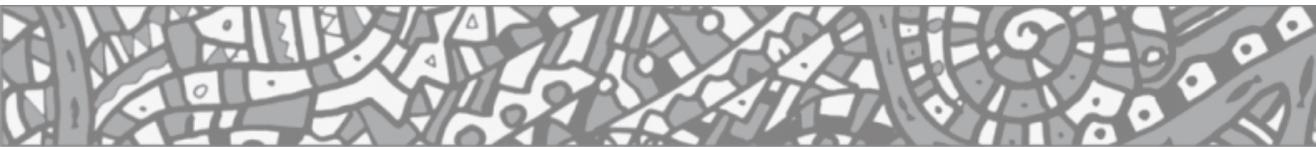
Потом, естественно, всё выяснилось. Когда-то Иван до свадьбы не тронул Анюту, живя под одной крышей. Тимофей же и Зинаида оказались нетерпеливей. Да и понять их можно – свадьбу считали неизбежной. После призыва на фронт Тимофея, Зинаида вернулась к родителям, а вскоре почувствовала, что беременна. И конечно, открылась родителям. Отец сильно разгневался. Он испугался позора. Тогдашние времена сильно отличались от нынешних. Если девка понесла до замужества, то уже пятно бесчестия не смыть было до конца жизни. Даже рождённого ею ребёнка, ни в чём неповинного, называли злые языки обидным словом «чурка». Суди, не суди людей, а так было.

От этого позора родитель увёз девушку в чум и сказал Осипу, молодому и холостому бригадиру:

– Держи крепче.

Чуть ли не в истерике билась Зинаида, когда поняла, куда её привезли и зачем. Но родитель оказался неумолимым, сел на нарты и уехал домой. Куда было девушке деваться? Пешком не пойдёшь, тундра – не место для прогулок. Тем более в сорокаградусный мороз. Все слёзы выплакала девка, да и смирилась. Летом она родила мальчика. Осип соглашался взять её в жёны и с таким приданым. Такая красавица иначе не вышла бы за него.

Мать Зинаиды люто костерила безжалостного мужа за дочь, но со временем притихла. От солдата ни одного письма не пришло. Значит, погиб. И выходит,

правильно поступил отец, что пристроил дочь и тем отвёл позор от семьи. Да и оленеводы в те голодные времена считались богатыми людьми. Хотя бы всегда – при мясе. Так чего лучшего желать Зинаиде, не сумевшей сохранить девичью честь?

Внук Иван рассказал Сём Ваню, что принимал Осипа за отца. Иногда догадывался, правда, что тут что-то не так. Трезвый Осип был очень разумного характера, да и во всём слушался жену, сильно привязавшись, но пьяным преображался, как все мы грешные, и ехидно упрекал жену первенцем, но не напрямую, а намёками. Зинаида ему родила ещё троих детей – двух дочерей и сына. Иван замечал различие, с каким относился Осип к своим детям. Но мать раскрыла правду только тогда, когда Осип умер от сердечной болезни сорока пяти лет отроду. Они уже вернулись с тундры и жили оседло в Овгорте.

– Гроб-то для кого? – спросил Ивана Семёновича внук.

– Гроб-то? – замялся Сём Вань. – Да так... из интересу.

Внук забрал деда и увёз на моторной лодке в свой посёлок. Сём Вань прихватил узелок, в который уместился весь его гардероб. Старую фуфайку и облезлую малицу внук не взял. Мол, найдём, что одеть, и Сём Вань согласился. Но упёрся насчёт гроба, заставил забрать всё-таки добро, тяжесть невеликая.

– Я с приданым! – сказал он Зинаиде, еле признав в пухленькой маленькой женщине худенькую школьницу, однако в этом не сознался, из симпатии проявив большую дипломатию.

Хлопотливая хозяйственная Зинаида велела сыну занести гроб на чердак и в дальнейшем держала в нём кедровые шишки, что приносил по осени сын из тайги. Они ж были смолистые, а тут про-

сыхали и легко шелушились, так что в этой избе щёлкали орехи всю зиму.

Дочери Зинаиды были замужем, жили своим хозяйством, младший сын остался в армии сверхсрочником, так что зажил Сём Вань и не в тесноте, и не в обиде. Зинаида привязалась к нему. Видать, память о Тимофее всё ещё жила в ней. Она призналась, что назвала сына Иваном только потому, что Тимофей мечтал дать такое имя первенцу из уважения к отцу. Но, должно быть, у злой старухи-судьбы опять зависть пеной на губах вспучилась. Новая счастливая жизнь Сём Ваня продолжилась не более года. Умер он тихо, никого не побеспокоив. Похоронили на горке среди других могил в сухой песчаной земле и в гробу, пропахшем кедровыми шишками.

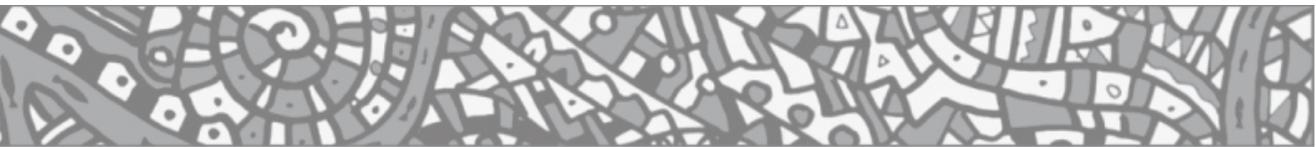
В один из своих приездов Никита Егорович навестил могилу и долго сидел на сколоченной внуком Сём Ваня скамейке. О чём думал? Что вспоминал?

Кажется, далеко позади остался Иван Семёнович Беляев. Но, похоже, идёт человек по кругу, и в конце жизненного пути приближается к началу. К такому мнению склоняло Никиту Егоровича то, что отчётливей в памяти становится детство, а юношеские привязанности кажутся ярче и сильнее последующих. Вот и возвратился Никита Егорович по той причине к своему давнему собеседнику.

– Струхнула чего-то, – подсказал Сём Вань, разглаживая на столе фантик от конфеты и поглядывая на Никиту с хитрецей.

Сам Никита Егорович утопал в больничном кресле, а Сём Вань сидел за столом перед пытящим самоваром в избушке, которой давно нет, разобрали на дрова, и сошла она дымом.

– О чём ты, дядь Вань? – спросил Никита Егорович, забыв о своих годах, будто молодость на время оттеснила их.

– Так ведь маешься! А всё она виновата.
– Кто?
– А душа твоя. Как мышь в горячей избе, заметалась.
– Ей-то чего пугаться?
– Вдруг что с тобой.
– Не темни, дядь Вань. Скажи ясней.
– А чего тут непонятного? Без тебя она будет бездомной. Чему ей радоваться?

И Сём Вань несуетливо отхлебнул из блюдца душистого чаю, а Никита Егорович весь вскинулся, будто вспыхнул жарким пламенем сушняк.

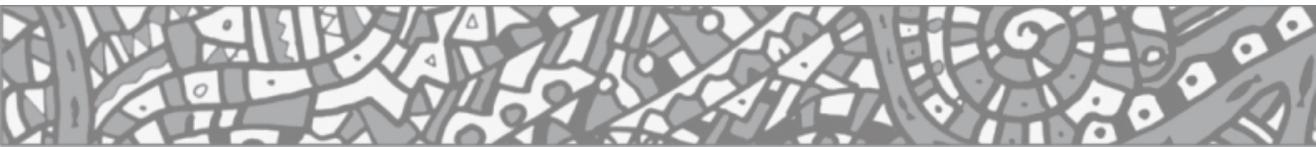
«А ведь он прав! – подумал живо Никита Егорович. – Всё гадаю – что со мной? А это ж она испугалась, в панику впала. Душа! Вдруг ноги протяну, ласты склею, копыта откину, в ящик сыграю, дуба дам, очоурюсь... А ей какво будет? Она ж пригrelась во мне, ладненько устроилась, обжилась удобненько. Уж я ль её не лелеял, не жалел, не почитал, уж я ли не угождал, не ставил её превыше всего, не хранил в опрятности? Я ж о ней никогда не забывал, старался, чтобы ей было хорошо, не допускал до неё мрака, что наваливалась на меня не однажды в реальной жизни. Пусть бы только на душе светло было, считал я, тогда и на льдине в пору ледохода плыть не страшно. При сильной и ясной душе, был я уверен, все тяготы житейские одолею. А коли она отчаётся и в уныние впадёт, точно пропаду. И выкарабкивался из болот неудач без зла, без ожесточения и обид, обретал себя заново, потому что душа оставалась в сохранности и было куда возвращаться.

Я без неё не мог обходиться в этой земной жизни. Но теперь оказалось, что и ей без меня – полная проруха. Ведь чего испугалась? Она того испугалась, что меня потеряет. А без меня ей и вечность – не утешение. Кто о ней так заботиться будет, кто её станет укутывать любовью, как пуховым одеялом? И кому

она так нужна станет? Вот ведь что для неё важно, должно быть. Не спешит она оказаться в мировом пространстве, и не годы, не столетия, а вечно тосковать о том человеке, который единственно любил её, только в ней находя оправдание своего житья-бытья. Из благодарности за ту любовь она ответно наполняла его добрыми чувствами и раскрывала его глазам подлинную красоту, касалось ли то близких ему людей или природы. Она помогала ощущать, что живёт он не в узком и затхлом мирке мелких забот, а куда как шире пространство вокруг него. Вот так вот. И никак не иначе. Без взлелеянной души человек пуст, как коровье ботало без язычка».

Этот длинный мысленный монолог Никита Егорович выдал, казалось бы, на одном дыхании, словно прорвало нарыв. И пришло облегчение. Был такой случай в детстве у Никиты. Случилось это незадолго до того, как оленёнка определили в стадо. Приволок Никита из леса дров на санках. В упряжке были он да верный пёс Шахтёр, прозванный так за то, что был чёрным, как печная сажа. Устал Никита до невозможности. Высвободил пса из упряжки и повалился спиной на снег. Думал отдышаться, полежать минуты две. И такой сладкий сон стал заволакивать сознание! Усни, простыл бы запросто, хоть и был в малице, а воспаления лёгких не избежал бы, сон на морозе коварный. Но проснулся от толчков в бок. Оказалось, оленёнок своими маленькими рожками бодал его. Видать, соскучился, с утра ж не виделись, играть приглашал, а Никита почему-то не хотел побегать с ним, как обычно.

Вот и душа затормошила опустившего нос Никиту Егоровича, как тогда оленёнок. Да ведь о нём, – это ж о нём! – пришёл рассказать Сём Вань в тот раз, как пришёл с улицы весь в пушистой курже.

– Вот у меня какое до тебя дело, – сказал Сём Вань. – Про твоего приятеля узнал. Думаю, тебе интересно будет.

– Про какого приятеля?

– Да оленёнка! Забыл что ли?

Прикинув годы, Никита Егорович догадался, что встреча эта произошла в самом начале шестидесятых годов прошлого столетия, он ещё в редакции газеты работал. Оленёнок родился в конце войны. Ему, значит, в ту пору было около двадцати лет. Большого срока природа им не дала.

Оленеводы удивительным – уму непостижимым! – образом отличают в двухтрёх тысячном стаде каждого оленя. И один из пастухов рассказал при встрече Сём Ваню про его оленёнка. Вырос он в могучего зверя. Редкостной силы был самец. И стал, естественно, менуреем стада. Привычной говоря – вожаком. Во время каслания стадо не двинется с места, пока менурей не пойдёт. Он первым пробивает путь по снежной целине, вскинув огромные ветвистые рога, целеустремлённый и гордый. А уж за ним движется стадо. Весь свой недолгий олений век оставался он неизменным менуреем, не уступая своё первенство молодым. Те и подступаться к нему боялись, страшен был в ярости.

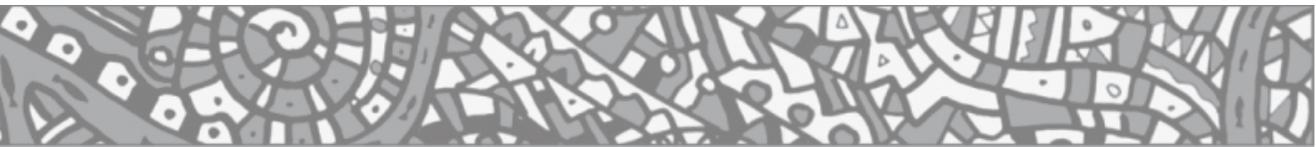
Но старость оказывается сильнее любого богатыря. Однажды менурей вёл стадо через снежную тундру к морю. Снег по весне был уж больно глубоким и к тому же волглым, сам менурей и сразу за

ним идущие самцы увязали по грудь, пробивая путь брюхатым важенкам. По бокам менурея шли двое его сыновей, тоже могучие красавцы. К исходу дня сердце постаревшего менурея не выдержало и лопнуло. Он уткнулся в снег могучими рогами и застыл. Сыновья пошли дальше, не оглядываясь, соперничая друг с другом. Двух менуреев не бывает, и один из них взял первенство.

Стадо двигалось вперёд. Важенки проходили мимо неподвижного самца. Ещё недавно они были послушны ему. Он мог отогнать любого соперника. И каждая покорялась его любви. Теперь все ушли, а он остался один серой глыбой на истоптанном тысячами копыт снегу. Стадо не могло остановиться, как сама жизнь.

И в этот ночной час, сидя в кресле, Никита Егорович почувствовал жгучий стыд, словно въявь увидел направленные на него огромные и влажные глаза оленёнка, в которых застыл изумлённый вопрос: «Как это не радоваться жизни?». Он-то знал, его достойный друг, что надо идти до конца, до самого предела, пока не уткнёшься в землю лбом, тем поставив окончательную точку. Только так и никак не иначе.

Никита Егорович стал вытягивать себя из кресла, опираясь руками на подлокотники и чувствуя в себе возникшую в душе охоту научиться отбивать матросскую чечётку. Когда ж ещё и научишься, как не при жизни?

Владимир Сумароков

Сумароков Владимир Рудольфович – журналист, литератор. Родился и вырос в Воркуте. В 1986 г. закончил исторический факультет Сыктывкарского государственного университета. В 1986–1990 гг. занимался преподавательской деятельностью, с 1991 г. – журналистикой. С 2001 г. – главный редактор газеты «Трибуна».

Стихи и проза В. Сумарокова печаталась в различных журналах и коллективных сборниках. Автор книг: «Единственная тюрьма» (1992), «Агарь» (2000), «Коми на переломе» (2013), «Злоба дня» (2014).

«Возможно, осень...»

***

Есть запреты на тысячу разных проказ –
На застолье, драку, валяние дурака.
То ли совесть терзает, а может – жена и врачи.
Чтобы жить – существует немало причин.

Ходишь в лавку и мелочь сшибаешь на жизнь.
Лунным вечером точишь на кухне ножи.
Наточил – да уже запретили врагов,
Задвигаешь обиды на ржавый засов.

Но однажды сорвёшься: все правила и табу
Хоть на ночь, да вылетят, словно в трубу.
Ты нальёшь себе водки и сядешь с другом за стол,
От зловещей совести, как от погони, ушёл.

И снова куришь, произносишь застольный спич.
А после, пьяный, едешь под красный кирпич.
И женщине сонной, потому что – нельзя,
С виноватой улыбкой заглядываешь в глаза.

***

У рыжих запах сухой, соломенный,
чёрные пахнут водорослями, глубиной,
каштановые – водой колодезной,
а дуры крашенные – тобой.

***

А помнишь, и мы летали,
как на картине Шагала...
И падали вниз без звука,
когда расцепили руки.

***

Ни одной не запрятав заначки,
взял да помер мой друг-неудачник.
Ни стихов не оставил, ни денег.
Хоронили его в понедельник.

***

Хоть я жалок, слаб и плох,
у меня полно врагов.
Даже маленький микроб
шепчет злобно: «Чтоб ты сдох!»

***

Злой умник в траурной толпе
пред гробом скажет вдруг, напыжась:
«Ведь говорили же тебе –
бросай курить, вставай на лыжи!»

***

На узких дорожках карточных
судьба подберёт остаточки:
разлуки, дома казённые
и тупики бетонные.

А будущее к нам пятится,
а будущее в нас пялится,
как сон с четверга на пятницу.

***

Сработан пар эпохи нулевой,
В кишках раздутых переварен холод.
Он надорвался, маленький герой,
Когда страну прихватывал за ворот.

Не запахнуть, как крылья кимоно,
Не завязать на тонкий чёрный пояс.
В окно не видя ближнее окно,
Гудит вражда, быкуя и сукровясь.

Державный блеск у памяти займы
Уже не взять, из прошлого не вычесть.
Среди зимы – ни мира, ни войны,
Лишь череда позорных, мелких стычек.

В пустых экранах звёзды сожжены.
Летит кортеж, и снайперы – на крышах.
И вновь не чуем никакой страны
Ни под собой, ни даже где-то – выше.

***

В слепую рань, до первых сигарет,
Какая доблесть – выбежать из дома!
По холодку, безумный, как поэт,
Ты топчешь рыжий гравий стадиона.

Не снился Данте этот странный ад:
Круги рифмуя, двигаться кругами.
Молчат трибуны, трубы не трубят.
Истёрлись диски между позвонками.

То старость, милый, сколько ни храбрись,
Твой мелкий подвиг миру бесполезен.
Горит в подошвах стоптанная жизнь,
И кровь стучит, отравлена железом.

Кто видит бег, кто выйдет на балкон? –
Один лишь Бог, бессонницей измятый,
Твой вечный зритель, вечный стадион,
Насмешливый холодный соглядатай.

***

Исход неясен. На фронтах любви
Давно не помним времени любого.
Туда или обратно – журавли?
Возможно, осень. Осень, слава Богу.

И будут ждать какой-нибудь весны
Оглохшие у пушек канониры.
Две армии, не выиграв войны,
Уходят спать на зимние квартиры.

Но стихнут трубы милого врага
И барабанов гневные мажоры,
Когда под утро отзовёшь войска
И волю дашь слезам-парламентёрам.

Прятки

Это в детстве бывает, когда играют в мужчин,
Пыхтя папиросой. И тянет то вверх, то вниз –
Равнодушные прятки в бахrome паутин,
Без особой надежды спрятаться и спастись.

Но пока не хватились во дворе и нигде,
Можно выкурить пачку целиком, на пари,
Оставаясь бессмертным под лестницей, в темноте,
Никогда не вырасти и не уехать в Париж.

И в глаза своей девочке – звёзды пляшут на чердаке –
Говорить со знанием дела про «парижскую пыль».
А когда она дрогнет, прижаться к её щеке
И любить её долго, как никого не любил.

Чтобы прятаться, в мире есть города,
Есть цветные ландшафты, морская крадущая гладь...
Но однажды состаришься – и случится беда,
Когда некому больше тебя искать.

Под сквозными мостами, в прицелах прозрачных аллей –
Будет осень, и горький осыплется сад-парадиз.
Жизнь пройдёт – и не надо, не думай о ней.
Никому не спастись.

Телеграмма

Смерть – как восстанье, как переворот:
берёт вначале почту, телеграф.
Нет расстояний, есть ночной полёт –
и весть летит, звоночек оборвав.

Затем, без пауз, может взять вокзал,
бездумно тычась в очередь у касс.
Кассиров – матом, штурмом – поезда.
Но слёзы – нет! – не капают из глаз.

Лишь после тризны, жирных пирогов,
когда ты пьян, и зол, и нехорош,
заноет сердце. Восемь страшных слов –
смысл телеграммы – может быть, поймёшь.

Рисунок на дне кувшина

В зубах эпох, по старческим законам,
мир перетёрся в мраморную крошку.
Издалека колонны Парфенона
напоминают старую расчёску.

Как безнадежна древняя усталость,
Элады пыльной каменная осень...
Но мёртвый мир – из глиняных развалов –
вдруг оживит фигурка водоноса.

Смешной пострел, над вечностью летящий,
ему легка живительная ноша.
Не в жалком прошлом – в жарком настоящем
бегут века по глиняным дорожкам.

И пусть земля оставлена богами,
давно остыли мраморные вещи.
Но этот живчик с тонкими ногами
не упадёт и воду не расплещет.

***

Шорох стеклянный текучих песков,
глиняный сон ассирийских царьков –
древняя память, дорожная вечность
двух караванов, идущих навстречу,
что никогда и нигде не встречаются.
Души песочные рассыпаются,
дервиши, шейхи, песочные башни...
Время их точит, самое страшное –
время песочное.

Ты приходила из пыльных веков
с тысячью сказок и тысячью слов,
Шахерезадой себя называла,
но исчезала, к утру рассыпалась,
так никогда ни со мной и ни с кем
не умерев на холодном песке.

Время без стрелок – самое точное,
кровью разносится, камешком – в почки...
Вот и рассыпался влажный комочек.
Время песочное.
Кажется, кончилось.

Лавел Лилеров

Чудь йылысь мойдъяс

сийма К.Ф. Жаковлы

Кор енэжыс вöлі улын...

«Мойд меным, Коми морт, висътав важ кадъяс йылысь, сы йылысь, кор му вылас артмис морт!» – Тадз ме пöгибö вошти съод вөр шöрын, дзескыд керкаторйын олысь пöрысь-пöрысь пöльöс. Керка öшиньясыс вöйöмаöсь нин муас, быттö вужъяс нин лэдзöма нитшсялöм оланіныс да син гознас-öшиньяснас дзөръялö öтарö-мöдарö дзедбасьяныс. Шпыньмуніс пöрысь пöльö да вочавидзис мен: «Кывзы, Кальö, висътала ме тэныд важ кадъяс йылысь, кор мортыс эз на вöв тайö му вылас, кызди енма-муа костас босътчис мортыс, кызди Ъвлаыс лоис öнія кодънас. Тэкöд сёрнитö мыйсянь и панны, ог кө висътав медводдза войтыр йывсыс, сійö войтыр йывсыс, коді оліс му вылас Енмөн мортöс вöчтöдз на.

Важөн-важөн, му нэм саяс на, енэжыс вöліс сэтшöм улын, мый кинад позис сьöдз судзöдчыны, а Ъджыд Енмыс, став ловъя лов вöчысыс, век на ветліс му вывті да вöччöдіс мусö виль ловъясөн. Сэк и овліс му вылас тешкодъ войтыр – чуд. Код найöс сідзсö шуис? Дерт, эз асьныс, йöз найöс сідз шуисны, а кызд асьныс асьнысö нимтісны, миянлы не тöдны нин. А ми найöс сідзсö шуим, сы понда, мый ёна нин чудеса кодъöсь вöлісны. Судтанас ляпкыдикöсь, весът кузя кымын, асьныс сьöдöсь, кокъясныс гöнаöсь, ыжъяслөн кодъöсь. Зэрмас кө, найö сизимён öти гоб улö дзедбасяны, тöрöны тай вöлөм! Татшöмöсь найö и вöлісны медводдза йöзыс. Юалан, кытысь

найö му вылас лоисны? Мусьыс, дерт, мусьыс. Ставыс му вылас мусьыс петіс, мупытш кöйдысысь. Быдмөгъяс, и гут-гаг, и пемöсьяс – ставныс кöйдысысь артмисны, со и мортыд, урбöж моз, туруныскöд тшöтш мусьыс быйкнитіс.

Шуда кадъясö овлісны чудъясыд! Енэжöдз кө кинад судзан, сідзкö, и шондіыд лун и вой югзьö, стчöджыка кө, луна-лун. Войыс йылысь öд эз кывлыны, зэръяс-көдзыдъяс ни кос жар йылысь эз жö кывлыны. Öтторъя шондіа, öтторъя шоныд, дерт, сэсса и няньыд эз öнія кодъ быдмы. Чудъясыд сійöс эз көдзлыны, ачыс быдмис, да и, миян синлы кө, веж петмөн. Миян öд рудзöгыд öти шепта, öти заа, а чудъяслөн рудзöгыс кустөн быдмывлöма: быд за вылын – йöзви, быд йöзвисянь – бара заяс, дай абу заяс, а шепъяс. Быд сэтшöм рудзöг куст öнія рудзöг му кодъ! А öд и вундынытö абу вундывлöмаöсь чудъясыд. Эз сямтöм понда, а шуöма налы вöлі: мыйён чарла му вылас лоас, став мутлак-чудыс бырö му вывсыс. Со и мырсисны чудъясыд, письтöг-шылаён йöзвисö писькөдлісны, сэсса шепсö гезійөн шыркнитлісны, да сизимён öти шепсö пöрöдлісны. Сэсса и вартлісны няньтö эз йöз моз чаптөн, а быгыльтанён, кодлөн быгыльтаныс эз вöв – чöрсөн дай. Сепысяс-мешökъяс эз жö тöдлыны, юртöм чöрöсьясö тусьсö кисьтавлісны, чöрöс чöръясын видзисны. Вит-ö-сизимён кыскасны тусь чöртö сёр вылö, тусьыс на вылö киссьö, юртöм

чөрйид өд кыкнанладорсянныс восьса, абу чөрөс сійө, со и матайтчөны. Өдва-өдва, кызмырдөн лэптасны, а войнас шыр котөртас сёр вывтйид, бөжнас тусь чөртө уськөдас, джоджад ставыс сьув-сявмунас! Бөрдөны чудьяс, помеч чукөртөны, мед тусь чөртө бөр сёръяд лэптыны.

Турунтө ытшкыны чудьяс эз жө кужны. Гашкө, и косасьид полисны чарласьид моз, но турунтө керавлісны өжынөн. Туруныд джуджыд, турун заад өжынтө сатш-касны, сэсса нөшөн нөшалөны өжынтө, кытчөдз заыс оз ор. Мырсисны, дерт, а податө вердны колө, скөттө видзисны жө, вөлісны налөн мутлак-мөсьяс да мутлак-вөвьяс. То өд, өжынтө төдөмаөсь, а косатө абу, но мый керан? Чуд – чуд и эм!

А олөмаөсь найө му розьясын, му улас, шыр ли вурдысьяс моз. Му пиас олөмаөсь, өти розяс нель-ө-витөн. Кодкө висьталө, мый налөн дзоляник керка-торьяс вөлөмаөсь, быттьө посни көжа-изйысь керкаяссө лэптывлөмаөсь. Гашкө, и сідз, сөмын керкатө өд ломтыны колө, а пачьястө абу жө төдлөмаөсь. Гашкө, и керкаястө пачтөг лэптавлісны, сэк өд шоныд вөлі, лун-лун шонді пөжис-шонтіс. Тешкодь кадьяс! Пачьяс абу төдлөмаөсь, а кывлөмаөсь жө кыськө, мый рок колө кызкө пуны. Со и кыскасны тэсьтө чөрөс чөрнад ва дорө, бузгасны шорад, панялөны, чайтөны рокыд пусис нин. Мыйкө, гашкө, и паняласны, а кызсө визу-лыд горув нуас да, пыдөсас лэдзас да. Со өд сямтөмьясыд!

Сям абутөмысла и пропадитісны. Шөйтис коркө Ен чуд муясөд, видзөдө да, чудьяс нянь вундөны: кодкө письтөгөн писькөдлө, кодкө кинас нетшкө – сьөкыд налы, мырсьөны, ноксьөны, а гос абу сійө уджысь. Жальөсь лоисны Енлы, шуис отсыштны. Кайис енэжас, дорис чарла, вундынысө мед кивывджык лоис, дай муас чөвтис – мед пө чудьяс нимкодьясьыштасны. Аддзисны чудьяс чарлатө,

юрнысө жуглөны: мый пө тайө сэтшөм ыджыдыс, чукляыс, ёкыш пиньяс? Оз-ө мыйкө лёк ло сысянь? Ыджданад Енмыд сорсьөма: чудьясыд өд мутлакьяс, а чарлаыд ыджыд морт вылө артмөма. Лэптас чарлатө өти чуд, гөгөрбок видзөдалө. Увсянныс видзөдлас да, чарла улад юрыс лоө. А мөд чуд и асланныс кыскыштас чарлатө, шаркнитас-орөдас юрсө ёртыд-лысь. Повзясны чудьясыд: мыйсяма пө гундыр-юр вундысь тайө?! Ставнымлысь пө юрнымөс вундалас! Пышйыны колө!

Медся збойясыс и горзөны: «Пөдтыны колө! Мед дукасы му вылас эз вөв!» Шараритчисны чарлаө дас кыкөн, кыс-кисны Эжва ю дорө, важ нинкөмө сөвтисны да и ю шөрад петісны. Чарлатө путкыльтісны нинкөмсьыд, а сійө пиньяс-нас сатшкысьөма нинкөмад, да нинкөмтө гумыльтас. Чудыд варччыны оз куж, дай вөясны ставныс.

Сямтөмыд сямтөм и эм. И куста няньтө сы понда жө воштөмаөсь. Висьталөны, ид вундигөн өтилы дышөдөма, да ёрчас: «Мед тайөс Чомөр вундас, дзык жө нин сөн ормөн лоис!» А дерт, орас сөныд, ачыс кө шеп увсьыс оз тыдав. А Чомөрыд сэн и вөлөма: «А тэныд кутшөмджык идйыс колө?» – «Дзоля шепта, чунь кузя кымын мед...» Чомөрыд и шырзяс став тусьсө, муртса идзас помас кольыштас. Сэтысянь став идйыс чунь кузя шепта чужө.

Кодсюрө и мөд ног висьталөны: Ен пө скөрмөма да, тадзсө вөчөма.

А колө шуны, чудьяслөн кагаыс чужөмөн тшөтш кок вылас сувтө вөлөм да сёрнитны босьтчө. Өти чуд-ань кага вайөма, узьны водтөдөма, а ачыс пач дорө сувтөма блин кысьтны. Блин кысьтас, енэжө ляскас көдзөдны: енэжыд улын, дай көдзыд вөлөма сэк, а чудыд, тыдалө, пөсьтө абу сөйлөма. Видзөдө чуд-аньыд: кага чеччис, ветлышис дай пуксьывліс асмогөн. Чуд-аньыд уськөдчас, кагаыд-

лысь сiтантö блиннад чышкас, ыласас да блинтö и енэжад на ляскас. Скөрмас Енмыд, этшсьыс петмөн, лэччас му вылад, няньтö тшапкас да шырзбыны кутас тусьсö. Пон чепöсьяс кыськö, пиньнас курччас шеп помтö да шуас: «Менсьым пайöс кöть кыв кузьта коль!» Енмыд и небзьöдчыштас да шуас чудъяслы: коля пö ме няньнытö öти шептаöн, да и шептыс сöмын пон кыв кузя лоас, кутанныд пö пон пай сёйны öнiсянь. А чуд-аньыдлы торйөн шуас: «Мед куим во челядьыд куйлыны кутасны, кыв оз сетлыны! Куим во мысти сöмын кок вылас сувтны кутасны!» Сэтысянь челядьыд чужöмөн тшöтш оз сёрнитны, а кок вылас сувтöны арöсөн. Но, миян челядь – морт челядь нин, абу нин чуд челядь. Ещö на енэжтö пежалöмысь Енмыд содтас: «Мед öнiсянь некод енэжас оз инмöдчыны вермы!» И кыптас енэжыс вылiсьыс вылö, непöштö киён он судз, изйён он судз, ни ньöвйён, ни пицаль пуляён. Кыптас енэжыд, елма-муа костыд ыджыдысь-ыджыд лоас, паськалас гөгöрбок, чудлы вывтi ыджыд лоас. Рудзöг да ид дугдасны кустён быдмыны, сы весът пуяс быдмасны джуджыдысь-джуджыдöсь, нюжöдчасны вывлань еджыд гача кыздыяс. Ывлаыд вежсяс да, чудъяс коньöр кодьюсь лоасны. И гөгöрвоасны чудъяс, мый кад воис мунны му вывсьыс. Шуöма öд вöли: кор пö еджыд пуяс кутасны быдмыны, му вылас овмöдчасны еджыд чужöма йöз. Чудъясыд-тö дзoляникöсь да сьöдöсь вöлисны. И мунасны чудъясыд, му веркöссьыс вошасны. Вошасны, но оз дзикöдз, быттö сыласны вильмöм елма-муа костас: öтияс ваö пырасны да ва

олысьöн лоасны, мöдъяс вөрö шыбитчасны да вөр олысьöн лоасны, коймöдъяс вужляяс улö суйсясны да дзодзулö пöрасны, нельöдъяс му улö кундысясны, кодъясны джуджыд гуяс да сэтчö чечыштасны. Муысь петiсны, муö мунiсны.

Тадз и бырисны мутлак-чудъясыд, чудö пöрисны. Быдлаын сэсся олöны чудъясыд: керкаын – керка-чуд, пывсянын – пывсян-чуд, вöрын – вөр-чуд, ваын – ва-чуд. Орччөн чудъясыд олöны, а ми ог аддзöй найöс, ог казялöй, гашкö, вывтi поснийсь да, гашкö, асьным ог кöсйöй аддзынысö. Коркö пö тай öти мужик вөрöд мунö вöлöм да кылö, трачни-тас мыйкö кок улас, сэсся кодкö чилöстас: «Мыйла тэ менсьым град йөрöс лямöдiн?» Видзöдлас мужикыд: збыль, тальччöма ньöр потшöстор вылö. А гöрд гоб улын дзoляник-дзoляник морттор дзeбсясьö. Босьтас киас, а мöдыс чилзö: «Эн вөрöд! Эн лысьт!» Мужик думайтö: час пö челядьлы петкöдла дикöвинасö, сэсся бөр вая татчö. Дзeбас пестерас, локтас гортас да кöсьяс ошйысьыштны мортторнад, а сийö и абу нин. Розьöдöма пестертö да пышйöма. Ог тöд, кодныслы шудыс уси ёнджык, чудыслы али мужикыслы. Чудъясыд пö öд, кöть дзoлясь, выныс ыджыд: гартасны, бергöдласны сивнырөн, шыбитасны кытчöкö парма шöрас, сэсся и пет, кызд кужан. Тайö важ йöзыскöд бурджык не ляссьыны. Налысь войтырсö Ен миян вылö вежис. А колöкö, кад воас да, Енмыд и мöдарö на миянöс чудъясөн вежас: ми му вывсьыс мунам, а чудъяс бөр локтасны».

Комиöдiс О. Уляшев.

Овлісны комиын багатыръяс

«Мойдышт меным, Коми морт, вись-тав багатыръяс йылысь, чуд-багатыръяс йылысь, кодъяс войдөр, нэмъяс сайын овлөмаось Коми муас!» – Тадз ме пöгибö воштi съод вөр шöрын, дзескыд керка-торйын олысь пöрысь-пöрысь пöльöс. Керка öшиньясыс вöйöмаось нин муас, быттö вужъяс нин лэдзöма нитшсялöм оланіныс да син гознас-öшиньяснас дзöрьялö öтарö-мöдарö дзедбассяныс. Тадз ме юаси, и воча меным висьтасис пöрысь морт, воймöм морт, мойдiс вöвлөмтор-ö, вöвлытöмтор-ö важ кадъяс йылысь, му пуксян кадъяс йылысь, кор еньяс лэччывлісны на йöз костö, а йöзы асьнысö лыддисны на ен пиянön. «Но, кывзы, Кальö, пель саяд сюркняв Пальö Кальö, мый ме тэд висьтала, кöть и мойд кодь быттö ставыс тайö. Важön Ен олö. И му вöчас Енмар еныд, шылъыдöс, мичаöс, шнич рай-саридз кодъöс, но Куль-Омоль вокыс, вокыс сылön, медводдза лёк вöчас, мутö тшыкöдас. Муыд оз рай кодь ло, чургöдчасны сыысь кыръяс-изъяс, нюръяс-гöпъяс артмасны, войвыв кодзыд да лунвыв жар, тундраяс да лыа муяс, парма да тшем лунвыв вөръяс. Овмöдасны вокъяс-енъяс мусö пемöсьясön да йöзön, да тыдавтöм ловъясön. Сэксянь зъверъяс, черияс, пöткаяс олöны вöрын, ваын, сынöдын, йöз олö сиктын-карын, а ловъяс-ортъяс – быдлаын: вöрын и ваын, юын и сынöдын, весиг сиктъясын да каръясын овмöдчöмаось.

Но медводдза йöзнас му вылас вöлöма мутлак-чуд. Муысь чужöмабсь, му горсйын нэмсö олöмабсь, нэм помас сэсся муас и мунöмаось. Сэсся воас мöд войтыр му вылас, ыджыд, гырысь, багатыр кодь. Кытысь воас, юалан? А со кыз вöлöма. Овлöма тасянь зэв ылын, шондi чеччанінас войтыр, а налön юръяснас вöлöмаось

памъяс-вокъяс Ком да Пеля. Муыс-ваыс тырмöма, няныс волöма куимысь во-нас, абу тöдлöма пам-вокъяслөн войтырыс тужа ни нужа. Тшыгъявны, эськö, абу тшыгъявлöмаось, но донön ковмывлöма вештысьны сыысь скөр Шурмалы, пустыняса кос тöвъяс да лыа сивныръяслөн енлы. Бур няньсьыд вештысьлöмаось вирön: быд вежон Шурмаыд корлöма кык ныла-зонмаöс да куим ыжöс. Шуасны öтчыд вокъяс: «Тырмас сэсся вирна-ным вердны Шурмаöс!» Скөрмас Шурмаыд, ыстас на вылö ыджыд кырнышöс. Лэбö кырнышыс да, борд шыыс гым кодь, бордтывъяссьыс чард сывкiйö да йöзсö виö. Унаöс виас кырнышыд да бөр лэбас Шурма дорö. Но эз öвсьыны вокъяс, эз öвсьыны и йöзыс, дай мунісны сiйö мусыс. Эз тайöс кöсйы Шурма, и бара ыстiс кырнышсö. Чöвтiс кырныш бордтывъяссö Пеля да Ком войтыр водзö, и быдмисны бордтывъяссьыс Изъяс, вежöдны кутісны вөръясön, еджыдавны йиа чугъяснас. Некыз йöзлы мунны. Но эз вермыны Изъяс падмöдны ызьöм йöзтö, вуджисны найö Из вомöныд. А кырныш борднас визьйöдліс мутö, и ылькнитісны паськыд визув юяс, тасалісны-потшисны йöзыдлы туйтö. Вуджисны век жö йöзыд юястö, да на бокö и кольччисны овнытö. И шуис Ен: «Олöй Эжва да Кама пöлön нэмыс!», а Шурматö асьсö чардön-биön вöтліс Изъяс улö, джуджыд горсьясö. Путкылясьö сэн Шурма, петны кöсйö, муыс сырмö сэк, но Ен бара на швачкö сiйöс чард-нөвнад, и ланьтлö Шурма. А Шурмалысь кырнышсö босьтiс Ен аслыс да нимтiс Рык-лэбачöн. Енлы казачитö Рык, сылысь тшöктöмсö-корöмсö йöзлы восьтö.

Висьтавлісны: Пеляыд да Комыд вöлöмаось Енлön да Зарни аньлön пиянön, сöмын оз тöдны вöлөм. Сетас

Енмыд налы му выв нэмсö овны, сэс-ся чукöстас ас дорас, юалас, кызд водзö овны кöйöны? Ком шуас, му вылын пö, и лэдзас Ен сійöс Кама ю бокö. А Пелялы Ен сетас ыджыд вын, нимтас сійöс Войвывса öксыөн, Войпельён. Олö Войпель Урал-Из вывса медыджыд чуг йылас, Төлпоз из вылын. Ачыс сійö Вой төлыс и эм: сямöд турушка сотчигкостті мусö-васö ставнас удитö кытшовтны. А Ком гөтрасяс Ёма нима ныв вылö. Тöдысь вöлöма Ёмаыс, уна гусятор төдлöма. И ваяс Ёма квайт пиöс. Багатыр пияныд öдйö быдмöмаöсь, йöлыс оз вöлөм ставыслы тырмы. Енлы Ёмаыд юрбитас, Енлысь корас, да Енмыд сетас сылы содтöд нель нень, мед нин став пияныслы тырмас. Сэсся выльысь на квайт пиöс Ёмаыд ваяс. Быдмасны Комлөн да Ёмалөн пияныс багатыръясөн. Джуджыдöсь, шыльыд кыр йыв пожöмъяс кодьöсь, дай эбöсныс вöлöма налөн эштöм.

Дзескыд лоас та гырсясыдлы чужан позъяд, шуасны юксыны ай-мамсыс. Мунасны Ком да Ёма пияныд оланін корсьны. Лун мунасны, мөдöс, коймөдöс, а гырысь йöзыдлөн и воськовьясыд гырысьöсь: ылöдз мунасны. Но, öти вок-лы и лов сертиыс кутшöмкö кар лоас, шуас сэн керка лэптыны. Видзöдö, а черыд абу. Абу гөгөрвоöмаöсь босьтнысö, ли öтик и вöлöма, гашкö. Айыслы горöдас: «Айö! Чертö шыбитлы!» Комыд чер шыбитас, лэбас черыд вөрпу йывті, юяс весьтті, пиыд кутас черпуöдыс. Лун-мөдөн вөр пөрöдас, подув весалас, керка, пывсян да тшамъя тшупас. А вокьясыд водзö нин мунöмаöсь. Кылö сійö: «Вокö, чертö шыбитлы! Зэв мичаин аддзи!» Шыбитас чертö вокыдлы, черыд вөрпу весьтті лэбас, юяс вомөн лэбас, кутас мөд вокыд. Керка-карта да пывсян тшупас. А сэн нин и коймөд вокыд горзö: «Вокö, чертö шыбитлы! Зэв мичаин аддзи керка улö!»

Сідз сэсся и шыбласясны чернад,

кытчöдз ставныс ас керкааöсь оз лоны. Сэсся, дерт, и асланыс черъяс лоасны. Налөн керкаяс гөгөр и мукöдъяс лэптысьны кутасны, сиктъяс кыптасны.

Паськөдчасны чуд-багатыръясыд став Войвыв пасьтаыс, Урал-Из пöлөн. Пуксясны югыд ваа Иньва да Кама, Эжава да Мозын, Тшугөр да Печера бокса каръяс вылö. Нэмөвöйся пуяс кералöны, увйöны, ёсьтöны да муас тувьялöны, топыд потшöсьяс лэптöны. Карыд öд абу сöмын кар, но и карйөр, мед вөрöгысь дорйысьны позис. А чудлөн вөрög тырмис! Му пуксян кадъясад öд быд пежыс на вöліс. Вөръясті шөйтисны нисьö морт, нисьö зьверъяс, краж кыза киа-кока вир юысь мутияс. Тöv ныр моз уськөдчывлісны öтка ветлысь вылö шыри-гульчияс, весьöпöртлісны, юрвежöрсö гусявлісны. Вöрса тилльö ылöдлісны-кыскывлісны кый кока вöрса нывъяс, бубыляяс, дзык нин бöрсö волытöм вылö. А кульпиян, ыджыд дзодзув юра васа Кульлөн челядыс, сувтөдлісны чери кыйысьяслысь пыжнысö да корисны вира сёян. Но медся повзёдчысьнас вöлісны кöсаö кыём юрсия согра-йöгра багатыръяс, кодъяс, код төдас кысь, төвзывлісны асланыс гөна вөвьяснас изьяс вомөн и нюръяс вомөн. Чорыд, бур төдтөм согра-йöгра сотліс чуд каръяс, виалис мужичöйясöс да сьöрсыйс нуөдліс челядьöс да нывбабаясöс.

Зюздялөн сизим пи вöліс, сизим багатыр, Кама пöлөнса сизим карын öксыяс. Шудакар зюздя-чудъяслөн вöлі медыджыд карнас. Шуданад эз весьшөрö шулыны: Зюздялөн войтырыс тшыг ни кöдзыд эз төдлы, да и мукöд карас эз дзескыдджыка овны. Зюздя бура веськөдліс войтырнас, а сылөн сизим пиыс чудлысь муяссö дорйисны. Век жö öтчыд согра-йöгра уськөдчис да пуркөшитіс Шудакартö, пыллісны и ещö кутшöмскюрö кар, уна босьтисны нылöс-нывбабаöс пöлөнö. Эз ылö мун согра-йöграыд, сувтіс

чуд кыркөтшө станөн, тыдалө, и водзө на көйсис зюздя муястө пурны. Чукөртис сэк Зюздя пиянсө сёрни вылө. «Талун найө Шудакар пурисны, аски мукөд карсө пурасны. Дасьтысьой тышкасьны, пиянөй, вувтам вөрөг вылө сизим лун мысти». Тшөктис Зюздяйд ракаясөс кутавны, квайт луна-воя зюздя-чуд рака куталис. Сюрса сюрс рака кутисны, а сизимөд луннад мунисны согра-йөгра станлань. Стантө кытшовтисны да, ракаястө лэдзисны. Ракаясыд позланьыс уськөдчисны лэбны согра-йөгра стан весьтти. Съод кымөрөн сайөдисны согра-йөграйдлысь стансө. Дөзмис согра-йөграйд, кутис ньөвйөн шөтны ракаясланыд, став ньөвсө чилйөдлисны, ни өти эз коль. Сэк вөлисти чюдьясыд ньөввужъясад кутчысисны, став вөрөгсө виисны. Вөтлисны коляс вөрөгсө чужан му вывсьыс, а чукөртөм эзысь-зарнисө аслыныс босьтисны.

Уна вөли багатырыд Чуд муад. Каръясад олисны, а мед лёк войтырысь посьысьны, каръяс увтыс туйяс пискөдалисны. Матыстчас согра-йөграйд Анюшкар дорө, чукөстчас Анюш, мупытш туйясөд сы дорө мукөд багатырыс котөртө. Дерт, эськө, эз жө век мупытш туйөдыд ветлыны. Висьталөны, вокъяс овлөмаөсь, Паль да Көч. Пальыс вөлөма ош кодь ён да мудер, а Көчыс көч кодь сюсь да пельк. Орчча каръясын овлөмаөсь вокъясыд, верст вит костөн. Коркө и Паль кар вылад вөрөг уськөдчас. Дыр тышкасяс Пальыд комын согра-йөгралы воча таш көрт паличөн. Паличыд сэсся и чегас. Горөдас Көч-вокыдлы: «Вокө, отсышт! Паличөй чегис!» Көч карсыд сэсся и чугун палич лэбө, вокыд шыбитөма да. Тшапкас Пальыд паличтө, дай бусьяс вөрөгьястө. А сэн и Көч кар вылад нин вөрөгьяс уськөдчөмаөсь. Куш кинад дыр водзасяс Көч, пөгибө кутас воны да, горөдас: «Вокө, бөр паличтө шыбитлы!» Палич лэбө, Көч тшапкас, вөрөгтө нөйтас, нөйтас, сэсся и

бара вокыдлы шыбитлас, мед Паль сэсся куш кинад дыр кезлө оз коль. Тадз сэсся, палич шыблалөмөн, и тлясны вөрөгтө, кытчөдз оз пышый. Эбөсыс шогмытөм ыджыд вөлөма вокъясыдлөн: паличыс, видзөд, пуд комын сьөкта вөлөма, а найө вит верст сайө шыблалөны вөлөм.

Сэсся дырөн ли регыдөн, а каръяс гөгөр и сиктьяс-грездьяс сөвмасны, прөстөй йөз овмөдчасны гөгөрыс. Вөралөмөн да нянь вөдитөмөн олөмаөсь, а багатыръяс көрт дорөны да тышкасьоны – сийөн куш и ноксьөмаөсь. Босьтчывлөмаөсь пө сэтшөм-татшөм уджө, но нинөм абу артмөма. Дерт, висьтавлисны, мый чуд-багатырыд ытш-кыны кө петө, кык-куим öлыштөмөн пөстатьыд усьө, а пөрөдчө кө, өти керыштөмөн вит пу уськөдө. А Мозын вывса карын со Трөк Самөй овлөма, коркө көйсисьөма сиктсаяслы ытшкыны. Шеньштас өтчид да, турун сорыд орчча пуяссө тшөтш ытшкыштас. Босьтас сэк Самөйыд косасө да лэчтанөн наляс, ныж косанас сөмын вермас ытшкынытө. Мөдысь вөзйисяс кодлыкө тыла ректыны. Лун джынйис коляс, а пукалө пө да уджө оз босьтчы, черсө зудьялө. Медалысьыд и дөзмас: кор нө пө уджад босьтчывлан? А Самөйыд вочавидзө: «Тэ эн пинясь, первой верд менө». Көзяинид, мый сьөрсьыс вайлис сөянтө, пызандөра вылө гузьгас, казакыд өтпырысьөн вомас чөвтас, ещө быттьө этшаджык на лоөма, сэсся бара пуксяс чер зудьявны. Скөрмас нин поводнөя медалысьыд, пинявны кутас дыш уджалысьтө, а мөдыс чеччас, өвтыштас чернад, да енэжтасөдзыс вөрыд усьө.

Вөлөмаөсь чудыдлөн вежаиньяс, сэн енъясныс сулалөмаөсь, сэтчө юрбитны волывлөмаөсь, нимтивлөмаөсь вежаиньяссө куалаөн ли колаөн. Уна вөлөма сэтшөм колаыс чуд му пасьята: кымын өд сикт-кар, сы мында и вежа кола. Вежавидзөмаөсь чюдьяс Енмар да Зар-

ни водзын, ёна пыдди пуктивлёмаось и налён Войпель пилюсь челядьсё да Комёс, кодъяслысь отсөг виччысисны да кодъяссиянь вужъяссё арталісны. Вёліны и мукөд енъяс, лыд ни тшөт, сулалісны пу енъяс колаясын, юрбитіс налы чуд. А өтчыд онас чукөртчывлісны ставныс медся вежаинас. Емваса да Эжваса чудлөн Емва вомын сэтшөмыс вёлёма. Ыджыд кыз сэн сулалёма, кодос витөн сывйыштны оз вёлём вермыны. А Коммуса чуд чукөртчывлёма Камаё Иньва усяніны. Сэн сулалёма коз, кодос сизимён сывйыштны оз вёлём судзны. Енмарлысь сизим чужом сійё козьяс лөсавлёмаось. Сизим чужомён Енмарыс видзөдома сэтысянь асьнас вөчөм енмамуа кост вылас. Вожъясас көртавлёмаось жыннъяс да зильганъяс. Войпель кө пльыштö, зельгöны да бовгöны найö, сідзкö и чукөстчөмыс йөзлөн ен пельөдз воис. Гөрд муын олöны Енмар да Зарни, налы сизим бөждора гөрд азямъяс козьनावлісны. Вожъясас көртавлісны. Му аныслы козьनावлісны көр ку: гуавлісны вужъяс костас, мед сөмын көр куыслөн ныр йылыс тыдыштіс му увсыс.

Ставөн чукөртчывлісны Кама воссян лунö, кор йиыс вөрзьевліс. Ставөн виччысисны сырчик воём, оз өд весьшөрö шуны: «Сырчиклөн кокыс вөсни, да йи жуглө». Зэв муса Енмарлы тайö лэбачыс, сійөн ыджыд козсö и нимтивлёмаось Сырчик коз. Коз улын сөйиг-юиг, чудыд асьныс сур юисны, дай коз вужъяс вылас кисьталісны, важ йөзöс казтьивлісны, мед сетасны бур нянь. А багатыръяс панъясисны: ньөввужысь лыйсисны, коді ылөджык да коді стөчджыка, шыяс да таш көрт паличьяс шыблалісны, көрт сяръясөн сяръясисны.

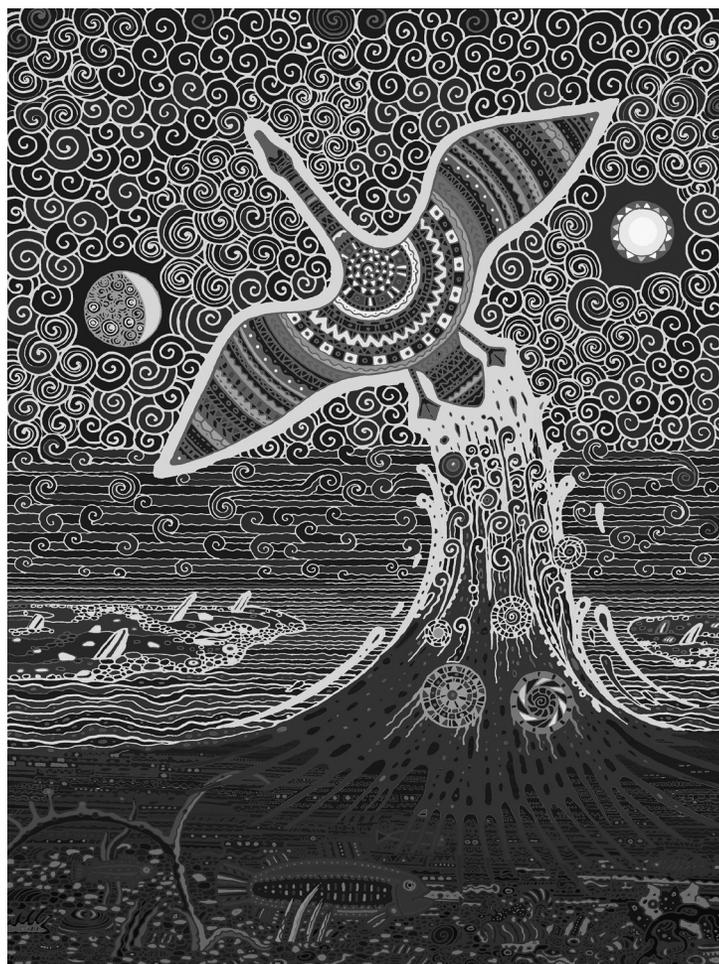
Коркө сэсся чуд багатырыд вывті уна лоёма, Муыд абу кутöма лэптыны найös. Сэтшөм сьöкыдось, мый өтчыд мунасны да, кок туйöдыс ю босьтчö визувтны, сулыштасны өтилаын, ты пычмунас кок ув-

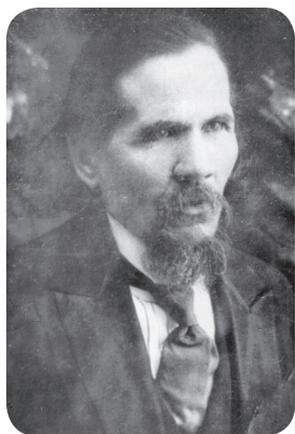
сыс. Мунёмаось сэсся чуд-багатыръяс Изланьö, сөмын изьяинын овны вёлём вермöны. Гажтөм сэн босьтас. Тöлысьяс да, вояс да ветлöны изйысь изйö, шыбласьöны сярйөн-паличөн, а сэсся и вензьяны кутасны өта-мөдыскөд. Коркө Енмар лэччас енэжсыс му вылө, видзөдө да, Паль кузьнечаас зэв кыз көрт палич дорö. Енмар дзор пөльöө пөртсяс, матыстчас да юалö: «Мый доран?» – «Көрт зор. Мусö көсья путкыльтны». – «Мыйла?» – «Мед шоныдджык лоас, а то көдзыд, а Из вывсьыс мунны некытчö». – «Кыз нö путкыльтнысö көсьян?» – «Зор йылас сюрта мусö да пельпом вомөн зорйышта-путкыльта». – «Аттö, мый вёлём тэнад юрад! Сэн войтырыс тэа-меалы юрбитö, а тэ... Изйөн тэд лоны нэмыс!» И пöрас Пальыд изйö.

Вөляникысь и мукөд чуд-багатыръясыс изйö пöрасны. Пырасны найö из горсьясö багатыр вөвъяснас, озырлуннас, эмбурнас, кодос му пуксьөмсянь на чудъяс чукөртлёмаось, дай измасны. Измасны, а ордыс налөн оз ор. Пера вёлёма налөн вужйысь, Кудым Ош, Йиркап, Тунныръяк... Да уна на вөлі Коми муад нималысь багатырыд, налөн вужйысь петлөмыд. Да и Коммуса войтырыд, медводдза Ком-памыслөн йылөм. Коми – Комлөн йылөм сідзкö. А измөм багатыръясыд сідз и колисны Урал-Изъяд. Ыджыд шог кө пö лоас, сөмын сэк петасны из горсьясысь багатыръяс, коми войтырös мездыны. Сөмын кутшөм шог колö, мед петісны? Кывсьывліс өд, мый и Ставмирса воддза война водзас и Ставмирса мөд война водзас багатыръяслөн вөвъясыс гораа гөрдлёмаось Из пытшкөссияныс, но сідз некод абу и петöма. Тадз меным висьтасьліс Коми морт, пöрысь пөльö, му вылас медся сөстөм Тщугөр ю бокса дзюляник важ керкаын».

Комиöдіс О. Уляшев.

Жаков 150 лет

Каллистрат Жаков

Жаков Каллистрат Фалалеевич (1866–1926), выдающийся учёный, философ, писатель, родился 30 сентября 1866 г. в д. Давпон (ныне – пригород Сыктывкара) в крестьянской семье коми-зырян. Профессор Психоневрологического института, организованного академиком В.М. Бехтеревым. Литературная деятельность К.Ф. Жакова начинается в 1905 году с выхода его первой книги «На Север, в поисках за Папом Бур-Мортом» и цикла стихов «Песни Пама-Бур-Морта» в «Зелёном сборнике». Самым крупным произведением является автобиографический роман «Сквозь строй жизни» (1912–1914). Его перу принадлежит и литературный эпос «Биармия» (1916). В историю науки он вошёл как финно-уровед, исследователь этнографии и фольклора финно-угорских народов России и, в первую очередь, народа коми, а также как литературный критик, исследователь прозы Кнута Гамсуна, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Н. Андреева, Альфонса Доде. Он занимался лингвистикой, математикой, астрономией, педагогикой, оставил труды по философской гносеологии, логике, но в истории философии более известен как создатель философско-религиозной системы, названной им лимитизм – «философия предела», основы которой заложены уже в его первой философской работе «Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания» (СПб., 1904).

Биармия

II

КОМИМОРТ

Лес мой древний, лес священный,
Дай мне песен величавых!
Покажи мне все тропинки,
Их узоры меж деревьев,
Их изгибы у подошвы
Старых сосен, стройных елей!
Ты раскрой мне все богатства:
Родников, ключей истоки
И начала рек великих
В пармах тёмных, беспросветных,
Очертанья скал гранитных
И столпов порфиroidных!
Научи ты заклинаньям,
Силе чар могучих тунов!
Покажи ты птичьи гнёзда
На вершинах острых елей,
Гордых сосен над холмами!
Милый, милый лес священный!
Кто познал немые тайны –
Долго будет жить на свете!
Белый ягель, мох хрустящий

На холмах сине-кудрявых,
Гулко-звонких под ногами!
Гряды-кочки золотые
У краёв низин болотных!
Словом просьбы к вам иду я!
Не ленитесь, расскажите,
Кто здесь был в веках минувших,
О делах их благородных
Вы поведайте подробно!
Так я плакал, заклиная,
Слёзы лил в лесах дремучих!
Ворон старый тут сказал мне,
Слово молвил он такое:
«Пальцы ног твоих могучих
Ты направь на мглистый север,
Волока пройди без горя,
Пресекая горы, доли,
Лоно рек переплывая,
Без вниманья к шуму леса,
Песнопеньям водопадов,
Говорливых вод теченьям.
Миновать ты должен дальше
Груды скал тёмносенистых;
Вправо, влево не гляди ты,
Шири рек, горбы течений,
Островов туманных стаи –
Ты оставь всё без вниманья;
День, другой, за ними третий,
И ночей не меньше также,
Ты иди без дум, оглядки.
На тебя тут с гор высоких
Серая избушка глянет
В два окна с крыльцом скрипучим.
И войдёшь в избушку эту –
Старец у стола там пишет,
Были, небыли – всё знает.
Борода в аршин длиною,
Кудри белые, как льдинки,
Очи чёрные, как небо
В час полночный, в час гаданий,
В стужу зимнюю без вьюги.
Обратись со словом к старцу:
«Комиморт, старик безгрешный!
Сказочник ты несравненный!
На́больший ты тун-волшебник,

Покажи ты мне рубины
Древних сказок, песнопений;
Хризопразы прибауток,
Слов народных отдалённых;
Те алмазы слёз великих
Поколений позабытых;
Халцедоны поговорок,
Мудрых притчей незабвенных;
Все кораллы вод зелёных,
Островов великолепных
В океанах светлоструйных,
Близ течений многошумных,
Близ пупа земноморского;
Чудеса свои раскрой ты,
Вымыслам всем дай движенье;
Пусть посева дум великих
Вырастают без препятствий
На полях рассказов светлых,
На полянах кисти вольной,
Кисти старой, величавой,
Многодумной, сладострастной,
Быстроцветной, переливной».
Старец тут уста откроет –
Развернёт клубок он песен
Длинной лептой многоцветной.
Сам увидишь сонм героев.
Многославных, дивно мудрых
Тех времён давно минувших».
Ворон так промолвил слово,
Путь он верный указал мне,
Знак он дал, ведущий к делу,
Линию провёл прямую
К цели жизни, к утешенью
И к забвенью неизбывной
Скорби сердца, скорби мира.
Тут открылся ящик песен –
Синей дымкой вылетали,
Сизым паром выходили
Песни древности воскресшей;
Развернулся клуб тех нитей –
Серебристых, золотистых
Поздно вечером у бора,
Близ ключей певуче-звонких,
У истоков рек хрустальных,
Близ фонтанов, вечно бьющих

Из земли, из недр глубоких;
Развернулся клубок сказок
Старины волшебной-тайной,
Древности на вкус приятной;
Выходили тут, клубяся,
Рои пчёл, жужжа крылами,
Диких шмелей на закате,
Над травой ароматной,
Над ромашкой полевой,
Жёлто-белой, с лепестками
Нежными, как утро мая; –
Нет, не пчёлы то жужжали
И не шмели там роились:
Звуки – песни, сказки – краски,
Прибаутки, поговорки
Там кружились, волновались,
Извивались, в кольца гнулись,
Выпрямлялись стрелой дальней;
Тугой лук был там великий
И стрелок был несравненный,
Тун-волшебник, житель леса,
Чудо-тайна, приворожник,
Чаровник и обоятель,
Комиморт красноречивый,
Сердцевед и чернокнижник.
Если с шишками из злата,
Сосны красные на парме,
Ветви-кудри их из бронзы
В час вечерний, в час заката –
Поклонились сосны, ели,
Комиморту честь воздали.
Как запел тот сладкогласно,
Искрививши рот широкий;
Наклонил главу он набок
И к щеке приложил руку,
На ладонь он упирался
Головой своей кудрявой:
Пел он день, неделю даже,
Напролёт все также ночи.
Хляби неба так богаты
Дождевой водою сладкой,
Грудь земли неистощима
Рудами металлов горных –
Так певец был многозвучен,
Многошумен – голос жизни.

Нет конца словам священным
Старины певуче-громкой,
Так луна не устаёт ведь
В беге жизни в выси дальней,
Солнце движется всё время,
Исполняя повеленье
Бога вышнего за небом.

III

ПРИСКАЗКА КОМИМОРТА

Леший в пармах колобродит,
Красные штаны надевши
И кафтан зелёный сверху;
В красной шапочке гуляет
Меж деревьев многошумных,
Вихрем буйным мчится в дали,
У ручьёв звонко-поющих,
У великих рек кристальных,
Меж камней седых, недвижных,
Мхом зелёным вокруг обросших.
Йома-баба тут стучится
В двери красные избушки
У пригорка, на равнине.
Тут вошла она в избушку –
И в окно глядит уж баба,
Древняя хозяйка леса.
Лоб в морщинах, руки-плети,
Щёки впалые у Йома.
«Ой, вы, дети, дети пармы, –
Говорит она тут слово. –
Все деревья ведь внучата
Бабушке-хозяйке леса;
Принесите кошку, дети,
Чёрную, без белых пятен,
И костёр здесь разведите.
Кошки чёрные на башнях
Вдаль глядят, мяучат хором,
Бешенно хвостами движут,
Дико-злобно подняв кверху
Чёрные хвосты на воздух».

.....

XIII

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЕВ

День один, другой, и третий,
Уж десяток насчиталось –
Всё плывут герои наши,
Вместе с ними и царевна,
Благочестная девица
Знаменитой Биармии.
В устье Эжвы уж проникли,
Вычегды-реки широкой;
Острова все миновали,
Отмели, мысы остались
Позади, вдали тумана.
Вновь запел Вэрморт-кудесник –
Лишь теперь он вдохновился.
Он ударил в струны домбры,
Пятью пальцами коснулся
Струн священных, полных силы,
И запел он, вдохновенный:
«Чудо дивное случилось!
Мы звезду сорвали с неба,
Тайны неба принесли мы
Вниз, на землю, чудодейно:
Посмотрите – Райда в лодке,
В утлой лодке князя Перми!
Именитая царевна,
Кардора цветок весенний,
Дочь Оксора – чародейка
Многославной Биармии!
Здесь она, меж нами, в Парме!
Что за радость, что за счастье?
Горний цвет и миг блаженства!
С моря-океана жемчуг
Мы достали песнопеньем.
Миг великий, миг священный!
Ты застынь, остановись здесь!
Боле ничего не надо,
Будущего нам не нужно,
Прошное исчезло также!
Яур, князь рыжебородый!
О, взгляни на деву Райду
И усни в блаженстве вечном!

Знай, звезда упала с неба
И в руке твоей блистает,
Озаряет мир лучистым
Взглядом вышины небесной.
И ты, Райда, веселися,
Сердцем радуйся, царевна!
Севера дитя, красotka,
Алый венчик дикой розы,
Лепесток ромашки белой
В золотистом поле, в пармах,
Где ячмень растёт привольно,
Жёлтый злак между травой!
Красный клевер ты, царевна,
Близ берёз зеленокудых!
Белый клевер на полях ты,
Средь лугов тех ароматных!
Ты красуйся в горной Перми,
Ласточкой живи меж нами.
В горницах красуйся в светлых.
Посмотри, над нами крыша –
Меднокованное небо –
Алой лентою румяной
Опясано по краю;
Темя неба – синь, лазурь там;
Солнце нас не забывает,
И луна плывёт над Пермью!
А над небом – древний старец,
Енмар-Бог неизречённый!
Во дворце, за сводом неба
Он читает книгу правды
И вершает по законам
Все дела земли и неба.
Дом его – хрусталь зелёный,
Стены – чистые алмазы,
Крыша – сталь лазури звонкой,
Пол – небесный свод и звёзды.
Горнему внимай ты, дева,
И живи спокойно в пармах!
Яур, князь рыжебородый,
Опираясь на советы
Мудрой девы Биармии
Как на каменные горы,
Совершит немало дел он
И великих и полезных!»
«Слышны звуки с жёлтой Эжвы,

Чьи-то звуки золотые!
И Вэрморт колеблет струны,
Струны домбры старо-древней», –
Так деревья все сказали,
Глядя с берега на лодку,
Яура ладью на волнах.
Взволновались тут сосны,
Ели, пихты и берёзы,
Жимолость в ложбинах старых,
Ольхи красные в низинах
И черёмухи на тайгах,
Ивы гибкие близ Эжвы,
Матушки реки великой,
Челядь прочая повсюду
И кустарник дикой розы –
Тот шиповник на вершинах
Красных гор, вблизи увалов,
Можжевельник невысокий,
Липы, скромные малютки,
Волчьи ягоды в долинах –
Серьги красные в ушах их,
И рябины-честолюбцы
С гроздьями пурпурных ягод,
Кисло-горьких чрезвычайно.
Лиственница, дочь леса,
Речь держала по-иному,
Обратившись к сестрицам:
«Издивитесь, сестрицы,
Чуду новому меж нами
И неслыханному раньше.
Яур, князь рыжебородый,
Косолапый сильный Ошпи
И Вэрморт, кудесник славный,
В древний город поспешили,
Красный Кардор знаменитый,
Усыпили Биармию
Песнопеньем чудодейным,
Усадили в лодку князя
Райду, мудрую царевну,
Привезли сюда с собою
В утлой лодке невеликой,
В малой лодочке проворной.
Вот она сидит меж ними,
Дочь солнца с Бела моря.
Всю Двину они проплыли

И живые все вернулись;
Век не слыхано то раньше
И невидано то было».
Зашумели все деревья,
Головами закачали,
Руки-ветки поднимали
В синий воздух, к крыше неба;
Песнопеньям предалися
Все деревья в синей парме:
«Шилих-лили-сине-гили,
Торо-гото-ара-гили-
Роко-тото-гымда-гато,
Ули-лили-пуаня».
Звуки песен тех деревьев
Услыхали звери, птицы,
Заорали, закричали,
Загудели, затрубили,
Заревели и запели,
Голосили, выли, ныли,
Защелкали, замурчали,
Засвистели, зашумели,
Запорхали, взволновались,
Побежали все на Эжву,
К Вычегде хрустально-струйной.
Страшный топот тут поднялся,
Гул и звон тут раздавался.
И холмы все зазвучали,
Горы сини зазвенели,
Небо тучами покрылось –
Стаей птиц заволоклося.
Что за диво тут случилось,
Чудо-юдо приключилось!
Яур, князь рыжебородый,
Доброе промолвил слово:
«Что за топот раздаётся
С берегов звончато-гулких
И с холмов тех отдалённых,
Что за тучи там, на небе –
Облака вдруг поднялися,
Солнце красное закрыли?»
И Вэрморт, игрок великий,
Он ответ держал разумно:
«То не тучи, а соборы
Птиц, пернатых песнопевцев
Поднебесных в синей выси;

Топот гулкий раздаётся
От шагов зверей огромных,
К нам бегущих, к синей Эжве.
Звери, птицы нас встречают
И с почётом принимают
Деву Райду, дочь Солнца
И Луны золотоликой,
Госпожу свою навеки».
Тут всплакнули все герои,
Умилённые душою;
Как алмазы, лились слёзы
По щекам царевны Райды.
Ночь прошла, настало утро.
Новый день великолепный
Проходить стал над страную.
Яур, князь рыжебородый,
И царевна Биармии,
С ними Ошпи Лыадорса –
Вверх по Вычегде плывут все,
К Джеджим-парме вдаль стремятся.
Яур-князь, владыка Перми
Слово мудрое промолвил:
«Посмотрите-ко вы, братцы,
Вы послушайте с вниманьем:
Где-то топот раздаётся
И становится всё ближе.
Нет ли где погони тайной?
Час неровен, осторожность
Не мешает человеку,
Всё бывает в этом мире
Коловратном, переменном –
Дождь сегодня, завтра солнце,
И обратно тож бывает».
Тут Вэрморт, игрок великий,
Речь держал он по-иному:
«Вон я вижу самоеда,
Самоеда с Биармии,
По одежде вижу ясно;
На оленях поспешает,
К нам вдогонку он стремится,
Вот и голос раздаётся».
И гонец тот Биармии
Закричал с горы высокой:
«Яур, князь рыжебородый,
И царевна, дочь Оксора,

Сильный Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий,
Вы послушайте словечко,
Ведь насили я догнал вас
На оленях быстроногих!
Царь Оксор уже проснулся,
Править начал вновь страну.
Весточку он посылает
И добра он вам желает,
Шлёт привет свой князю Перми
И любовь свою царевне,
И на брак благословенье.
Гнева нет в душе Оксора,
Любит всех душой великой
И на свадьбу он приедет
В дальний Джеджим вверх по Эжве.
Биармийцы все проснулись
И с прошедшим примирились,
Кошки чёрные на башнях
Вновь мяучат прежним хором,
И собаки вновь уж лают,
Также цербер, пёс великий,
Ноет, воет с визгом, гиком
И хранит он, как и прежде,
Город Кардор многославный.
И воскрес уж Рымда-воин –
Он из камня в человека
Превратился, стражем стал он,
Как и встарь, всей Биармии».
Так кричал с горы высокой
Самоед, гонец проворный
И обратно тут поехал
На оленях быстроногих,
В санях мягких, вдаль скользящих
По траве зелёно-жёлтой.
Путь направил в Биармию,
Весточку царю Оксору
О царевне тут понёс он,
Что жива-де дочь Оксора
И плывёт-де в малой лодке,
С Яуром стремится в Джеджим.
А царевна прослезилась,
Плакала о Биармии,
Об отце своём о славном.
По щекам лились слёзы,

Те алмазы протекали,
В лодку падали на дно уж.
Тут её утешил Яур,
Слово мудрое сказал он:
«Ты не плачь, царевна Райда,
Твой отец приедет в Джеджим,
Он на свадьбу к нам прибудет
И нас всех благословит он,
И на счастье, и на радость
Будем жить мы все спокойно».
Утерла тут слёзы Райда
Белою рукой – алмазы,
Успокоилась надолго.
Вновь божественное утро
Наступило над рекою,
Неустанно вверх всё плыли,
Беспрерывно вдаль стремились
Средь лесов могуче-вольных –
Многославные герои.
Жёлтые пески сменялись
Синью пармы многогорной,
Красным берегом порою,
Вдаль идущим, прямо в горы.
Миновалось устье Выми
Быстротечной, каменистой –
Древней Емвы желтоглазой.
Сыктыв-ю затем остался
Позади уж у героев.
Пресекли и устье Локчим,
Той реки глубоководной.
Вишера их повстречала,
Желтоводная река та,
Но они не оставались
В устьях рек и дальше плыли.
Синие вершины Джеджим
Напоследок показали
В одно утро над рекою.
Поклонились тут герои,
Увидавши горы Перми,
Прослезились, взволновались.
Родина ждала их с лаской –
Матерью была героям
Джеджим-парма над рекою.
Дом сосновый увидали
На горе той Джеджим-пармы;

Дом родной свой видел Яур.
Туча чёрная поднялась,
Небо синее покрылось
Облаками так внезапно,
Солнца лик закрылся вскоре,
Гром ударил тяжко-грозно,
То не туча ведь была там
И не облако носилось:
Птица Рык закрыла небо,
Голос птицы прозвучал тут,
Словно гром небесный, грозный;
Птица Рык сказала слово:
«Яур-князь обратно прибыл
По моей великой воле
И привёз с собою Райду;
Радуйся, живи по правде,
Делай всем добро и пользу,
Принеси стране предгорной.
И ты, Райда, успокойся:
Сына принесёшь ты вскоре,
Он придёт ко мне на горы,
На горах Уральских будет
И увидит в пармах чудо:
То яйцо великой птицы,
Птицы Рык – судьбы железной».
Так сказавши, удалилась
Божья птица вдаль, на горы;
Тучи чёрные исчезли,
Солнца лик открылся снова,
Заблистал великолепный
День, как раньше, лучезарно.
Лодка утлая приплыла
К Джеджим. Вот остановилась
В устье речки светлоструйной.
Многодумно выходили
Тут герои все из лодки –
Яур, князь рыжебородый,
И царевна Биармии,
Сильный Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий.
Встали на песок прибрежный,
Мужиков тут увидали.
Все работники на пармах –
Яура они спознали,
К берегу все прибежали.

Женщины, подростки, дети
С криком, с шумом появились
Возле Эжвы многоводной,
Поклонился весь народ тут
Чужеземке именитой,
Дочери царя Оксора,
Словом добрым утешали
Жители горнистой Перми.
К дому князя подошли тут,
На крылечко поднимались
Яур и царевна Райда.
И вошли они в избушку,
В горницу вошли неспешно,
В белую светлицу в доме.
А Вэрморт, игрок великий,
К хижине своей пошёл он
Возле речки светло-синей.
Он на гвоздь повесил домбру,
И – на отдых ту певицу
В хижине своей сосновой
С белоснежную стеною.
Сильный Ошпи Лыадорса
К кузнице шаги направил,
Что была там, в синей парме.
Он ковать принялся спешно
И мечи, и копья князю.
Так вернулись те герои
В Джеджим-парму, стали жить здесь
Жизнью вольной меж деревьев
И в домах своих сосновых.
Райда часто выходила
Из избушки той сосновой.
Под ногами – белый ягель,
А кругом – светёлка леса...
И мечтала тут царевна
О былом и о грядущем
И о сыне предречённом.

XVI

Силы высшие природы,
Горные ручьи и реки
Отдалённого жилища –
Рая-неба – притекайте,
Утолите жажду духа!

Духи неба, приходите
К одинокому скитальцу
И взнесите думы сердца
К сердцу мира для слиянья.
От людей далёк мыслитель,
Тайны мира все постигший,
Всем он чужд и непонятен.
В двери жизни он напрасно
С болью тайною стучится.
Род людской – он не услышит
Звуки песен нелюдимца,
Странника он прочь погонит.
Умереть он должен был бы.
Не погиб же оттого лишь,
Что есть Бог на дальнем небе.
Собеседник он прекрасный
И единственный – страдальцу.
Мой Отец. Велик ты, вышний!
Будь во мне, и жив я буду,
Стану петь и славословить
Жизни смысл в груди могучей,
Поспешай, любимец сердца!
Поселись в моей ты келье,
И тогда я успокоюсь.
Одобрения прошу ль я?
Никогда! Так приходи же,
Дух родной мой, снизойди ты!
Будь во мне – здоров я буду.
Он пришёл. И домбру взял я,
Всеми пальцами ударил
В золотые струны домбры –
Прошлое воскресло снова.
Я живу здесь безгреховно,
Одинокий песнопевец,
И пою в пустыне дикой
Для себя и для деревьев,
Тех товарищей священных,
Соучастников в твореньи
Дум великих, незлобивых.
Боги леса, вы идите
К нам на пир великолепный
Дум прекрасных, вечно юных
И мечтаний голубиных,
Юности, давно минувшей,
Детства золотого в парме
Многоречной, многогранной.

XVII

Мы расскажем и споём мы
На той домбре семиструнной,
Как наш Оксы, мудрый Яур,
Пригласил гостей на свадьбу –
И с Печоры отдалённой,
И с Двины широководной,
С Выми жёлтой, болотистой,
С Вишеры-реки прозрачной,
С травянистой тундры светлой,
Из-за гор Уральских синих,
Из Сибири беспредельной –
Отовсюду пригласил он.
Как он праздновал ту свадьбу,
Знаменитую доныне.
Что за гости приезжали,
Что за речи говорили
В временах тех отдалённых,
Кто чем славил день великий,
Выхвалял красу царевны
Райды, дочери Оксора.
Забывать никак невозможно
Дел минувших песнопений,
Подвигов скрижали в пармах.
Яур шлёт гонцов к Оксору
В город Кардор отдалённый,
Также Рымду приглашает
С берегов Двины великой.
Тюреньшой сам на оленях,
В город Кардор он поехал
С первым снегом чрез болота.
Тюреньшой, волшебник Выми,
Тун-кудесник он народный
И пророк, и сердцеведец –
Он поехал в Биармию.
Друг почётный князя Перми
Чаровник и тун Вередня,
Он на лыжах на Печору
Путь держал порою зимней:
Пригласить владыку Югры
Сямдея он согласился.
Беренделя, князь вогульский,
Приглашён он был Вэрмортом.
Того-Лого, тундр хозяин,

Извещён он был Вэрмортом,
Обоятелем и туном
Вишеры, страны холодной.
С дальней Лузы приглашали
Кочеморта, коновода
И правителя страную.
Бариткулу из Си[ндора]
Приглашали самоеды,
Яура друзья на тундрах.
А в кумирне возле леса
Яур-князь, принёс он жертвы
Духу Ярморта из тундры,
Птице Каленик молился
Оксы Яур и на свадьбу
Приглашал он их усердно.

XVIII

Славьте, славьте Бога Енмар,
Бога неба, Бога правды,
Устроителя вселенной
И творца всех тварей мира.
Если будете послушны
Слову старца Комиморта,
Дальше он споёт вам песню
О царевне белой Райде.
Если не её бы воля,
Не был жив бы песнопевец,
Не дрожали б струны домбры.
Безболезненно, чудесно
Ен соткал все книги жизни
Комиморта-песнопевца
В ткань едино-чудодейну.
Превосходит мудрецов Он
Разумом своим великим
Многократно, бесконечно.
И даёт наивным людям
Долголетье, силы жизни,
Разума порыв могучий.
И хранит, оберегает
Любящих Его святое
Имя во все дни, вовеки.

XIX

Льдом хрустальным и снегами
Уж покрылись горы, реки,
Всё дремало в зимней сказке
Во дворце кристаллов ярких;
Пурпур солнца красил горы,
Покрывал румянцем реки.
В сновиденьях жили сосны,
В тихих сказках проводили
Время жизни пихты, ели,
Можжевельники, рябины,
Лиственницы, ольхи, липы.
В белых малицах сидели,
Прикорнув там, все деревья;
В совиках тех белоснежных
Тихо спали горы, доли,
Дивным грёзам отдаваясь
Безмятежно, беззаботно.
О, зачем весь мир не сказка,
Сказка зимняя на парме?
О, зачем святые грёзы
Исчезают, как туманы
В утра час блаженно-вещий
И не длятся на закате
Беспрерывно, беспредельно.
Поднималось солнце юга
И на север приближалось.
Спины рек тут вверх поднялись,
Льды дворцов тут разломались,
И обломки понеслися
К морю дальнему, на север.
Стаи птиц летели с юга
Вослед солнцу торопливо.
А небесные гагары –
Белых облаков соборы –
Устремлялись в пармы, в тундры.
Как открылись реки пармы,
Гости славные приплыли
Отовсюду в Джеджим-парму.
Царь Оксор весною ранней
На оленях прибыл в Джеджим
Через тундры и болота,
Весь в меха куницы, векши,
Горностая тундр далёких

Был одет он, сын Рамдая,
С ним же вместе караваны
Биармийцев в белых пимах,
В совиках тех ярко-красных;
В их ушах висели серьги
Из кристаллов синих, красных.
Как тут Райда увидала
Старого Оксора, слёзы
Полились из глаз царевны.
Как росинки в божье утро
На лугах дрожат, сверкая,
Так блестели слёзы Райды
На лице её прекрасном.
Щёки, руки целовала
Старого отца царевна;
Волосы её он гладил,
Царь Оксор, рукою нежной.
Он приветствовал как сына
Яура, владыку пармы,
Пожимал рукою руку
Князя Перми многогорной.
В виде тури появился
Дух Ягморта величавый,
Стал ходить он вокруг дома,
Как журавль с далёкой тундры.
Каленик же, прилетел он
С моря Белого на пармы,
Как матёрый лебедь старый.
На крыльцо он вверх поднялся
Величаво и неспешно.
В лодке прибыл Беренделя,
Князь вогульский; с ним же вместе
Лодок стая приплывала –
Именитые все гости.
На оленях прибыл Сямдей,
Югры царь он знаменитый.
Он с Печоры появился
С караванами оленей.
Горностаи и чёрный соболь
Украшали князя Югры,
Драгоценные одежды.
Самодейский старшина тут,
Того-Лого, мудрый старец,
На собаках появился
И во двор он въехал важно.

На коне верхом приехал
Кичиморт с далёкой Лузы,
С ним Лунморт, кудесник редкий,
С берегов чудесной Сыктив.
Бариткула из Сибири
На оленях прибыл скоро,
С ним народы с гор высоких
Из-за Камня, за Уралом.
Тюреньшей, волшебник Выми,
Обоятель, тун-кудесник;
С Вишеры Войморт прехитрый,
Он на лыжах раньше прибыл.
Много, много именитых
Появилось на Джеджим
Витязей, гостей всё знатных –
Перечислить нам невозможно,
И нет сил имён запомнить.
Вот в хоромах белоснежных
Поместились герои,
Вкруг столов и по порядку
Сели чинно на скамейках
Именитые пришельцы.
Все приехали на свадьбу
Белой Райды многославной.
Возле Райды поместился
Царь Оксор, а по другую –
Яур-князь. А недалёко –
Птица Каленик, как лебедь
Матерелый, белоснежный.
Тури-Ягморт сел подальше,
Он за Яуром направо.
Прочие все гости рядом
На скамейках заседали
Величаво, грозно, чинно.
А Вэрморт, пророк великий,
Он сидел далёко, молча,
С ним же Ошпи Лыадорса.
На столах лежали рыбы
Рек прозрачных светлой пармы,
Птицы всех родов там были,
Яства вкусные дымились.
И предались насыщенью
Тихо, молча все герои.
Тут по знаку князя Перяш
Заиграл Вэрморт чудесный,

Пятью пальцами ударил
Он по струнам домбры древней.
Зазвучали, прослезились
Золотые струны домбры,
Слюды окон зазвенели,
Потолки жилища князя
Задрожали и запели.
Вздогнули сердца героев,
Взволновались тут мужи.
«Енмар! – восклицали гости,
Именитые герои. –
Не слышали, не видали
Никогда подобных звуков».
И Вэрморт, игрок великий,
Тут запел о Шудаморте,
Песню древнюю о тундрах.
«Шудаморт – он был у моря,
На краю земли великой
В пору зимнюю на лыжах,
У лукоморья вод замерших,
У холодных льдов хрустальных,
Во дворцах зеркально-льдистых
И зелёных тех избушках.
Дева солнца проживала
В замках светлых льдов гористых.
Птица Каленик летала
Над домами девы-солнца.
Лишь порою становилась
Дева чудная у окон.
Пурпур покрывал в те поры
Крыши всех домов хрустальных,
Стены ж синью окрашались.
Несказанно любовался
Шудаморт красою девы,
Сквозь слюду прозрачных окон
Созерцая с гор туманных
Льдов великих – деву-солнце.
«Выходи ты поскорее
Из дворцов своих хрустальных,
Несравненная девица,
Солнца чудо, из избушки.
На крыльце твоём стою я,
Шудаморт, жених прекрасный».
Так кричал со льдов зеркальных
Шудаморт; девицу звал он,

Деву-солнце из чертогов
Неизвестных, несказанных.
Не решилась дева-солнце
Выйти из дворца на берег,
Оставалась в чертоге
Медно-льдистом, покрованном
Северным сияньем неба,
Птицей Каленик чудесной,
Крыльями богини светлой.
Звёзды неба собрались,
Много, много их там было,
И все звали деву-солнце:
«Выйди, выйди ты, красotka,
Без тебя темно ведь в мире.
Ты оставь дворец хрустальный,
Несказанный, медно-льдистый».
Не послушалась их дева
И в избушке оставалась.
Звёзды плакали на небе,
Шудаморт решился с горя
Умереть на льдах хрустальных.
Тут медведица явилась
С малой дочерью своею.
Накормила Шудаморта
Сладким жиром пса морского,
Что лежит всегда при море.
Люди все зовут тюленем
Пса морского и лентяя.
Так медведица спасала
Шудаморта в лукоморье.
Серый волк порой являлся,
Приносил во рту зубастом,
От яранов взявши даром,
Сладкий ломтик белой рыбы.
Жив остался Шудаморт наш
В ожиданьи девы-солнца
И живя в избушке льдистой.
Звери лютые питали
Северянина на тундрах,
На холодном снежном взморье.
Енмар, Бог небесный, видел
Все дела зверей незлобных;
Взял медведицу на небо,
Дочь её в свои чертоги.
И медведица блистает

Семизвездьем и доныне
В небе Севера прекрасном.
Тут же рядом и дочурка
Той медведицы пресветлой.
Енмар взял и волка также
На небесные равнины.
Тот гуляет по равнинам
Неба всюду сопричастным
Райской жизни бесконечной.
Дева-солнце скоро вышла
Из чертогов медно-синих,
Из-за полога тумана.
Целовала тут, на взморье,
Шудаморта тайно-скрытно.
И блаженным стал наш Шуда,
На губах его улыбка,
Безымянное веселье.
Счастья первенец прекрасный
Шудаморт, герой блаженный!
Уступи отрывок счастья,
Дай удачу всем героям,
Здесь собравшимся, на свадьбу
Знаменитой белой Райды
С Яуром на Джеджим-парме!
Поцелуем девы-солнца
Поделится, сам счастливый.
Взвесели сердца великих,
Здесь собравшихся, героев,
Именитых чужестранцев
И своих мужей достойных.
Шудаморт, любимец пармы,
Приходи сюда скорее –
Да польются лучи света
На столы гостей желанных!»
Так он пел, Вэрморт-кудесник,
На пиру в светлице князя.
Подивились, взволновались
Гости все, услышав песню,
Неизвестную героям:
«Никогда, ни в кои веки
Не слышали этой песни
Чудодревней, сладкозвучной».
Так сказали в один голос
Именитые все гости.
Тут заговорили разом,

Все не в меру расхвалились.
Первым говорить стал вскоре
Царь Оксор, старик премудрый.
Молча слушали другие
Речь отца царевны Райды.
«Раз варяги появились
В светлом море, все викинги.
Вторглись, потом толпою –
По Двине-реке на лодках.
Стали грабить все кумирни,
Золото и серебро тут
Уносили в лодки спешно.
Я напал на них, варягов,
Окружил их тёмной ночью.
Побежали все варяги
В море белое обратно».
Так Оксор повествовал тут
О делах своих военных.
Сямдей, царь югорский с тундры,
Рассказал всем: «Самоедов
Покорил я быстро-скоро,
Чудной силой обладая».
И Ягморт развеселился,
Говорил он о победах
Над варягами при жизни.
Берендея, князь вогульский,
О набегах на сибирцев
Рассказал, смеялся громко.
Птица Каленик, тот лебедь,
Засверкал внезапно в доме
Быстрой молнией без грома.
Испугались герои
Стрел молнийных чудной птицы
И умолкли все надолго.
Превзошла познанием тайным
Птица Каленик всех смертных
И бессмертного Ягморта.
Яур, князь рыжебородый,
Головой дал знак Вэрморту.
В руки взял тот снова домбру
И ударил он по струнам
Древней домбры величавой.
И запел Вэрморт-кудесник:
«Воспою красу царевны,
Дочери царя Оксора,

Цвет Двины лучисто-светлый.
О, царевна, дева Райда!
Земляника в светлой парме
И черника с голубикой
Шепчут тихо всем деревьям:
«Сладость наша ведь ничтожна
По сравненью с девой Райдой.
Райда слаще ягод пармы,
И цветы её роскошней
Белых лепестков-цветочков
Земляники с голубикой».
Утром рано голос молвил:
«Губы Райды превосходят
Алым цветом многократно
Все шиповники на пармах.
Мы ничтожны по сравненью
С светлой девой Биармии».
А ромашки полевые,
Васильки в траве зелёной
В один голос все сказали:
«Если б было можно с девой
С той сравниться, с синеглазой,
С дочерью царя Оксора
Нам красую многоцветной –
Счастливы безмерно были б
Все цветы земли прекрасной.
Но сравненье невозможно:
Дева краше землеродных
Всех цветов лугов и пармы».
Облака однажды в небе
Речь держали меж собою,
Груды белые купая
В сипом воздухе прозрачном:
«Груды белые у Райды
Превосходят, и стократно,
Наши груди, туч великих,
Синих облаков прекрасных».
У гранитных скал великих,
Мхом обросших, стародревних
Прожурчал родник хрустальный
Поздно вечером о Райде:
«Голос Райды, он милее
Лепета воды журчащей
На закате солнца неба».
Все алмазы на Урале

И кристаллы горных высей
В один голос утверждали:
«Слёзы девы – вот алмазы,
Высшей ценности кристаллы –
Слёзы девы Биармии».
Утром рано на листочках
Чуть дрожали капли-слёзы
Той росы небесно-горной.
Капли-слёзы те сказали:
«Плакала царица Райда,
Капли-слёзы с глаз лучистых
Девы Райды истекали.
И глаза царицы-девы –
Звёзды неба – так мерцали,
Улыбались и грустили!
Если плачет та царица –
Все цветы, деревья в парме,
Звери лютые и люди,
Небо и земля по кругу –
Плачут вместе с дивной девой,
С украшеньем нашей жизни».
Пестроцветна, ненаглядна
Сказка сердца, дева Райда.
Песнопенье светлой домбры,
Цвет-краса и диво-чудо –
Синеглазая красотка.
Мы приносим жертвы деве,
Ненаглядная царица.
Со вниманьем дар прими ты –
Дар убогий песнопевца,
Всех гостей, великих, малых
И героев многославных».
И заплакал царь Оксор тут
И все гости прослезились.
На колени все тут встали,
Поклонились деве-жрице,
Райде светлой, синеглазой.
По щекам же белоснежным
Протекали у царицы
Те алмазы, гор кристаллы
И росинки – слёзы девы.

XX

Древняя сосна стояла
На холме среди деревьев,
Головою покачала,
Речь сказала напоследок:
«Сосны, ели, пихты, ольхи,
Посмотрите вы, сестрицы,
Что там деется у князя
В светлорадостных хоромах.
Собрались все герои
В гости к князю, все на свадьбу,
С юга, с севера, с заката
И с востока, с гор великих –
Именитые все мужи,
Многославные герои.
Царь Оксор с своей царевной,
Биармийцы вместе с ними.
Птица Каленик, тот лебедь
Чудодейный, неизвестный,
Тури-дух, двойник Ягморта
На пиру сидит по смерти,
Как живой герой великий.
Он бессмертным оказался
За страданья и гоненья
Тяжкие при жизни долгой.
Много, много там народу,
На той свадьбе знаменитой.
Веселятся гости князя,
Пьют, поют без объясненья
И в хоромах и вне дома;
Во дворе досчато-гладком
Состязаются в познаниях,
Охмелённые напитком –
Добрый суром, пивом чёрным,
Той домашнею усладой.
И в борьбу вступили гости,
Силы пробуя друг друга.
Тури-орт, двойник Ягморта,
Оказался всех сильнее;
Каленик в познаниях выше
Прочих всех героев славных.
А Вэрморт всех удивляет
Звоном домбры величавой.
Райда, светлая царевна,

Несказанно удивляет
Всех собравшихся на свадьбу
Чудодейною красою,
Несравненною под солнцем.
Свадьба длится бесконечно,
И пируют беспрерывно,
День, другой, уже недели
Миновались так быстро».
Так сосна всем говорила,
Всем собравшимся деревьям.
И глядели все деревья
На пирующих у князя.
С гор великих наблюдали
Подвиги героев славных
И красу царевны Райды,
И дивуясь звоном домбры
Вечно юной, многодивной.
Звери, птицы в светлой парме
Услыхали разговоры
Сосен, елей, пихт и ольхи
О пирующих героях
И о свадьбе знаменитой,
Всполошились чрезвычайно,
И медведь сказал тут слово:
«О, друзья дремучей пармы,
Звери, птицы, братья, сёстры,
Обошли нас злоковарно
И не звали к князю Перми,
К тем пирующим героям,
Мы на свадьбу золотую
Приглашенья не имеем.
Самовольно устремимся
Мы теперь на пир великий».
Побежал затем он в гости,
Косолапый, на ту свадьбу.
Бурый волк был недоволен
Невниманьем белой Райды
К жителям всех гор лесистых –
Самозванцем устремился
К Яуру, на пир Окся.
Заяц, рысь, лиса и белки,
Горностаи и куницы,
Выдры, соболи – все звери
Бросились густой толпою
К Яуру во двор досчатый,

Окружили все хоромы
С гиком, с криком, с тяжким рёвом
И царапали когтями
Стены дома безбоязно.
Ястреба тут полетели,
Коршуны со скал далёких,
Вороны с боров дремучих
И сороки, галки, совы,
Филин сам черно-могучий
С сильным клювом с крючковатым,
Засвистали, заворчали
И запели птичьи хоры
Над домами князя пармы.
Испугались все герои,
Всполошились не на шутку,
Увидав зверей собранье,
Услыхавши шум, рычанье,
Свист и гвалт, и крик немочный,
За мечи взялись, за копя
Все пирующие в доме.
Яур, князь рыжебородый,
Дал тут знак певцу Вэрморту.
И Вэрморт, игрок великий,
Взял он домбру, ту певицу,
Чародейку древней пармы.
На крыльцо он сел, волшебник,
Пальцами ударил в струны
Золотые домбры старой.
Звон раздался сладко-гласный,
Тихий, нежный поначалу,
Грозным стал он напоследок.
Рокот струн – был он подобен
Грому неба с выси дальней
В синеоблачных вершинах.
Расплескались напитки,
Яура дом покачнулся,
Расшатались горы в пармах,
На дворе разбились камни.
Тут умолкли звери, птицы,
Задрожали все герои.
Тишина была повсюду.
Голос лишь певца Вэрморта
Раздавался повсеместно,
Вдохновенно свыше пел он:
«Вот как было, дети пармы,

В временах давно минувших,
Подвигов величием полных.
Шондыморт, волшебник старый,
Был на юге он далёком.
Перед ним ревели ветры,
Океан шумел волнами.
Плыл он в лодке тесной, малой,
В утлой лодке-легковеске.
Испугался волн и бури
Шондыморт в пределах моря,
На равнинах зыбью полных –
К берегам направил лодку.
На холмах он увидал тут:
Звери лютые стояли
И ревели, выли, ныли,
Подняв морды в воздух, к небу.
Слева море, справа звери –
Шондыморт тут растерялся
И взмолился Богу неба.
Енмар горний,
Он раскрыл тут
Полог неба светло-синий
И дворцы свои на небе
Показал он Шондыморту.
Реки неба протекали
И деревья вырастали
Там, за садом занебесным.
Шондыморт всему дивился,
Созерцая реки неба,
И деревья вырастали.
Бог сказал ему в ту пору:
«В север дальний устремился,
Шондыморт ты, к деткам милым
И к супруге полногрудой.
Дома ты живи отныне
И о жизни, и о смерти
Размышляй ты всё почаще».
И вернулся в север дальний
Шондыморт к делам домашним,
Малым деткам и к супруге
К белоснежной, к полногрудой.
Размышлял он больше, чаще
И о жизни, и о смерти».
Так играл и пел кудесник,
Наш Вэрморт, игрок великий.

Звери, птицы удалились
К деткам малым, в свои норы,
В гнёзда в пармах светло-синих.
Вспоминали тут герои
О домах своих приятных,
О супругах полногрудых,
Малых детках беспомощных.
Прекратили пир великий,
Распрощались с царевной,
С Яуром, владыкой Перми,
И разъехались по странам,
Кто на юг, а кто на север,
И на запад все другие,
Прочие к востоку, в горы.
Птица Каленик, тот лебедь
Светло-белый, величавый,
Он простился с мудрой Райдой,
Пожелал добра он князю
Яуру, счастливцу пармы,
Улетев затем на север.
Сямдей – волоком в Печору
Он отправился обратно.
И уехали все гости
Друг за другом, чередою.
Царь Оксор тут плакал много,
Удивлённый песнопеньем,
Чарами родного зятя.
С дочерью простился нежно
И пророческое слово
Он сказал, на небо глядя:
«Долго проживёте, дети,
И счастливо, благодатно.
Бог даст сына в утешенье
Яуру и светлой Райде.
Много будет огорченья
Вам от сына; напоследок
В сладость обратится, дети,
Всё страданье ваше в жизни.
Будет он великим, дивным,
Сын ваш Югьдморт чудесный».
И, сказавши, он уехал
На оленях в Биармию,
Царь Оксор, Двины хозяин.
И в хоромах лишь остались
Яур и его супруга

Райда, светлая красotka.
Тут взглянули друг на друга,
Улыбнулись – счастье, слава,
Всё тут им принадлежало.
А Вэрморт, игрок великий,
К хижине своей пошёл он,
Домбру там на гвоздь привесил
В ожиданьи дел грядущих,
Песнопевец безгреховный,
Редкой силы приворожник,
Обаятель, тун-волшебник.
У окна сидел он в доме,
Вдаль глядел, на волны жизни,
Прозревая всё, что будет,
И всё зная, что наступит
В дни ближайшие и дальше –
В временах, ещё не вскрытых
И в возможностях туманных,
Неизбежно к нам идущих
Ближе, ближе, хоть неспешно.
Ошпи, сильный Лыадорса,
Снова в кузнице творит он,
Из металлов созидает
Всё, что нужно людям в парме
Ежедневно и всечасно.
Держит молот он тяжёлый
В поднятой руке могучей
Там, над огненным горнилом.
Меди звон и стук железа
Раздаются в синих пармах.

XXI

Зарнигэтыр говорила
И у люльки распевала,
Югыдморта утешая,
Сына Райды в Джеджим-парме,
Первенца-красавца в зыбке,
Енморта рукой качая:
«Не шуми, малыш прекрасный,
Не вертись в зыбучей люльке,
Ты соси-ко лучше соску
Из оленьего да рога,
Молоком питайся в сладость,
Молоком коровки нашей,

Той Лозанки добродушной,
Что пасётся на просторе,
На лугах зелёно-тучных;
Да не плачь ты, ведь никто же
Не кусает в мягкой люльке
Яура любимца – в зыбке
Насекомых нету вовсе,
Успокойся, сын царевны.
Сам царевичем ты будешь.
Что ты машешь всё ручонкой,
Ножкою пинаешь люльку
И кричишь ты неразумно –
Ау-уа-кя-тя, тя-ля-ля».

Югидморт так отвечает
Той старушке старомодной:
«Ки-ти ля-ля-пи-па-та-та...»
«Полно, полно, – Зарнигэтыр
Наставляет Югидморта. –
Прыток больно спозаранку,
Пап да тять да, рано, рано
Говорливым стал мальчишка,
Вырастешь – болтушкой будешь,
Лучше слушай, не мешай мне,
Не перечь старушке древней,
Будь послушным ты ребёнком.
В старину луна летала
Над землёю близко-близко.
Злые дети забросали
Белый месяц камнем, грязью;
Рассердилася луна тут
И ушла высоко в небо.
Югидморт, не делай это,
Не бросай в луну каменья.
Как же можно белый месяц
Оскорблять нещадно, дерзко?
Будешь добрый – придёт месяц,
Как бы зайчик на крылечко.
Сядет месяц, ухмыльнётся –
Светлый, белый, серебристый.
Ты погладь его рукою».

«Ау-уа, кя-тя, тя-ля-ля,
Ки-ти, ля-я, па-па, та-та», –
Югидморт так отвечает
Той старушке старомодной,
Лёжа в люльке беззаботно.

«Полно, полно, не перечь мне,
Больно прытко отвечаешь,
Слишком рано старым людям», –
Зарнигэтыр вразумляет
Непослушного мальчишку,
И добру всё дальше учит:
«Коль придёт медведь к нам в гости,
Ты не бей его ручонкой,
Не пугай красавца леса,
Хлебца дай ему кусочек,
Угости дружка из пармы
Творогом в корыте чистом.
Также выпить, ведь он мастер –
Пиво любит он безмерно.
На добро добром ответит
Он потом в лесу дремучем,
Будет знать он сына князя –
Никогда уж не обидит
Сына Райды в светлой парме.
Югыдморт, ты помни это,
Чрез плечо добро ты бросишь
Впереди себя, малютка,
На дорожке встретит в пору
И поклонится тут в пояс
Югыдморту, скажет: «Здравствуй».
Слушай дальше притчи-сказки,
Дитяtko, внимай старушке.
Если вол придёт к нам в гости,
Не стреляй его из лука.
Серый волк – колдун известный,
Он поможет в дни несчастья,
И герою он – на пользу.
Накорми его ты мясом,
Обласкай пришельца пармы,
Он уйдёт и всем расскажет,
Как ты добр, земли владыка.
Понял ли ты сказки-притчи,
Прибаутки, поговорки,
Аль добро уж не по сердцу
С юных лет малютке Райды?
Вишь, глаза уж закрывает,
Утомился, чай, наш мальчик.
Ничего, поспи, прекрасный,
Насладися сном блаженным,
Сном дитяти безгреховным.

Сын мой милый, ненаглядный,
Много бурь ты в жизни встретишь,
На пути препятствий тяжких,
Накопляй ты силы жизни,
Силу духа, бодрость тела.
Будь великим, многославным...
Вот ресницы золотые
Опустились у малютки,
Звёзды-очи позакрылись.
Спи, мой милый, ненаглядный».
«Шуашокса – тили-чини,
Мы скучаем, ёлки, в пармах,
Ты утешь нас, Зарнигэтыр,
Покажи нам сына Райды», –
Ёлки тихо говорили,
Простирая ветви-руки
К окнам терема на Джеджим.
Тот лежал и спал глубоко
В зыбке-люльке, Югьдморт наш.
«Я рукой поглажу только
Голову малютки Югьд,
Не проснётся, не узнает,
Сладость жизни я познаю,
Прикоснувшись к молодому
Телу сына солнца Шонды».
Но старушка, отвечая,
Так премудрая сказала:
«О, никак не можно это,
Наш малютка спит глубоко,
Видит сны он голубые,
В небе носится на крыльях
Юный дух малютки нашей».
Матери родной коснуться
Не позволила б старушка
К Югьдморту в тихой люльке
Сон его оберегая.
Дочь Оксора, посмотревши
На лицо дитяти Югьд,
Вдаль отправилась на пармы.
Вместе с нею и девица –
Молодая Гарья-Яг-ныл.
Долго шли супруга князя
И девица Гарья-Яг-ныл
Вдоль реки лучисто-светлой,
Любовались лесами,

Берегом высоким, красным.
Повстречались коровы.
Все спешили уж обратно
В деревеньку, уж к ночлегу.
Раздавался звон коровий –
Колокольчики звонили
На Лозанках и Чернушках.
И пастух за ними плёлся –
Старикашка с тонкой плетью.
Дальше, дальше направлялись
Райда белая с девицей,
Подбирали в набирушки
Красные грибы попутно,
Там и ягоды встречались
Красной, синей полосами.
Грудью полною дышала
Райда светлая меж сосен.
Вот и остров недалеко,
Тут мысочек за горою.
Чу! Раздался шум. И говор
Слышен иноземный. «Гарья,
Кто же это?»- так спросила
Изумлённая дочь пармы,
Яура жена-красотка.
«Сердце Райда, поскорее
Побежим назад неслышно,
Ведь разбойники кругом тут,
Пьют, едят и веселятся.
Скажем Яуру мы, князю:
Нападут они на дом наш
Ночью тёмною сегодня...»
Побежала дочь Оксора,
С нею вместе Яг-ныл-Гарья.
Задыхались, устали,
Нет уж мочи, но бегут всё,
К дому милому стремятся –
До разбойников дойти бы.
И дошли и рассказали
Князю Яуру всю правду.
«Приготовься, милый Яур,
Ведь разбойники плывут к нам».
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий –
Сели в лодку тут герои

И поплыли вниз по Эжве
Тем разбойникам навстречу.
За горою и за мысом
Яур, князь рыжебородый,
Увидал толпы людей он –
Там разбойники сидели,
Пировали, веселились
На песках близ синей Эжвы.
Атаман их говорил всем:
«Яура возьмём мы в полон,
Уведём супругу Райду,
Из кумирниц мы похитим
Серебро в тяжёлых слитках,
В длинных прутьях драгоценных.
Ночь наступит – нападём мы
На жилище князя пармы,
Сонных воинов мы свяжем».
Вот Вэрморт, игрок великий,
Заиграл он тихо-тихо
И запел потом он нежно
Песню-заговор могучий:
«Приходите, прилетайте
С севера, с востока, с юга
Звери, птицы, боги, люди,
Чародеи с древней пармы.
Каленик – «молнийны перья»,
С моря дальнего спеша ты,
Тури-Ягморт светлой тундры;
Бог великий, вихорь буйный,
Приходи с лесной дубинкой,
Укроти врагов могучих;
Бог воды с железным зубом,
Утопи ты в волнах Эжвы
Недругов земли прекрасной;
Куль подземный, поспешай же,
Обхвати врагов всех разом,
Унеси их в глубь пещеры,
В недра мрака скал подземных.
Там все мужи умирают,
Где нет света солнца вовсе;
Йома страшная на пармах,
В ельниках темносенистых,
Где встречаются дорожки –
Безымянные тропинки,
Неизвестно, кто там ходит,

Злобно-мрачно чего ищет
В тех тущобах беспросветных;
Страшно, страшно человеку,
Сыну света в чреве мрака,
Где сова ночная стонет,
Чёрный филин вечно поет.
С тех ужасных мест далёких
Приходи ты, баба Ёма,
Утащи клюкой железной
Всех врагов родного края.
Недруги великой пармы,
Страх вонзится в вашу душу,
Коршун ночи прилетит к вам,
И замрёт душа живая,
И уснёт она надолго,
Будет спать и дни, и годы
Беспробудно, без сознания.
Ужас чёрный – ближе, ближе
Он подходит тихо, тайно,
Окружает и объемлет».
Так Вэрморт играл на домбре,
Песни-заговоры пел он
Поздно вечером у леса.
И разбойники уснули,
В сон глубокий погрузились,
Головы их наклонились
И к земле все притянулись,
И рядами все лежали
Те разбойники у леса
На песках лучисто-жёлтых
В сумраках глубокой ночи.
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, кудесник дивный
Вышли на берег чредою
К тем разбойникам поближе.
Взяли на руки тела их,
Затащили сонных в лодки,
Оттолкнули лодки с мыса –
Вниз столкнули их герои
По теченью волн струистых.
Понеслися щепки-лодки
По хребту реки прозрачной,
По волнам, текущих к устью,
Дальше, к морю – в север тёмный.

Долго ль, коротко ль прошло тут,
Вождь разбойников проснулся,
Атаман, кудесник сильный,
И один поплыл обратно
Вверх по Вычегде великой.
Увидал тут между сосен
Яура, владыку Пармы.
Чан большой стоял у леса
И костёр пылал огромный.
Яур, князь рыжебородый,
Пиво к празднику варил он,
Пиво хмельное на парме.
Атаман сказал тут слово,
Сильно голос он возвысил:
«Сусло, стой Оксола князя!»
И князь пармы тут ответил,
Он разумно закричал тут:
«Остановись на волнах, лодка,
Пребывай ты неподвижно!»
Посмотрели друг на друга
Исподлобья те герои –
Атаман и храбрый Яур.
Варка пива прекратилась,
Сусло течь уж перестало.
Неподвижно стала лодка.
«Отпусти мою ты лодку», –
Атаман просил у князя;
«Коль пойдёт из чана сусло,
Лодка двигаться начнёт тут», –
Так отвечивал волшебник
Яур, князь рыжебородый.
Не течёт из чана сусло,
Неподвижно пребывает
На реке хрустальной лодка.
Атаман даёт тут слово
Уж не грабить Джеджим-пармы,
Плыть обратно, вниз по Эжве.
Отпустил тут лодку Яур;
Атаман, кудесник сильный,
Вниз поплыл рекой, обратно.
Потекло из чана сусло,
Варка пива продолжалась.

Павел Лимеров

Павел Фёдорович Лимеров, главный редактор журнала «Арт», ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН.

Автор около 170 работ, в том числе учебного пособия «Коми несказочная проза» (1998); монографии «Мифология загробного мира» (1998), сборника фольклорных текстов «Му пуксьём – Сотворение мира» (2005), монографии «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), «Войдёр – Когда-то. Мифы, легенды, предания коми народа» (2012), составитель книги стихов Д.В. Фролова «Там, где прежний остался и я...» (2012), составитель книги «Пословицы и поговорки коми народа» (2014).

Поэма о древнем Знании: литературный эпос «Биармия» Каллистрата Жакова в контексте мифопоэтики

Среди произведений К.Ф. Жакова эпической поэме «Биармия» принадлежит особое место. Поэма была написана в 1916 году, однако, в связи с начавшимися революционными событиями, она не была издана в Петербурге, как другие произведения писателя, и только в 1924 году вышла в переводе Яна Райниса на латышский язык в Риге [1]. Революция 1917 года застала Жакова в Латвии, вернуться в Россию он уже не смог и умер в Риге, 18 января 1926 года. Художественных произведений, написанных Жаковым в эмиграции, на сегодняшний день не выявлено, так что поэма невольно стала произведением, завершающим литературное творчество писателя. Не менее вероятно, что и сам Жаков, независимо от обстоятельств жизни, считал поэму произведением итоговым, завершающим и его этнологическую деятельность.

Как этнолог Жаков всецело придерживался положений антропологической школы, полагая фольклорные материалы «пережитками», на основе которых можно восстановить «общую картину культуры древнего Севера», эксплицированную в Северном эпосе, отголоски которого слышны в северорусских былинах, скандинавских сагах, в финской «Калевале» и других произведениях народного творчества [2]. Поэма «Биармия», по замыслу, является реконструкцией древнего Северного эпоса или, точнее, одного из северных эпосов, эпоса народа Перми, родственного по языку и культуре всем народам на обширной территории европейского Севера от Урала до Финляндии, с центральной областью – бассейном Северной Двины, обозначенной в поэме как Биармия.

Показателен диалог по поводу поэмы, произошедший между Жаковым и Максимом Горьким в 1916 году. Горький, с которым Жаков поддерживал дружеские отношения с 1912 года, и в целом высоко оценивавший литературное творчество зырянского писателя [3], воспринял поэму неоднозначно. Жаков вспоминает, что после

чтения рукописи «Биармии» Горький поинтересовался: «Народное это произведение или единоличное?», на что Жаков ответил вопросом же: «Слово о полку Игореве» народное или не народное произведение?» Горький не знал что сказать» [4]. Очевидно, что оба писателя по-разному подходят к определению «народности». Для Горького «народность» – это принадлежность произведения к устному творчеству конкретного народа, и Жаков, как этнолог, конечно же, это понимал. Но с точки зрения Жакова, в истории случалось, что авторские произведения, в полной мере отражавшие мировоззрение народа, становились народными, при этом теряя авторство, – как это и произошло с древнерусской поэмой «Слово о полку Игореве».

Для Жакова, на протяжении многих лет собиравшего и изучавшего фольклорные памятники и строившего на их основе реконструкции дохристианского мировоззрения, лёгшие в основу поэмы, сама она не могла не быть произведением «народным», сохраняя при этом его авторство. По глубокому убеждению Жакова, поэма «Биармия» и есть эпос коми народа, восстановленный им самим по крупицам фольклорных материалов, не только собранных им самим во время полевых экспедиционных практик в Коми крае, но и принятых из фольклора родственных народов. Для Жакова понятие принадлежности к фольклору Севера, как он говорил, к Северному эпосу, означало естественность, изначальную *со-природность*, присущую северным народам. В мифопоэтике Жакова северным народам отводилась мессианская роль спасителей цивилизации, при условии, что «дряхлающая Европа» сумеет их «услышать». При этом себя самого он считал первым голосом «первобытных» северных народов, призванным сообщить о них Европе. Показательно, что Жаков относил к таким народам и скандинавов, поэтому первым в России откликнулся на перевод пьесы Кнута Гамсуна «У врат царства», вышедшей в Петербурге отдельной книгой [5]. В предисловии к этой книге он пишет: «Есть признаки, дающие думать, что он (Кнут Гамсун – ПЛ) одна из первых ласточек грядущей великой поэзии (ещё не иссякшего в своей энергии) севера, ибо, по-видимому, приходит пора, когда на арену истории выступают новые народы и новые расы; они засияют своим оригинальным светом к тому времени, когда одряхлевшая Европа с наклонённой головой встретит свой закат, примирившись с судьбою» [6].

Основной проблемой, которую следовало преодолеть Жакову при написании поэмы, было полное отсутствие сведений о дохристианской истории народа коми, неизвестны были Жакову и коми эпические песни. Путь восстановления эпоса был таков: пользуясь методами антропологической теории выделить «пережитки» эпоса и мифологии в фольклоре коми, реконструировать мифологическую картину мира с пантеоном языческих богов, очертить круг мифологических сюжетов, связанных с реконструкциями космологических представлений, подвигами героев древности, эксплицирующих диахронический аспект мифоистории, а затем, ориентируясь на «Калевалу» Лённрота, скандинавские саги и русские былины, составить единый эпический сюжет.

Начало этой работе было положено первой экспедиционной поездкой Жакова в Коми край в 1899 году и вышедшей в 1901 году публикацией статьи «Языческое мирозерцание зырян» [7], как первого обобщения собранных в ходе экспедиции фольклорных материалов. Как видно из заглавия, предметом изучения в статье является «языческое мирозерцание», т.е. Жаков рассматривает дохристианскую (= нацио-

нальную) религиозную картину мира зырян. В отличие от исследователей, обращавшихся к этой теме до него [8], Жаков описывает язычество не как некоторое количество народных заблуждений, а как особую систему мировидения, и это было на то время принципиально иным, новым подходом к проблеме. Жаков всецело опирается на материалы современной ему фольклорной традиции, считая их, с точки зрения антропологической школы – «пережитками», из которых можно восстановить основные параметры языческой религии коми: «Сказки, отрывки из старых поэм, уже забытых в целом, суеверия, гадания, приметы, взгляды на колдунов, на порчу людей, отношения человека к явлениям природы и к животному миру – всё вводит вас в мировоззрение, которое не что иное, как язычество, несколько изменённое, смягчённое христианством, но не уничтоженное им. Каждый, вникающий в это, невольно увлечётся мыслью, надеждой, что можно воспроизвести язычество на основании многочисленных пережитков его» [9].

В начале своей статьи Жаков отмечает, что сущность языческих верований зырян заключается в «политеизме», который он понимает как веру в «олицетворение великих явлений природы» [10]. Такими персонификациями природных явлений стали лес и хозяин леса, вода и бог воды, Охота и рыбная ловля являются главными хозяйственными занятиями зырян, поэтому Жаков рассматривает лешего и водяного как богов – покровителей этих занятий. Третьим занятием зырян Жаков называет земледелие, однако, он не находит ему соответствующего бога. Жаков заключает, что земледелие зависело от других богов – «солнца, бога грома и молнии, ветров», о которых, также как и о высшем небесном боге, Ене, сведений не осталось или их заслонили христианские представления. В состав языческих богов Жаков включает Войпеля и Йому-Йомалу, сведения о которых берёт из книжных источников и сказок. Для уточнения деталей реконструкции пантеона и расширения его состава Жаков обращается к материалу сказки «Лиса и мерин, содержание которой он считает аутентичным. В результате анализа сказки Жаков выявляет доминантную мифологему, позволяющую ему выстроить вертикаль языческой модели мира. Этой мифологемой является образ «брусной горы», на вершине которой сидит Ен, высший бог мифологического пантеона – «спокойный, как лик неба» [11]. Результатом анализа сказки является и астрономический миф, утверждающий ход и функции небесных объектов: «Луна ходит по ночам по небу, как бы дозором, может быть, пасёт скот свой. Сын солнца иногда выгоняет с облачных полей быка луны (радугу!) на водопой, к прозрачным струям северных рек. Сын солнца ходит по земле, питаясь молоком зайца и, быть может, прочих зверей, он всем им равно даёт и свет, и жизнь» [12].

Далее Жаков упоминает о боге огня, богине-пряхе, в настоящее время отождествлённой с Владычицей Богородицей, но главными мифологическими символами мира людей он называет медведя и ящерицу, определяя отношение к этим животным как «культ». При этом ящерица (по-зырянски *лержаг* – «поганое насекомое, поганая гадина», *дзодзув* – «злое, всеведущее, коварное существо»), по Жакову, относится к «тёмной» стороне мифологического мира и соотносится с образом злой богини. Тогда как к медведю зыряне питают большую любовь, его считают близким к человеку. Точно также, как к «братьям и сёстрам», относятся зыряне и к другим диким животным и

¹Слово «радуга» на коми языке *ошка-мёшка*; *ен ёш* традиционно переводится как «бык-корова» или «бык бога». Жаков обыгрывает коми мифологический текст о радуге, как о небесном быке, пьющем воду из земных рек и озёр.

птицам. Для Жакова языческое мирозерцание зырян ассоциируется с образом дохристианского прошлого – временем, когда это мирозерцание находилось в наиболее сильной позиции. Это Золотой век зырянского народа, гармоническая эпоха, в которой бытие природы и людей находилось в изначальном естественном равновесии, обусловленном божественным присутствием, а связь человека с природой была исполнена религиозного смысла.

Таким образом, в основе реконструкции языческого мирозерцания зырян лежит универсальная трёхчастная схема мифологической модели мира с центральной осью в виде мировой («брусной») горы, на которой находится резиденция небесного бога Ена. Объективно, этот поэтический по мироощущению космос полностью составлен Жаковым из разрозненных фольклорных фактов. Но в этом и заключается точка зрения Жакова на фольклор как на источник ныне забытых сакральных знаний. С этой точки зрения, сам исследователь фольклора невольно становится и знатоком древних учений – сродни тем языческим волхвам, сведения о которых он ищет. И в этом смысле, он мифотворец, в своей реконструкции создающий новый миф на темы, заданные фольклорными сюжетами. Надо подчеркнуть, что реконструкция была осуществлена Жаковым при минимуме фактических фольклорных материалов, сам он называл её «бледной схемой», описывающей только «силуэты богов», полагая, что при наличии достаточного количества фольклорных текстов и сравнительных материалов можно было бы нарисовать и более «чёткую схему» мифологии. В дальнейшем, он приложил немало усилий, чтобы превратить «бледную схему» в полноцветную картину языческого мира, но сделал это уже средствами художественной литературы.

Впервые Жаков обращается к теме дохристианской истории коми народа в книге «На север, в поисках за Памом Бурмортом» [13], написанной по впечатлениям той же этнографической поездки, материалы которой и рассматривались в статье. По сюжету книги, главный герой, этнолог, в образе которого угадывается сам Жаков, путешествуя по Коми краю, собирает фольклорные сведения. Однако от обычного описания поездки собирателя фольклора сюжет отличается сверхзадачей, которую ставит перед рассказчиком-собирателем автор: отыскать сказания о Паме Бурморте, сыне Пама Сотника, легендарного противника Стефана Пермского. Собиратель должен проникнуть в область языческой тайны, тщательно скрываемой народом от посторонних. Поэтому его научная экспедиция превращается в сакральное странствие на Север, на «землю предков», а сам он, этнограф-чужак, становится неопитом, проходящим испытание. Только пройдя весь путь и приобщившись к отеческим святыням, неопит становится «посвящённым», которому открываются последние тайны зырянского язычества. От старца-язычника, живущего в отрогах приполярного Урала, он узнаёт историю Пама Бурморты, сына легендарного противника Стефана Пермского – Пама сотника и становится преемником его учения. Поскольку герой книги автобиографичен, то отныне сам Жаков репрезентирует себя как знатока языческих знаний коми-зырян, поэтому значительная часть произведений, написанных им до 1916 года, посвящена раскрытию языческой темы.

Сюжет получения героем сакральных сведений от посредника-сказителя Жаков использует в книге «В хвойных лесах: Рассказы Коми-Морта», где в предисловии он пишет: «Теперь... когда близок конец патриархальному укладу жизни северян, – решил я познакомить людей с душою севера и издать наивные рассказы Комиморта,

старика певца и сказочника, которого встретил на берегах маленькой речки Кельтмы, впадающей в Вычегду, изобильную водою. <...> Раны, нанесённые мне культурой в мозг и сердце, он исцелил своими мирно льющимися рассказами о делах героев, живших по берегам Печоры и Вычегды и в лесных пармах "Каменного пояса"» [14]. Сказитель Коми морт рассказывает герою-повествователю и историю, описанную в поэме «Биармия». Имя собственное сказителя – Коми-Морт в переводе «Коми человек» в коми языке составляет пару с выражением *коми войтыр* «коми народ» как единица и множество, т.е. любой представитель *коми войтыр* «коми народа» называет себя *коми морт* «коми человек». Называя сказителя таким именем, Жаков претендует на определённую эпическую обобщённость образа: это и определённый персонаж, но также и любой человек из коми народа. Соответственно, отсылка к Коми МОРТУ как к рассказчику в мифопоэтике Жакова означает «народность», «фольклорность», т.е. рассказанное кем-то из народа.

Для Жакова традиционное мировоззрение зырян представляет собой синкретизм христианства и язычества, хотя языческого в нём всё-таки больше, нежели христианского. Но, несмотря на это, зыряне остаются православным народом, соблюдают православные обряды, строят церкви, и при этом, по мнению Жакова, на Зырянской земле есть отдалённые места, где язычество будто бы сохранилось в первозданном виде. В художественном мире Жакова язычники и христиане живут где-то рядом, в каких-то параллельных пространствах, имеющих свои особенности, но соприкасающихся и взаимопроникаемых. Герои-язычники имеют свои имена, отличные от христианских, имена значимые, переводимые с коми языка: Зарниныл – Золотая дочь; Мичаморт – Красивый человек; Вёрморт – Лесной человек, Майбыр (Счастливый) и Ёльныл (Дочь лесная речка) и др. и обитают не в сёлах, а в глубине леса. Языческое сообщество более органично, чем христианское, оно не противостоит Природе, а включено в неё, живёт по её ритмам. Соответственно, язычники, «лесные люди», видят в Природе больше, чем дано видеть христианам. Они свободно общаются с растениями, животными, природными стихиями, объектами природы, и, наконец, с богами – персонализациями космических и природных сил, они способны проникать на все уровни мироздания. К примеру, герой рассказа «Джак и Качаморт» охотник Бурмат доходит до края земли и спит 100 дней в объятиях девы-солнца [15]; Гулень, свободно поднимается на небо, чтобы посмотреть, чем занимаются небесные жители и верховный бог Ен [16]; Майбыр, герой одноимённого рассказа, игрой на дудке и бандуре-кантеле завораживает лесных богов, белых медведей, облака, понимает речь животных и растений [17]. В ряде произведений Жаков рассказывает о взаимоотношениях коми христиан и язычников: в рассказе «Парма Степан» герой-христианин Степан женится на девушке-язычнице Зарниныл (Золотая дочь) «по староверскому обряду» [18], в рассказе «Дарук Паш» герой-христианин Паш (Павел) находится под опекой языческого бога Войпеля [19], на свадьбу героев-язычников Майбыра (Счастливый) и Ёльныл (Дочь лесной речки) собираются «знаменитые люди» из разных зырянских поселений – Пильвань (Иван Филиппович) из Ипатьдора, Фалалей из Усть-Сысоляска, Панюков из Ыджыдвидза, мифологические персонажи: великан Ягморт с Ижмы, колдун-разбойник Тунныръяк из Деревянска, Тювэ с Вишеры, король тундры Тури (цапля), король белых медведей, а также с берегов Оби приходят и ученики Пама Бурморты [20]. Жаков будто бы намеренно создаёт впечатление о том, что и язычники, и христи-

ане коми по-прежнему составляют единый народ, при известной автономии первых.

Языческое пространство словно бы сохраняет древние архетипы, связанные с высшими целями человеческого существования, основательно забытые христианством. Не случайно на периферии некоторых произведений Жакова («Мили-Кили», «Май-быр») появляются ученики Пама Бурморта – хранители учения, в котором скрыто будущее спасение всего человечества. Это и символическая отсылка к первой книге Жакова, которая даёт ключ к пониманию специфики его художественного мира. В этой книге впервые эксплицирована идея двух пространств – путешествие автора-героя совершается по христианскому пространству, но своей цели он достигает, только перейдя в пространство языческое, где получает сведения о Паме Бурморте, а также знакомится с его учением. В плане формально-жанровых особенностей такой тип повествования можно было бы отнести к области фантастики или фэнтэзи, если бы не сугубая установка Жакова на достоверность описываемых событий. Более того, в рамках сюжета книги происходит отождествление автора-героя с самим Жаковым – автором книги, и это отождествление выходит далеко за пределы сюжета.

Не просто персонаж из книги, но сам Жаков в лице автора-героя совершает путешествие, описанное в книге, и получает доступ в область сакральных языческих знаний. В этом смысле, книга «На север, в поисках за Памом Бурмортом» – это повесть о поисках и обретении язычества самим Жаковым. Иными словами, Жаков, в поисках новых смысловых моментов, прибегает к литературной мистификации, и отныне презентует себя как человека, допущенного в сакральное языческое пространство и имеющего санкцию на обладание древней мудростью. Это становится творческим и жизненным кредо Жакова, отсюда и его творческий псевдоним *Гараморт*, где *гара* – производное от глагола *гаравны* «вспоминать, помнить» и *морт* «человек»; *Гараморт* буквально переводится как «помнящий человек» или, лучше, «человек, наделённый памятью прошлого». В этом смысле Гараморт близок по значению образу мифологического поэта, как его описывает В.Н. Топоров: «Другая важная фигура космологического периода – поэт с его даром проникновения с помощью воображения в прошлое, во время творения, что позволяет установить ещё один канал коммуникации между сегодняшним днём и днём творения. С поэтом связана функция памяти, видения невидимого – того, что недоступно другим членам коллектива, – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Поэт как носитель обожествлённой памяти выступает хранителем традиций всего коллектива» [21].

Гараморт, это даже не псевдоним, а языческое имя Жакова, тождественное значащим именам его героев-язычников. Этим именем в романе «Сквозь строй жизни» Жаков обозначает автора-повествователя, сюжетная линия которого образует в романе метатекст, дополняющий основную сюжетную линию автобиографии «я-героя» авторской рефлексией, главным содержанием которой является «установление автором своей идентичности в мире и с миром» [22]. Идентичность выражается, прежде всего, в установлении границы между «я» и «другим», и это было актуально для Жакова, позиционировавшего себя «лесным человеком», язычником в мире городской культуры: «Гараморт оставался Гарамортом, а культурные люди – культурными» [23]. В контексте авторской сотериологии Жакова имя Гараморт созвучно именам таких учителей человечества, как Иисус, Будда, Зороастр, учения которых неоднократно упоминаются и обсуждаются в книге Жакова «Лимитизм. Единство наук, философий, религий» [24]. Эта

книга Жакова также имеет значение «учительной», она рассчитана на пропаганду и распространение идей лимитизма среди масс и составлена учениками Жакова не только как изложение основ философии и мировоззрения лимитизма, но и как излагаемое от имени *Гараморта* новое религиозно-этическое учение, призванное спасти человечество. В индивидуальной мифопоэтике Жакова основы этого учения позиционированы им как наследие языческого прошлого.

Имидж посредника между современностью и язычеством – это не что иное, как культурологическая игра, позволяющая Жакову представить некоторые свои произведения как мифологические тексты, извлечённые из глубин языческой памяти народа. Эти тексты могут быть параллельными аутентичным фольклорным произведениям, как, к примеру, новеллы «Ен и Омоль», «Шыпича», «Тунныръяк» и др., но Жаков не ставит своей целью воспроизведение фольклорного сюжета, он претендует на то, что его текст-реконструкция «древнее», он и есть – настоящий языческий миф. Жаков и не стремится воспроизводить известные ему фольклорные сюжеты, он создаёт другую мифологию – со своей космогонией («Ен и Омоль») и эсхатологией («Бегство северных богов», «Неве Хеге»), с мифологическими героями (Пам Бурморт, Шыпича, Джак и Качаморт, Бурмат, Мили-Кили, Дарук Паш, Майбыр и др.), а также воссоздаёт этногенетический миф, раскрывающий тайну происхождения народа коми-зырян («Царь Кор. Чердынское предание»), а в последствии – героический эпос «Биармия».

Особенно тщательно Жаков разрабатывает образ языческого космоса и соответствующего ему пантеона языческих богов. За основу берётся всё та же мифологическая схема из его первой статьи, но в его литературных произведениях она наполняется живым, ярким содержанием. Мироздание приобретает вид дома, крышей которого является небо. Образ «крыши неба» в мифопоэтике Жакова, в свою очередь, связывается с такими мифологемами как книга судеб мира, место которой на крыше неба, а также с образом свинцового шара, который катает Ен по крыше неба, производя гром. Гора Тэлпозиз «гнездо ветра» вытесняет образ «брусной» горы и в новелле-сказании «Бегство северных богов», опубликованной в «Архангельских губернских ведомостях» в 1911 году, Ен занимает место уже на этой горе [25]. В основе сюжета этой новеллы лежит тема собрания богов, позволяющая Жакову показать весь языческий пантеон в рамках одного художественного произведения. Сама тема собрания богов достаточно актуальна в гомеровском эпосе [26], и, по всей видимости, Жаков заимствует её отсюда. Собрание имеет характер официальной церемонии – Ен должен известить богов о грядущих изменениях миропорядка, поэтому боги занимают место возле горы Тэлпозиз в соответствии со своим ритуальным иерархическим положением: на вершине Тэлпозиз воссел сам Ен, возле его головы которого вращаются дети – Солнце и Луна, на соседнюю скалу, чуть поодаль, сел Войпель, у подошвы этой же скалы садится Йома, а все прочие лесные боги и богини располагаются «вокруг Войпеля и Йомы у подножия окрестных скал»: водяной бог и его дети – по отрогам Уральских гор, бог подземного мира Куль – за две скалы от Ена, Мать земли – на берегу реки Обь, а Мать солнца – на берегу Ледовитого моря [27]. Иерархия строится на основе родоначалия: небесный бог Ен – отец, его жена – Мать земли, все остальные боги являются их детьми. Родоначалие является и основным космологическим принципом, поскольку все божества персонифицируют космические и природные объекты, стихии, этот же принцип лежит в основе устройства иерархии патриархальной се-

мы и сельской общины, которые оказываются своего рода моделями космоса.

Сюжет сказания (жанровое определение Жакова) интересен и заявленной в нём эсхатологической темой, показывающей в мифоисторической перспективе историю мира от некоей исходной точки времени к эсхатологическому завершению. Исходная временная точка не обозначена, она появится в поэме «Биармия» в качестве начального космогонического сюжета о Енмаре и Оксоле. Здесь же мифологическая история показана в сюжетах: 1. Об окончании Золотого века, когда из-за нерадивой хозяйки небо отделилось от земли, т.е. Небесный Бог Ен покинул Мать земли, и она лишила людей своей благосклонности – «иссякла щедрость самой древней богини» [28]; 2. Последовательной гибели коми героев-богатырей: Идана. Перы, Яг-морта, Йиркапа. Собственно история начинается с прихода на Север Стефана Пермского и перемены веры – «вас, прежних богов, забудут люди» [29]. Начало исторической эпохи неизбежно, это «закон, который записан в золотой книге неба», но начало истории – это и начало движения к концу мира. Ен показывает богам, как в деревнях и сёлах появляются церкви, и люди приходят молиться в них новому Богу, приходит череда войн, и северяне, т.е. зыряне, погибают от рук южных народов и вогул. Ен показывает, как заселяются северные реки Печора и Ижма, а затем вырубаются дремучие леса, люди строят большие дома с красными трубами, и в сёлах иссякает жизнь. В последние времена «заползали между оставшимися лесами железные драконы с огненной ненасытной пастью, а потом залетали в воздухе неизвестные птицы с железными крыльями», на север приходят новые народы и разрушают последнее, что осталось в природе: «Великие синие льды на море взрывались, и пламя взрыва летело навстречу Каленик-птице – северному сиянию» [30].

Отдельное место в мифопоэтике Жакова занимают образы вещей птиц – Рык и Каленик. Обе птицы не имеют прямых аналогов в коми фольклоре, эти образы Жаков включает в свою мифопоэтику, очевидно, опираясь на археологические находки бронзовых птицевидных образков Пермского звериного стиля, находки которых в Чердынском крае широко обсуждались в научной периодике того времени. Не случайно образ птицы Рык впервые появляется в новелле «Царь Кор» (1908), заявленной как *Чердынское предание* [31]. Здесь птица Рык выполняет функции небесной вестницы, извещающей людям их судьбу, записанную Еном в небесной книге. Слово *Рык* взято Жаковым из арабского фольклора: это имя известной птицы *Рух* из сказок о Синбаде в коми транскрипции. Образ птицы Каленик является персонификацией северного сияния, его функция в мифопоэтике Жакова скорее декоративна, как правило, птица действует параллельно с Рык, обрамляя своим сиянием пророчество, или же образ Каленик используется для сравнения: «Обручальное колечко; // Круг-кольцо, он был подобен // Перьям птицы занебесной, // Птицы Каленик священной» [32].

Эти сюжеты и образы представляют собой вариации сложного и многообразного мифопоэтического мира, созданного творческим гением Жакова. Создаётся впечатление, что вся, достаточно большая часть литературных произведений Жакова, посвящённых теме дохристианского прошлого коми народа, была только подготовительным этапом в создании литературного эпоса «Биармия». Таким образом, обращение к жанру эпической поэмы стало закономерным этапом в творческом освоении Жаковым языческой темы. Жаков высоко оценивал свою первую научную статью, но, по его же оценке, реконструкция языческого мировоззрения зырян оказалась лишь

«бледной схемой» древнего миропонимания. Жакову не хватало того, что современный исследователь называет «одушевлением, со-участием в материале» [33]. Путь был один: представить среду, в которой языческое мировоззрение было бы живым, и Жаков создаёт эту среду литературными средствами. По сути, мифопоэтика художественного мира его зырян-язычников – это реконструкция мировоззрения в гипотетических условиях бытования её в среде носителей аутентичной языческой религии. В этом смысле, поэма «Биармия» помимо литературно-художественного имеет и сугубо научное значение как реконструированный мифологический эпос, в котором реализованы: 1. научно-теоретические взгляды Жакова; 2. материалы его полевых исследований фольклора; 3. материалы сравнительно-мифологических исследований. Конечно, при написании поэмы Жаков ориентировался на «Калевалу» – об этом достаточно убедительно свидетельствует работа О.В. Ведерниковой [34], менее заметно влияние скандинавской мифологии, но, как показывает исследование Е.К. Созиной, и оно есть [35], тем более, если учесть, что сама тема путешествия пермян в Биармию, не что иное, как поэтическая инверсия темы путешествий в Биармию викингов в скандинавских сагах. Однако, всё это только средства для решения одной задачи: показать древний, дохристианский мир коми народа с его бытом, языческими обрядами, мифологией, с выраженной религией природы и соответствующим общенародным пантеоном богов. Наиболее адекватным способом решения этой задачи стало обращение к эпосу, как к наиболее архаичной форме героического повествования о событиях древности. Но цель Жакова – не просто написать поэму о прошлом, а попытаться восстановить утраченный коми-зырянский эпос как часть Северного эпоса.

По замыслу Жакова, «Биармия» не только эпос о героях и их героических деяниях, прежде всего, это эпическое сказание о древнем Знании, позволяющем людям жить в сообществе с Природой и Богами. Поэтому реальными действующими героями поэмы являются люди, обладающие этим знанием – это тун-волхв Вэрморт (Лесной человек) и его ученик, сын князя Яура Югыдморт (Светлый человек). Их причастность высшему знанию позволяет жителям Перми одерживать победы (бескровные победы) над врагами, обращать их в союзников и друзей. При этом, «вдохновенный музыкант» Вэрморт, является одним из основателей Вычегодской Перми. В новелле «Царь Кор», для сюжета «Биармии» имеющей значение этногенетического мифа, он один из приближённых царя Кора, после гибели крепости Искор перенесённых птицей Рык из Великой Перми в верховья Вычегды, на холм Джеджим Парма. Он единственный из героев, имеющий право претендовать на известную древность лет, соответственно, в мифопоэтическом контексте его знания должны наиболее соответствовать сакральным знаниям Древней Камской Перми, прародины жителей Джеджим Пармы. Новелла «Царь Кор», по сути, является предтечей поэмы «Биармия», в ней впервые Жаков обращается к проблеме реконструкции мифического прошлого коми народа, она даже написана с использованием стихов калевальской метрики. Кроме того, в новелле впервые упоминается о связях Камской Перми с Биармией, так, сын царя Кора князь Редигар берёт в жёны Герioniу, дочь царя Биармии Рамдая. В свою очередь, Рамдай является отцом «древнего годами» царя Оксора в сюжете поэмы. Редигар и Гериона погибают на стенах павшей крепости Искор, княжеский род Перми продолжают второй сын Кора Мичаморт (Красивый) и Тариола, дочь пермского жреца. Князь Джеджим Пармы Яур должен быть внуком царя Кора, причём оба они на-

званы Жаковым «рыжебородыми».

Таким образом, княжеский род Джеджим Пармы претендует на известную древность, как на древность претендует и магическое знание Вэрморта, принесённое им из Древней Перми. Имя героя «Лесной человек» в контексте мифопоэтики Жакова также значимо. Следует обратить внимание, что поэма начинается с обращения лирического героя к Лесу с просьбой, чтобы он дал ему «песни величавые», научил заклинаниям тунов-волхвов и рассказал историю героев: «Кто здесь был в веках минувших, // О делах их благородных». Это обращение не просто риторическая фигура, в структуре «Биармии» Лес такой же действующий персонаж, как и герои-люди. Такое понимание Леса, несомненно, восходит к мифологическим представлениям коми, где *Вёр-ва*, букв. Лес-Вода, – обобщённое понятие Леса включающее в себя всё, что находится в лесу вместе с реками, озёрами, ручьями и существами, которые обитают в нём. Лес сам по себе выглядит как огромное мыслящее живое существо, населённое живыми, разумными обитателями *вёр-ва олысьяс*: деревьями, животными, духами леса и воды. От того, насколько гармоничной является связь между человеком и обитателями леса, зависит, в общем, и сама возможность человеческого бытия. В этом смысле Вэрморт, как человек Леса, является и его персонификацией, отсюда его долгожительство – он является современником Рамдая и Мичаморта, но всё также молод и при их внуках – Райде и Яуре. Кроме того, Вэрморт считается знатоком священных знаний древности, хранителем которых является Лес.

В свою очередь, источником всех знаний мира является Золотая книга неба, которую читает небесный Бог Енмар. Кроме того, в Золотой книге записаны судьбы всех живых существ на земле, а также историческая судьба мира от его сотворения до эсхатологического завершения в будущем, причём, написанное в тексте книги неба имеет статус закона и не подлежит исправлению. Следит за исполнением законов Золотой книги волшебная птица Рык, пророчески объявляющая людям начало важных событий. Небесная книга Енмара имеет земной аналог [36], её автор – *Комиморт* «Коми человек», обобщённый образ коми народа в персонифицированном воплощении. Жаков изображает его как старца (Ср. Енмар – старец), который, сидя за столом в «серой» избушке, пишет свою книгу. Можно догадаться, что содержанием книги являются священные сказания древности, в том числе и история Перми – Коми земли, исполненная Комимортом лирическому герою-автору.

Таким образом, поэма имеет, по крайней мере, две взаимодополняющие сюжетные линии: согласно первой – это эпическое повествование о национальных героях коми народа, живших в отдалённую историческую эпоху, когда была жива связь между людьми и Природой, людьми и богами, реальностью и мифом; в соответствии со второй – это повествование о богах и о происхождении лесного мира коми народа. Первая сюжетная линия реализуется в истории путешествия князя-оксора Джеджим-Пармы Яура в Биармию, его сватовства к биармийской принцессе Райде, рождении Югдыморта, его воспитании, путешествиях. Отличительной чертой этой сюжетной линии является полное отсутствие описаний сцен кровавых схваток, поединков, сражений героев с врагами, в целом, характерных для эпических песен. Герои «Биармии» живут в мире, в котором отсутствуют войны, страдания, все серьёзные проблемы разрешаются с помощью магического пения Вэрморта: засыпают готовые к битве с коми героями биармийцы, засыпают враги, пришедшие в край князя Яура, ничего не гово-

рится о том, как было изгнано из пределов Биармии, а затем и Перми, воинственное племя Роч (русь). Это эпоха Золотого века Севера, которая, по концепции Жакова, длилась от сотворения мира до начала христианизации Перми Стефаном Пермским. Этой эпохе соответствует и определённое территориально-социальное устройство Севера. Прежде всего, Жаков выделяет два царства – это Великая (Камская) Пермь царя Кора со столицей Искор и Биармия со столицей Кардор в устье Северной Двины². Царствами правят биармийские и пермские династии, Жаков называет царя Биармии Рамдая, внуком которого является Царь Оксор, а правнучкой – принцесса Райда; потомком царя Кора является князь Яур. Однако царство династии Кора на Каме разрушено, и потомки царской династии Кора обретают новую родину на землях, вассальных Биармии, поэтому Пермь Вычегодская, в которую входят земля по рекам Эжве (Вычегде), Вишере, Локчиму, Выми и др. – называется в поэме княжеством, столицей которого является Джджим Парма³, резиденция князя-оксо Яура. Точно такими же княжествами Биармии называются Югра (князь Сямдей), княжество вогулов (князь Беренделя), Тундра (князь Того-Лого). С востока земли Биармии граничат с дружественной Сибирью, правитель которой Бариткула также приглашён на свадьбу Яура. Что касается западных границ, то они обозначены землями викингов, некогда грабивших Кардор, землями племён Роч (руси), уже при жизни героев обозначивших свою границу городом Устюг на Двине.

Из новеллы «Царь Кор» известно, что царство Кора находилось «у истоков светлой Камы, // Жёлтой Иньвы, красной Чаньвы», царю Кору подчинялись не только пермяне, но также и вогулы, остяки, угра, о его царстве знали на Оби, Иртыше, Тоболе. Поэтому брак сына царя Кора Редигара и дочери царя Рамдая Герионы – это брак равных, брак двух царских домов. Редигар совершает путешествие вниз по Двине, царь Рамдай радушно его встречает и отдаёт ему в жёны Гериону. Что касается сватовства Яура к дочери царя Оксора, то Яур как вассальный князь, едва ли может претендовать на руку принцессы, как, впрочем, и являться к царскому двору без зова. Отсюда гнев царя и решение его брата Рымды расправиться с гостями: «Как? Осмелились герои, // Яур, князь рыжебородый, // Сильный Ошпи Лыадорса, // И Вэрморт, игрок великий, // К нам явиться без приказы // И без зова, в Биармию?!». Мирное решение проблемы указывает на то, что сватовство санкционировано высшими силами, и брак Яура и Райды записан в небесной книге Енмара-Юмалы. Значение этого брака в том, что этим самым утверждается преемственность династических линий царских домов Биармии и Камской Перми в потомках Яура и Райды, а Вычегодская Пермь (Коми земля) становится правопреемницей Биармии. Именно поэтому поэма названа «Биармия». Эта преемственность утверждается и мотивом постоянного реформирования и приращения древнего Знания потомками Яура и Райды.

По сюжету один из главных героев тун (шаман) и песнопевец Вэрморт излагает сыну князя Перми Югидмарту древнейшую версию Знания, как мифическую историю происхождения богов и коми народа. В связи с этим, Жаков включает в концепцию священного знания дуалистический космогонический миф, объясняющий современное героям поэмы мироустройство. Обращает внимание изменение имён главных персонажей мифа: братьями-сотворцами здесь являются боги *Енмар* и *Оксоль*, а не *Ен* и *Омоль*, как в аутентичном мифе. Жаков таким образом восстанавливает древнюю форму имён, ср.: *Енмар* – удм. *Инмар* – финн. *Ilmarinen*. Теоним *Оксоль*, по-видимому,

²Кардор – коми название Архангельска; переводится с коми языка как «место возле крепости», Утила считает, что словом *кар* коми называли крепость около того места, где сейчас построен Архангельск [37].

³Джджим – совр. деревня Джджим (рус. Жежим) Усть-Куломского района РК. Джджим Парма – лесной массив на отрогах Тиманского кряжа в верховьях р. Вычегда.

является производным от коми *õксы* «князь». Если в аутентичном тексте божества-сотворцы первоначально выступают в облике водоплавающих птиц (утки и гагары и т.п.), то Жаков создаёт новый оригинальный мифологический сюжет, в котором боги-сотворцы изначально имеют антропоморфный облик, при этом Оксоль достаёт землю со дна первозданного тумана, а не океана. Мир создаётся совместными усилиями обоих братьев: отрицательно маркированные объекты создаёт Оксоль, он же сеет злобу между людьми и между зверями. Люди и звери начинают истреблять друг друга, поэтому Енмар, «оскорбившись», уходит на небо. Уход Енмара на небо равен его созданию, это и есть создание верхнего уровня мироздания, причём без участия брата-антагониста. Небо имеет вид «железной» крыши мира, Енмар катит по крыше «свинцовый шар», отчего образуется гром, и бросает вниз «стрелы молнии». Испугавшись, Оксоль уходит под землю, таким образом, сотворив подземный мир. Далее Енмар обустроивает небесный мир, создав дворец, зажигает во дворце лучины – звёзды, создаёт быка-радугу, который начинает пить излишки воды на земле и под ней, для небесных птиц Енмар даёт «Путь молочный» между звёзд, затем «открывает» книгу неба, из которой читает мировые законы, и следить за их исполнением ставит на Уральских горах птицу Рык. Боги пармы и Воршуд, «хранитель дома», также народились по воле бога Ена. Воршуд, бог домашнего очага, назван Жаковым и богом счастья. Как верно отмечает Ю.Г. Рочев, представление об этом боге Жаков заимствует у удмуртов [38]. Мифологема «громовых стрел» Ена раскрывается в VII главе поэмы в мотиве противостояния Бога и Ящера: Ен бросает на землю «стрелы молний» и «низшие боги» скрываются от них в своих избушках. Не убегает только Ящер: «Тёмный Ящер тут смеялся /Бога неба презирая, /Холодно глядел на небо». Ен не может поразить Ящера, так как должен это сделать только в конце времён: «Не конец ещё всей жизни / Потерплю хотя б немного». Если в своей первой статье (см. выше) Жаков отмечал наличие в пантеоне образа «волшебницы-ящерицы», то в данном случае, в образе Ящера угадывается антагонист Енмара – Куль-Оксоль, который, не в силах досадить Ену, скрывается в яме-преисподней. Угаданные Жаковым мифологические коннотации образа ящерицы впоследствии использовались исследователями в реконструкциях семантики Пермского звериного стиля [39]⁴, хотя авторы, в силу политических причин, не упоминали Жакова в ссылках.

В данной версии пантеона большое внимание уделяется Войпелю, не только как божеству северного ветра, но и как покровителю лесов. Его резиденция – на горе Тэлпозиз, «каменном гнезде ветров», он чутко следит за нарушениями шумовых запретов, карая снежной бурей тех, кто издаёт любые звуки: поёт, свистит, стучит и проч., проходя мимо святой горы. В мифопоэтике Жакова Войпель занимает место традиционного Вёрса «лесного» или лешего, и, если в других произведениях Жакова это был одиночный образ, то в поэме появляются дети Войпеля – Боги леса, лешие – они живут в пармах, семьями, в серых избушках, вихрем носятся по дремучим лесам, хохоча и хлопая в ладоши. Точкой сближения образов Войпеля и лешего, для Жакова, очевидно, стала способность фольклорных лешего и лесных духов к передвижениям в виде вихря. В пантеоне «Бегства» «семьями» обладали водяной Васа и тёмный бог Куль, семью Войпеля Жаков строит по такой же схеме: патриарх Войпель один на горе Тэлпозиз, а его дети, лесные боги, населяют всё лесное пространство (Ср.: Васа – один в хрустальном дворце в море, дети его населяют все остальные воды; Куль – один в подземном мире, его дети – хозяева кладбищ и «старых городов» на земле). С лесными богами связана старуха Йома, первоначально Жаков возводил её к образу Йомалы, кумир которой

⁴Статья А.С. Сидорова была написана в 1920-е годы, но опубликована только в 1972 году.

якобы стоял в Усть-Выми во времена Стефана Пермского [40]. В поэме она названа хозяйкой леса, все деревья в парме – её внучата, она названа также «бабой» леших, которые бегут к ней напиться пива. С Йомой в поэме связан эпизод похищения маленького Югидморта, в спасении которого затем участвуют герои. Эпизод выстроен на базе сказочного сюжета о похищении лесной ведьмой детей. В целом же Йома – образ для мифопоэтики Жакова периферийный, она не участвует в числе основных персонажей в жаковских произведениях. Далее, Жаков описывает жизнь водяных и упоминает о жертвоприношениях им, «чтоб людей не обижали, смертью тайной не грозили», вскользь говорит о Каленик-птице, персонификации северного сияния. В качестве отдельных богов Жаков называет шеву, с образом которой в коми мифологии связано представление о порче, а также орта – двойника человека.

Такова версия древнего Знания Перми-Биармии. Однако для сына Райды и Яура этих знаний недостаточно, и он предпринимает путешествие на Восток в поисках новых знаний. География его путешествий обширна. Он отправляется на историческую родину – Камскую Пермь и гостит у царя Чердыни, затем пересекает Урал и достигает столицы Сибири – города Некор. Здесь он входит во двор царя Сибири Бариткулы, воюет с осяками, за что царь выдаёт за него замуж свою дочь Таргитолу. Югидморт совершает ещё и путешествие на Енисей, к тунгусам, но главное в том, что он добывает новые знания – вплоть до чтения «древних книг Китая» и только после этого он возвращается на родину, в Джеджим Парму. Этот сюжет не что иное, как ещё одна отсылка Жакова к его первой книге «На Север. В поисках за Памом Бурмортом», к образам странствующих в поисках знаний Пама Бурморты и автора-героя Жакова. Однако хронологически путешествие Югидморта им предшествует, т.е. в мифопоэтике Жакова оно является первым приращением языческого знания. Соответственно, выстраивается ряд знатоков языческого учения, первым из которых является Вэрморт (Лесной), как носитель чистого языческого знания Перми, вторым идёт Югидморт (Светлый), включивший в мифологию Биармии-Перми знания Сибири и Китая, следующим является Пам Бурморт (Пам Добрый), соединивший пермскую религию с философским учением индийской философии о Брахме-Брахмане, и, наконец, сам Жаков-Гараморт (Помнящий), наследник языческих учений, позиционирующий разработанную им философию лимитизма как синтез всех религий, наук и искусства [42].

Священные знания записаны в Золотой книге неба у Енмара, здесь же записана и история Перми. Как и любая история, она тоже имеет начало и конец: начало положено космогоническим мифом, развитие – историей жизни и подвигов героев, эсхатологическое завершение истории Перми-Пармы записано в небесной книге Енмара: «Через век страна погибнет / У реки Двины прозрачной – / Биармия та исчезнет. / Парма Эжвы жить же будет / Долго, долго и прекрасно». Однако, через три поколения, при жизни праправнука Югидморта – Пансотника древней жизни придёт конец: «При Пансотнике свершится / Перемена в жизни пармы» [30]. «Перемена», «изменение» – это калькированный перевод коми выражения *му вежём* – букв. «перемена, изменение земли» в значении конца света. Конечно, эту «перемену» можно трактовать и как завершение мифологической истории, Золотого века или века героев, и начало новой, исторической эпохи, но Жаков символически завершает поэму похоронами главной героини – Райды, и ничего не говорит об исторической перспективе. Как мы знаем из новеллы «Бегство северных богов», история после Пансотника представлялась Жакову как долгая эсхатологическая агония. Но кто знает, что ещё написано в Золотой книге неба?

Грандиозный образ Бога-читателя, видимо, не имеет аналогов в мировой мифологии. Пока Енмар читает свою Золотую книгу, мир живёт, и нетрудно догадаться, что произойдёт, если Он по какой-либо причине перестанет читать.

Литература

1. Жаков К.Ф. Роема «Biarmia» / Tulk. J. Rainis // Lachplesiis Limitists/ 1924. №1. С. 69–80.
2. Жаков К.Ф. О методах изучения северного народного эпоса // Научное обозрение. 09.11. 1911. №41. С. 1226.
3. Туркин А.Е. Каллистрат Фалалеевич Жаков // Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990. С. 24–25.
4. Жаков К.Ф. Лимитизм. Рига, 1929. С. 39.
5. Гамсун К. У врат царства. СПб., 1909.
6. Жаков К.Ф. Кнут Гамсун и основные мотивы его творчества // Кнут Гамсун. У врат царства. СПб., 1909. С. 18.
7. Жаков К.Ф. Языческое мирозерцание зырян // Научное обозрение. 1901. №3. С. 63–84.
8. Конаков Н.Д. Литература и письменные источники по мифологии коми // Мифология коми. Энциклопедия уральских мифологий. Т.1. М.–Сыктывкар, 1999. С. 30–41.
9. Жаков К.Ф. Языческое мирозерцание зырян // Научное обозрение. 1901. №3. С. 64.
10. Там же. С. 63.
11. Там же. С. 74.
12. Там же. С. 75.
13. Жаков К.Ф. На север, в поисках за Памом Бурмортом. СПб, 1905. 165 с.
14. Жаков К. Ф. В хвойных лесах: Рассказы Коми-Морта. СПб., 1908. С. I–II.
15. Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990. С.406.
16. Там же. С. 383–385.
17. Там же. С. 393–404.
18. Там же. С. 80–87.
19. Там же. С. 169–174.
20. Там же. С. 393–404.
21. Топоров В.Н. Первобытные представления о мире (Общий взгляд) // Мировое древо. М., 2010. Т.1. С. 34–35.
22. Созина Е.К. Авторское сознание в автобиографическом романе К.Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» // Тайё сьылём – коми олём / В этой песне коми жизнь. Сборник трудов об основоположниках коми литературы. Сыктывкар, 2008. С.201–204.
23. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар, 1996. С. 264.
24. Жаков К.Ф. Лимитизм. Рига, 1929. 225 с.
25. Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990. С. 385–393.
26. Лорд А.Б. Сказитель. Пер. с английского Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. / Отв. ред. Б.Н. Путилов. М., 1994. С. 164.
27. Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990. С. 386–387.
28. Там же. С.387.
29. Там же. С.389.
30. Там же. С.391.
31. См. там же. С. 439–457.
32. Жаков К.Ф. Биармия. Сыктывкар, 1993. 312 с. Здесь и далее поэма цитируется по этому изданию.
33. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Новосибирск: «Наука», 1991. С.26.
34. Ведерникова О.В. «Калевала» и «Биармия»: сопоставительный аспект // Тайё сьылём – коми олём / В этой песне коми жизнь. Сборник трудов об основоположниках коми литературы. Сыктывкар, 2008. С.92–99.
35. Созина Е.К. Книга К.Ф. Жакова «Биармия» в контексте мифотворчества писателя // Арт, 2009. №4. С.134–141.
36. Там же. С. 137.
37. КЭСК Краткий этимологический словарь коми языка / Сост. В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. Сыктывкар, 1999. С.117.
38. Рочев Ю.Г. К.Ф.Жаков и фольклор // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества (Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 55). Сыктывкар, 1993. С. 54.
39. Сидоров А.С. Идеология древнего населения Коми Края. // Этнография и фольклор коми (Тр. ИЯЛИ КФАН СССР, вып. 13.) Сыктывкар, 1972. С. 10–24.
40. Жаков К.Ф. Языческое мирозерцание зырян // Научное обозрение. 1901. №3. С.68.
41. Жаков К.Ф. Биармия. Сыктывкар, 1993. С. 180.
42. Жаков К.Ф. Лимитизм. Рига, 1929. 225 с.

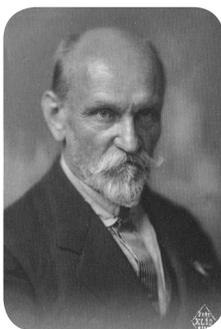

Светлана Ковальчук

Ковальчук Светлана Николаевна в 1981 году завершила учёбу на философском отделении историко-философского факультета Латвийского государственного университета, успешно окончила очную аспирантуру при Институте философии АН СССР в Москве. Ныне является доктором философии, ведущим исследователем Института философии и социологии Латвийского университета. Первая монография «Протестантский модернизм в США. Анализ процесс-теологии» была опубликована в Риге в 1991 году. Но главным объектом научных исследований на протяжении многих лет стал мир русской культуры Латвии. Именно этой теме посвящено наибольшее количество публикаций. В 1999 году Академией Российской Словесности награждена медалью «Ревнителю просвещения. В память 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина».

Биармия – место встречи К. Жакова и Я. Райниса

(Предыстория публикации фрагментов поэмы в Латвии)

*Богатырь наш Оксой-Яур
Собрался на Север тёмный,
Вниз по Вычегде широкой,
По Двине потом лазурной –
В Биармию за невестой.*

*Mūsu varonis Okoi-Javurs
Brauc uz tumšiem ziemeļgaliem,
Brauc pa plato Vičegdupi,
Tad pa debesszilo Dvinu,
Brauc uz tāļo Biarmiju
Līgaviņas lūkoties.*

Перевод Я. Райниса

Каллистрат Жаков и Янис Райнис¹ почти ровесники, они могли встретиться на просторах огромной Российской империи и в независимой Латвии, но личной встрече не суждено было состояться. Но помимо воли их сблизила, незримо соединила реальная и мифологическая Биармия. Да, Биармия, как было принято в историографии XIX века отождествлять скандинавский топоним Бьярмия с древнерусским топонимом Пермь.

¹Фотография Яниса Рауска любезно предоставлена для публикации Валкским краеведческим музеем. Фотографии Райниса и Аспазии получена из Академической библиотеки им. Я Мисиня Латвийского университета. Фотография Алиды Каролины Приеде взята из личного архива Мары Приеде, остальные фотографии из личного архива Светланы Ковальчук.

Переводчик «Биармии» – Райнис

У двух поэтов несхожие судьбы. Янис Райнис (Jānis Pliekšāns, псевдоним – Rainis; 1865–1929) – латышский поэт, драматург, переводчик, журналист, руководитель театра, политик получил прекрасное гимназическое образование, с 1884 по 1888 год учился в Петербургском университете на юридическом факультете, который окончил со степенью кандидата права. Потом занимался юридической практикой, был редактором одной из самых популярных латышских газет «Dienas Lapa» (Ежедневный листок). За социал-демократические убеждения в середине 1897 года был коротко заключён в тюрьму, вскоре выслан на полтора года в Псков, затем отправлен подальше от родных мест в городок Слободской Вятской губернии, где безвыездно жил с 1 июля 1899 до мая 1903 года. В далёком крае сложился первый поэтический сборник Райниса «Tālas poskaņas zilā vakarā» (Далёкие отзвуки синим вечером), который увидел свет в 1903 году. В одном из стихотворений поэт писал:

*Я шёл зимою
Глухой, суровой
В края чужие,
К чужому крову.*

*А колокольни
В набатном гуде
Взывали: «Благо вам,
Мир вам, люди!»*

За спиной Райниса с 1897 г. нерушимой скалой стояла его супруга **Аспазия** (Elza Pliekšāne; 1865–1943) – талантливая поэтесса, драматург, писательница, переводчик, политик. Она часто навещала супруга в ссылке в Вятской губернии и, значит, стала сопричастна Биармии.

С годами Райнис обрёл славу мастера слова не только в оригинальных произведениях. Поэт нёс в себе тонкий дар проникать «в виноградное мясо» мировой поэзии и адекватно излагать эти шедевры на латышском языке. Первым опытом переводчика стал «Борис Годунов» Александра Пушкина. Свобода владения многими европейскими языками (современными и классическими) позволили перевести «Фауста» Иоганна Вольфганга Гёте. В ссылке неустанно продолжал кропотливо шлифовать свой талант и впервые для латышского читателя перевёл произведения Уильяма Шекспира, Генриха Гейне, Генриха Ибсена, Фридриха Шиллера, Роберта Гамерлинга.

Через два с половиной года, после возвращения в Ригу осенью 1905 г., Райнис с Аспазией на 15 лет уедут в вынужденную ссылку в Швейцарию.

Жаков в Лифляндии

Впервые сын Биармии – Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926)² ступил на территорию Лифляндской губернии 11–12 февраля 1913 года. Его – профессора Психоневрологического института Санкт-Петербурга, писателя, поэта, публициста, путешественника, этнографа, философа, наконец, «зырянского Фауста», как его именовали приязненно относившиеся к нему коллеги, – пригласило Валкское латышское Общество взаимной помощи. Городок Валк (ныне Valka, Валка) и ныне располагается на границе с Эстонией. Свою лепту в приём столичного гостя внесли местные ценители литературных и философских новинок. Ответственность за гостя взял на себя местный просветитель, издатель газеты «Каави» (Kāwi; 1910–1913) **Янис Адамович Рауска** (Jānis Rauska; 1873–1967)³. К тому же известно, что в Психоневрологическом институте обучалось немало число небогатой молодёжи из Лифляндской губернии, вероятно, кто-то из студентов принёс в Валк

весть о любимом профессоре. Поводом для приглашения послужили к тому времени изданные в Петербурге философские и литературные произведения Жакова.

В объявлении, помещённом на страницах газеты, напечатано, что приглашённый К. Жаков, профессор философии, лектор по красноречию Петербургского Психоневрологического института, предложит слушателям два доклада «Что такое философия», «Бог в природе и в человеке: о границах естествознания». В газетных отчётах, посвящённых лекциям столичного гостя, отмечалась необыкновенная эрудиция и магнетическое воздействие на аудиторию. В 1914 г. издательство Я. Рауска выпустило в Валке отдельным изданием прочитанные лекции, предложенные читателям в свободном, но корректном изложении переводчика «Что такое философия», «Бог в природе и в человеке»: *Žakovs K.F. Kas ir filosofija? Dievs dabā un cilvēkā*. Valka, 1914. В 1914 г. лекции, прочитанные в Валке в феврале 1913 г., были перепечатаны в рижской

²Основные публикации автора, посвящённые К.Ф. Жакову: Ковальчук С.Н. Взыскаю Истину... (Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю.Ф. Самарин, Е.В. Чешихин, К.Ф. Жаков, А.В. Вейдеман. Середина XIX века – сер. XX в.). Рига, 1998. С. 100–114. Она же. Kalistrat Žakovs: «Pasaule ir vienota, un patiesība ir viena» Par limitisma filozofiju un tās autoru // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. (A.) 1999. 53 sēj. №. 4./5./6. (603./604./605.) 74.–78. lpp.; Она же. К. Ф. Жаков, А. К. Приеде // «Покровское кладбище. Слава и забвение» / Сборник статей. Составители С. Видякина, С. Ковальчук. Рига, Multicentrs, 2004. С. 193–195; Она же. K. Žakova Rīgas arhīvs. // Reliģiski-filozofiski raksti. Rīga, 2005. №. 9. 78.–99. lpp.; Она же. Путь извилистый земной. Рижский архив философа Каллистрата Жакова // Даугава. 2008. № 1/2. С. 128–156; Она же. Рижское окружение Каллистрата Жакова // Россия и Балтия. Войны, революции и общество. М., 2008. Вып. 5. С. 185–210; Она же. Латвия в жизни Каллистрата Жакова // АРТ лад. Сыктывкар, 2011. №. 3. С. 92–93, 108–131.

³Янис Рауска отличался многими талантами, получив скромное образование, учился всю жизнь, стал общественным деятелем, хорошим фотографом, книгоиздателем и организатором книжной торговли. Специалист Валкского краеведческого музея Лигита Друбиня написала статью о нём: *Drubiņa L. Ar Jāņa Rauskas vārdu* // Darba Karogs. 1989. № 3.

ежедневной политической и литературной газете «Dzimtenes Vēstnesis» (Вестник родины) в № 166 за 23.07–5.08.

Жаков вторично побывал в Валке 4 и 5 апреля 1915 г., читал лекции «Духовная культура Германии и русская философия». Янис Рауска в это время был демобилизован в действующую армию, его газета закрылась, но подробные отчёты о выступлениях Жакова были опубликованы в рижских газетах: «Dzimtenes Vēstnesis» (Вестник родины) № 97, 104, в № 69 политической и литературной газеты «Latvija» (Латвия). Можно предположить, что именно в этот приезд в Валку в зале, наполненном притягательной силой ума и личного обаяния лектора, состоялась роковая (судьбоносная) встреча немолодого профессора с привлекательной недавней гимназисткой **Алидой Каролиной Приеде** (Priede; 1893–1941)⁴, родившейся в зажиточной крестьянской семье. Вскоре, словно находясь под

гипнотическим внушением, Алида ослушалась родителей, приехала в столицу, осенью 1916 года оказалась среди студентов Психоневрологического института. Алида-Каролина – натура цельная и сильная, целеустремлённая, ворвалась в привычное течение семейной жизни Жакова, неотвратимо, неизбежно изменив его и свою судьбу. В конце мая 1917 г. Алида привезла Каллистрата Фалалеевича знакомить со своими родителями, но первая встреча обернулась скандалом, изгнанием из семейного очага, разрывом с родителями.

Бурные исторические перемены принёс и 1917 год: отречение от престола императора Николая II, Февральская революция, крутые перемены в политической жизни России в октябре того же года, гражданская война, наконец, закрытие Психоневрологического института. Вскоре добровольный приезд в Лифляндию обернулся беженством, эмиграцией и вынужденным проживанием попеременно в Валке, Пскове, Юрьеве, наконец, в Риге.

К сожалению, невозможно детально восстановить события жизни К. Жакова в 1917 году, как и ответить на вопрос: почему книгоиздатель вновь обратился к публикации текстов Жакова. Возможно, философ вновь читал лекции в знакомом Валке, поскольку книгоиздатель Янис Рауска выпустил отдельным изданием лекцию: Жаков К. Лимитизм: 1-я лекция. Валк, 1917. К сожалению, в библиотеках Латвии не сохранились оригиналы изданий Я. Рауски, о выходе изданий свидетельствуют библиографический справочник.

⁴Латвийский государственный исторический архив (далее ЛГИА). Ф. 2996. Оп. 15. Д. 24517. В скупых паспортных сведениях значилось место рождения – волость Кагеру (или Кагаерви), хутор Ланес в северной части Лифляндской губернии, неподалёку от городка Валк.

1920-е годы

Райнис возвратился из Швейцарии в независимую Латвию в апреле 1920 года. Для него начался интенсивный период жизни как политического, театрального деятеля: Райнис был депутатом латвийского парламента трёх созывов, с 1921 по 1925 год руководил Национальным театром, в декабре 1926 года стал министром образования Латвии. В свободные минуты писал, занимался переводами.

Жаков летом 1920 года после нескольких лет скитаний решил предложить свои знания в Риге в Высшей школе Латвии⁵. 16 июля 1920 года была прочитана пробная лекция «Лимитизм». Увы, лекция не произвела должного впечатления. Наступила глухая тишина – высшее учебное заведение не давало ответа. Правда, после жаковского публичного выступления философ, психолог Паул Карлович Дале (Dāle; 1889–1968) доверительно сообщил другу Жакова – Эмилию Гросвальду (1875 – после 1940) причину холодного молчания со стороны руководства факультета. Темпераментно прочитанная лекция показалась латвийским коллегам неубедительной апологией идеей лимитизма, дала повод воспринять оратора скорее как дилетанта, оригинала и чудака, а не как широко мыслящего интеллектуала, профессионала на поприще философии.⁶ Паул Дале сочувственно отнёсся к личности Жакова, позже посетил несколько его лекций. На исходе сентября декан лингвистико-философского факультета профессор Янис (Иван) Эндзелин (Endzelīns; 1873–1961) прислал официальное письмо, тем самым подтвердив отрицательный ответ руководства учебного заведения⁷.

Что же в философских воззрениях лектора вызывало недоверие и настороженность со стороны руководства университета в Эстонии, затем и в Латвии? В новом университете в Риге успешно читали лекции по праву, истории, медицине, литературе российские эмигранты. Возможно, не последнюю роль сыграла его личная драма – сложность отношений с молодой спутницей жизни, оторванность от родины, да и неспособность Жакова перелистнуть страницы жизни, постепенно изменяться, приспособливаться, вживаться в новые жизненные условия, уловить требования совершенно новой академической среды и соответствовать этим требованиям.

В оправдание действий деканата лингвистико-философского факультета Высшей школы Латвии, добавим, что руководство университета не привлекло к научно-преподавательской работе маститых профессоров Рижского политехнического института, вернувшихся из эвакуации в Ригу на рубеже 1919/1920 годов. Среди них бывший ректор Рижского политехнического института Вольдемар Августович фон Книрим (W. J. K. von Knieriem; 1849–1935), проф. Фёдор Владимирович Бухгольц (F. Buchholtz; 1872–1924), проф. Николай Максимович Озмидов (N. Osmidoff; 1850–1938), проф. Михаил Николаевич Берлов (1867–1935). Между прочим, не привлёк Жакова

⁵До 28 марта 1923 г. Латвийский университет именовался Высшей школой.

⁶ЛГИА. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 721. Л. 116. Оригинальной рукописи пробной лекции не сохранилось. Машинописный текст лекции хранится в рижском архиве философа и напечатан в: Жаков К.Ф. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. Рига, 1929. Гросвальд присутствовал на выступлении Жакова 16 июля 1920 г., составил подробный план. Два года спустя текст лекции был реконструирован Гросвальдом при участии молодого поклонника философских идей Жакова – Степана Леонтьевича Высоколяна. Думается, текст был просмотрен самим Жаковым. Но в окончательном варианте пробная жаковская лекция была отредактирована Эмилием Гросвальдом при подготовке сборника работ 24 мая 1926 г.

⁷ЛГИА. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 725. Л. 1.

к преподаванию в Риге на Русских Университетских Курсах и Константин Иванович Арабажин (1865–1929), хотя знал его по публичным лекциям с начала 900-х годов и в 1909 г. редактировал тексты жаковских лекций по роману Ф.М. Достоевского: Иван Карамазов. Лекции / Под редакцией К.И. Арабажина. Книга увидела свет под грифом Народного Университета.

Создание Общества и Академии лимитивной философии

Да, зырянский самородок потерпел неудачу в Латвийском университете. Друзья, почитатели его научных и писательских дарований постарались в сентябре 1920 года хоть в какой-то мере морально, психологически сгладить ситуацию. Преданный друг Эмилий Гросвальд, с которым познакомились во Пскове, поддержал дорогого учителя, собрал инициативную группу для создания и регистрации в соответствующих инстанциях «Limitiskās filozofijas biedrība Latvijā» (Общество лимитивной философии в Латвии). Был намечен обширный план работы. Увы, реально общество начало действовать только на рубеже 1922–1923 годов, когда Эмилий Гросвальд и члены общества приложили усилия в организации постоянных лекций Жакова, проходивших в Старой Риге на улице Торня, дом 4. Более того, нашлась и возможность через бюро множительных работ Владимира Яковлевича Упесслея (Upesleja; 1885–1939) распечатывать лекции как отдельные небольшие работы. И это стало статьёй хоть умеренного, но дохода. Кстати, сколько лекций было размножено в этом бюро, установить теперь уже затруднительно⁸. Отдельные лекции печатались и на латышском⁹. Статьи Жакова в это время стали появляться в латышской прессе. В Указателе латвийской прессы – «Gintera radītājs» содержится список статей Жакова за 1924, 1925 гг. на латышском языке, опубликованных в газетах «Latvijas Sargs» (Латвийский защитник), «Latvijas kareivis» (Латвийский солдат), «Strādnieku avīze» (Рабочая газета). Регулярные лекционные курсы Жакова, организованные Обществом лимитивной философии в Латвии (Limitiskās filozofijas biedrība Latvijā), проходили с февраля 1923 г. по декабрь 1925 г.

Пока Эмилий Гросвальд и члены «Общества лимитивной философии в Латвии» раздумывали, как организовать лекции Каллистрата Фалалеевича на постоянной основе, другой его большой поклонник Эрнест Эрнестович Барон (Barons; 1889–1968?) с конца осени 1921 года перехватил инициативу. Барон проведаль о безуспешных начинаниях по пропаганде идей лимитизма со стороны Общества Гросвальда и пошёл в решительную «атаку» за Жакова. Обходительный Эрнест Эрнестович проявил сочувствие к бедственному положению Гараморта и при жёсткой конкуренции сумел-таки устроить его в Рижский английский педагогический колледж, входивший в ведение

⁸Автором получен дар от Гунты Алтенберги. Её отец – Янис-Валдемар Алтенберг (Altenbergs; 1900–1990) – был слушателем лекций Жакова в 1923–1925 годах, сохранил о нём самые добрые воспоминания. В полученном архиве шесть размноженных лекционных текстов: в 1923 г. были изданы лекции «Утро, полдень и вечер в жизни человека», «Как создаются философские системы», в 1924 г. – «Многообразие религиозного опыта», «Идеи и формулы индуктивной обобщающей философии лимитизма», «История лимитизма», «Научно-философское доказательство бытия божия».

⁹В издательстве «Limes» в 1924 г. вышла лекция «Kurp mūs ved zinātnes» (Куда ведёт нас наука) и «Kas ir patiesība» (Что есть истина?), в 1925 г. – «Nacionālisms kā cilvēces kultūras faktors» (Национализм как фактор человеческой культуры), в 1926 г. «Dvēseles nemirstība» (Бессмертие души).

Министерства образования Латвии. В декабре 1921 г. директор колледжа предложил Жакову чтение лекций по логике, индийской философии (впрочем, заменённые на лекции по английской литературе). Увы, благие намерения Барона вскоре нарушил уставший от жизни и неизлечимо больной Каллистрат Фалалеевич: ему было трудно читать школьникам новый предмет по мировой литературе и в первую очередь английской. В феврале 1922 г. Э. Барон официально создал «Limitiskās Filosofijas Akadēmiju» (Академию лимитивной философии). Предлагавшиеся популярные лекции профессора Жакова по философским и естественнонаучным темам, увы, слушателей не нашли.

Надо отдать должное Эрнесту Барону, в чём-то человеку небескорыстному, с чертами авантюриста, за то, что сумел издать в 1924 году журнал с вычурным названием «Lāčplēsis limitists» (Лачплесис лимитист), Лачплесис – сторонник философских воззрений Жакова!¹⁰ Эрнест Эрнестович действительно постарался – Жаков был представлен в этом издании как философ, сказочник, поэт. Сам же Барон выступил в роли интерпретатора философских идей профессора. Приглашение участвовать в издании принял академик Владимир Михайлович Бехтерев, приславший из Петрограда статью «Влияние мышления на поведение животных»¹¹. Янис Райнис перевёл 6 частей поэмы Жакова «Биармия». Аспазия и Виктор Эглитис обогатили издание своей поэзией, репродукции картин художника В. Авотиня украсили журнал. Увы, творческих усилий, денежных запасов Эрнеста Барона хватило на издание только единственного номера журнала.

Как создавалась поэма «Биармия»

Как известно, эпическая поэма «Биармия» – зырянское сказание о древних богах была написана Жаковым в 1916 году на русском языке в Петрограде. Поэтическое творение подвело своеобразный итог многолетних изысканий Жакова как учёного-фольклориста, решившегося на реконструкцию мировоззрения древних коми-зырян. «Биармия», пусть и не изданная, с годами обрела смысл, ценность для народа коми, сравнимую с ценностью эпосов «Калевала», «Лачплесис». Жаковский эпос впервые был переведён на язык коми в 1992 году. В 1993 году полный текст поэмы впервые опубликован на русском и коми языках.

Что такое Биармия? Это мифическая страна, упоминавшаяся в сагах древних скандинавов (викингов) IX–XIII веков. Скандинавский термин «Biarmaland» или «Biarmia» возник, вероятно, на этой же основе и обозначал не какую-то локальную территорию, а обширный регион Северо-Востока Европы, населённый родственными финно-угорскими племенами. Поэма «Биармия» стала реконструкцией древнего северного эпоса, точнее – эпоса народа Перми, родственного по языку и культуре всем народам, проживающим на обширной территории европейского Севера от Урала до Финляндии, с центральной областью – бассейном Северной Двины, – обозначенной в поэме как Биармия. Жаков был глубоко убеждён в предназначении созданной поэмы, видел в ней подлинный эпос коми народа, поскольку как настоящий учёный-фольклорист

¹⁰Лачплесис – буквальный перевод: разрывающий медведя, – главный герой одноимённого латышского эпоса «Lāčplēsis», воссозданного Андреем Пумпурсом (Andrejs Pumpurs). Эпос создавался на протяжении 15 лет кропотливой работы на основе народных преданий. Эпос впервые опубликован в 1888 году.

¹¹Bechterevs V. Domāšanas iespaids uz dzīvnieku darbību // Lāčplēsis limitists, 1924. Nr. 1. 39. – 64. lpp.

годами по крупницам накапливал и восстанавливал собранный во время полевых экспедиционных практик в Коми крае фольклорный материал, сравнивал находки с фольклором родственных финно-угорских народов.

Нелишне напомнить, что с 1900 года Каллистрат Жаков постоянно участвовал в экспедициях в северных областях России, в которых собирал научный материал. В 1901 г. за этнологический очерк о зырянах получил большую серебряную медаль Русского географического общества. В экспедициях черпал вдохновение для литературных произведений. Путешествуя по верхней Печоре, в 700 верстах от Усть-Сысольска, записывал этнографический материал (песни, сказки, описывал особенности семейного уклада) и неожиданно к нему пришло осознание того, что «язык – это душа народа, язык – своеобразное выражение его переживаний, его логики, его психологии, его понимания красоты и добра. Язык – это бессознательное, стихийное и органическое проявление душевной жизни народа, и для каждого народа язык – его величайшее сокровище. Долг каждой нации сохранить свой язык и охранять чужой и свято относиться не только к своему, но и к чужому языку современных культурных народов и к языку народов, не попавших в светлый круг этих культурных наций»¹².

И академик Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) и член-корреспондент Петербургской Академии наук Всеволод Измаилович Срезневский (1867–1936), знавшие и ценившие публикации Жакова по этнографии, в последующие годы настоятельно советовали, направляли, «звали на великое поле этнографии и финской лингвистики», поскольку число профессионалов-филологов из коми-зырян в то время было непросто мало. Тем более, что с 1901 г. по инициативе В.И. Срезневского активно начались археологические экспедиции по России, и в частности, в Архангельскую, Вологодскую, Пермскую и Олонецкую губернии для сбора рукописей и старопечатных книг у населения. Но Гараморт в экспедициях ощущал в себе неослабевающую раздвоенность: «Иногда ясно я вижу трагедию мою и причины моего одиночества. Вкусы и привычки мои – первобытного человека. Кто может ужиться со мной из горожан и промышленников? Пишу я сказки, ибо я из народа, живущего мифологией, кому же нужна этнография! Нужно описывать современную жизнь языком современного народа. Как жить среди профессионалов? Слишком рано родился я для „новых“ народов и слишком поздно для „старых“»¹³.

Можно предположить, что под воздействием экспедиций и влиянием этнографического материала в философской работе 1906 года «Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали» Жаков писал: «Человечество без религии не обойдётся. Но необходим иной язык религии, иные формы церкви»¹⁴. Поэтому «Биармия» была задумана её создателем для выполнения одной из функций лимитивной философии: прочно обосновать новое видение религии, т.н. «иррелигиозной религии», способной «заменить религию прошлого», прояснить эволюционные процессы Вселенной. Да, цивилизация неумолимо наступала на зырян в конце XIX и начале XX столетия, неумолимо подминала духовное своеобычие культур – это явственно зрел Жаков в экспедициях в северных областях России. Более того, учёный глубоко переживал драматически противоречивое сочетание официальной православности и глубоко укорённого язычества в сознании вотяков, мордвы, инвенских пермяков, зырян. Га-

¹²Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. С. 208.

¹³Там же. С. 197.

¹⁴Жаков К.Ф. Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали. С-Пб., 1906. С. 82

раморт в романе «Сквозь строй жизни» (С-Пб., 1912) писал, что с грустью он покидал инвенских пермяков «и с новой надеждой отправился к вотякам, чтобы помолиться в их лесах богу Ингмару, светлородому богу неба и матери солнца, помолиться и другим великим стихиям. <...> Но и у них немало грустил, изучал их трагическую историю. Видя, как <...> притесняют их языческую веру, полную величия»¹⁵. В статье о творчестве К. Гамсуна Жаков отводил северным народам мессианскую роль спасителей цивилизации, при условии, что «дряхлающая Европа» сумеет их «услышать». При этом себя самого он считал первым голосом «первобытных» северных народов, призванным сообщить о них Европе¹⁶.

Жаков опасался неспособности коми мортов сохранить в полноте неповторимые оттенки национального мироощущения и мировосприятия, продемонстрировав в «Биармии» своему народу забытую языческую веру, полную величия, достоинства и красоты. Но с другой стороны, Жаков уловил потребность поиска новых форм религиозности, что было характерно для творческой интеллигенции России начала XX столетия. Эту мысль подтвердила также и Елена Созина, анализирувшая литературное творчество Жакова в широком спектре идей литературы Серебряного века, усмотрев в его призывах к возвращению к старым богам соответствие движению «языческого ренессанса» начала XX столетия, которое можно рассматривать как проявление «нео-религиозного сознания», преобладавшего у его современников в те годы¹⁷.

Жаков – Райнис – Рига

Дневниковые записи Яниса Райниса хоть немного приоткрывают завесу истории этого перевода. Итак, 22 февраля 1923 года в дневнике Райниса записано: пришёл лимитист Барон, чтобы переводил «Биармию». До 9 сентября Райнис не приступал к работе, но всё же внял настоятельной просьбе Эрнеста Барона. И уже 9–11 сентября Райнис перевёл 200 строк жаковской поэмы. Более в дневниковых записях за 1923 г. ничего не записано о работе над переводом, всё более о настойчивых, даже навязчивых визитах Э. Барона. Итогом работы стал перевод на латышский язык I–VI частей «Биармии». Поэма всколыхнула в Райнисе далеко не самые плохие воспоминания о годах ссылки в далёком краю. Он даже намеревался написать воспоминания о годах ссылки в Биармии – Вятской губернии. Своим переводом Райнис, несомненно, отдавал дань уважения Жакову как фольклористу, как собирателю эпоса зырян, оценил его научный и поэтический труд по бережному сохранению народной культуры.

Читателю интересно будет узнать, что на протяжении жизни латышский поэт проявлял неподдельный интерес к этнографии, латышским традициям. В середине 1880-х годов Райнис стал соучастником сборника «Материалы по этнографии латышского племени в Витебской губернии» (С-Пб., 1890), составителем и редактором которой был Эдуард Александрович Вольтер (Eduard Volter; 1856–1941) – известный российский лингвист, этнограф, фольклорист, археолог. В предисловии Вольтер благодарил Райниса за оказанное внимание к его труду, называя его по русской традиции – Иван

¹⁵Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. С. 170, 217.

¹⁶Лимеров П.Ф. Поэма «Биармия» как итог исследовательской деятельности К. Жакова по реконструкции древнего мировоззрения коми-зырян // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 1(21). Сыктывкар, 2015. С. 100–116.

¹⁷Созина Е. Творчество К.Ф. Жакова в культурном контексте XX века // АРТ (ЛАД). Сыктывкар, 2011. №. 3. С. 99.

¹⁸Переиздание книги было осуществлено в Москве в 2011 году в издательстве «Книга по Требованию».

Христофорович Плекшан¹⁸. Райнис, возглавив в декабре 1926 года министерство образования Латвии, в апреле 1927 года подписал указ о создании Хранилища латышского фольклора, ставшего уникальным научно-исследовательским центром.

Жаков-поэт и Райнис-переводчик так и не встретились в Риге. Латышские литературоведы, знатоки биографии Райниса категорически отрицают какое-либо знакомство Райниса с Жаковым. 8 сентября 1973 г. Бирута Гудрике в статье «Vai jauns Raiņa draugs?» (Новый друг Райниса?) на страницах газеты «Literatūra un māksls» (Литература и искусство) развеяла миф о дружбе поэтов, но подтвердила заинтересованность поэта в переводе на латышский язык поэмы «Биармия» и факт знакомства в феврале 1923 г. Райниса с Э. Бароном.

В 1925 году Райнис написал короткое предисловие ко второму изданию поэтического сборника «Дальние отзвуки синего вечера», созданного в ссылке в далёкой Биармии в Слободском. В предисловии он не назвал имя Жакова, просто написал поэт «Биармии», выразив ему признательность за поэтически сильные образы, всколыхнувшие, явственно оживившие впечатления дивной красоты суровой природы. В 1928 году Райнис почему-то вернулся к переводу «Биармии», дополнил перевод ещё двумя частями. Дополненный перевод поэмы «Биармия» в 1980 г. вошёл в 8-й том собрания сочинений Яниса Райниса.

Если Жаков и Райнис так и не встретились в Риге, то Алида Каролина Приеде, судя по воспоминаниям её младшей дочери Мары Приеде, поддерживала отношения с вдовой Райниса и неоднократно навещала с детьми Аспазию.

Прошли годы. Земля Биармии помнит латышского поэта Райниса и его супругу Аспазию. В Слободском работает мемориальный музей, неподалёку от которого установлен памятный камень.

Garamorts — K. F. Žakovs

Poema „Biarmia“

Tulkojis J. Rainis. 1923.

I.

I e s k a ņ a

Kur tu esi, dziesmu purpurs?
Kur tu seno laiku smaragds?
Kur jūs lielās dzīves stelles?
Kur jūs lielo audu spoles?
Apklusušo dienu meti,
Vecu pagājušu laiku? —

Sēdās vecu laiku pile
Tumšu ēnu akmeņstarpā —
Teica vecu laiku pile :
«Aizmirsušās senās dziesmas,
«Nav vairs gurnā viņu teiku,
«Miklu runu, burvju vārdu,
«Tautas daiļes valodiņas.»

II.

K o m i m o r t s

Mežs mans senais, mežs mans svētais,
Dod man dzižkanīgas dziesmas!
Rādi manim visas stīgas,
Visas koku starpu vijas,
Veco egļu, slaiķo priežu,
Stumbru pēdas, sakņu lokus!

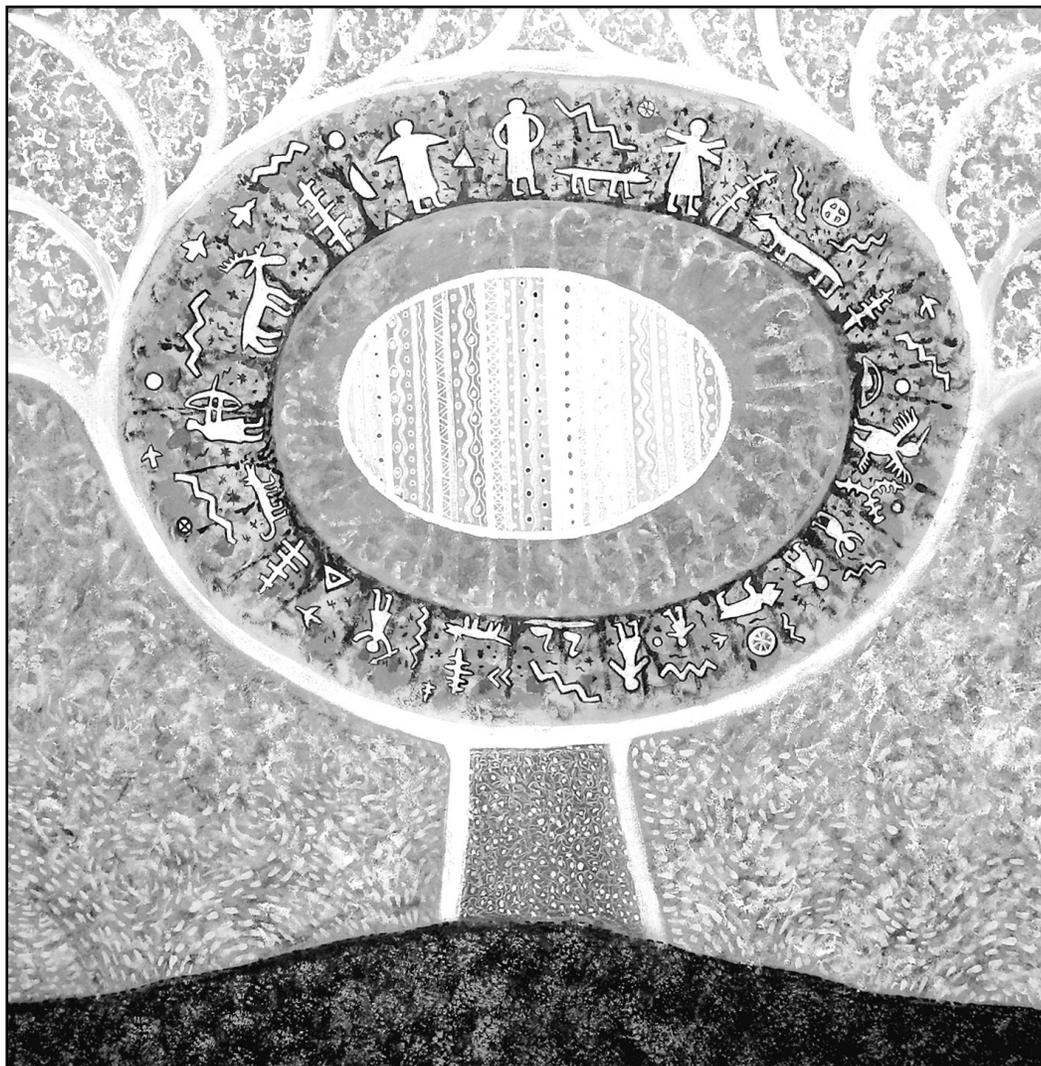
Ver man visas bagātības:
Avot-tekas, acis, urgas,
Lielo upju sikās sākas
Tumšā apēnotā parmā :*)
Zīmē klinšu granit-stāvus,
Porfirveida stabu stulmus!

Māci manim burvju mākslas,
Stipro tunu **) slēptos vārdus! —
Rādi manim putnu pērķļus
Smailo egļu, lepno priežu
Virsoņitēs augstos kalnos!

*) parma = joma.

**) tuns = burvis.

АРТпиян

Мария Шахова

Шахова Мария Михайловна чужис 1997 вося январ 6-д лунö Кекур грездын. Пожөгса школаын велөдчигөн заводитöма тэчны кывбуръяс. Гижан туй вылө чуйдöма батьыс, композитор Михаил Шахов. Сийö вöзйöма гижны аслас шылад дорö кывбур. А бөртиджык Мария ветлөдлöма коми кыв да литература велöдысь Елена Александровна Игнатоваён котыртöм литературной кружокö.

Öнi Мария велөдчö Сыктывкарса канму университетын 1 курсын.

Таво «Арт» журнал нуöдiс челядь костын «АРТниян» литература конкурс. Колö вöли гижны Коми му йылысь. Жюриö пырисны культураын уджалысьяс, гижысьяс да журналистъяс, найö бөрйисны вермысьясöс «Поэзия», «Проза» да «Туялан удж» номинациясын.

Конкурс вылө воис нелямын гижöд. Талун ми вöзъям тiянлы лыддьыны Мария Шаховалысь, «Поэзия» номинацияын вермысьлысь, кывбуръяссö.

Сьөлöм бердын

Арся войö

Мыйкö вунлöмтор арся вой шöпкö.
Эзысь тöлысьнас шензя, ог узь.
Сöстöм сынöдөн ывласянь öвтö.
Войыс кöдзыд, а вывті на кузь.
Эзысь тöлысьыс мыйкö да сетас.
Дыр нин шобрöдлö, эг аддзыв вöт.
Кыськö лов пиысь гижöдтор петас –
Дженьыд кывбур, а сы бöрся мöд.
Арся пемыдыс мөвпъясөн сöвтö,
Мыйысь ёнджыка сьöктаммö лов.
Мыйкö вунлöмтор дум вылö чöвтö
Муса мортöс, код важөн оз ков.

***

Ичөтдырся кадöй, ыджыд мамлөн шаньга...
 Коркө чойöй-вокöй ыдждöдлiсны: «Кага».
 Öнi чöвтны-куртны абу нин ме дзoля,
 Мед жö эськö мортыд вит арöса колян.

***

– Мамö, пожъясъ öтнад, ворсны кайла.
 – Он мун, меным отсасъышт.
 – Мамö, пожъясъ öтнад, ворсны кайла
 И бöр локта. – Водзсаси.
 Сiйö луныс коли качай дорын...
 Юрын кадыс вожъясъö.
 Кызь во мысти вои Эжва дорö –
 Мамö век на пожъясъö.

Ань

Век йирис сьöкыд олöм аньсö,
 И сiйö кусiс, кызди би.
 Зэв бура тöдлiм бурсö, шаньсö
 Да шогсям сиктын ставöн ми.
 Шань верöс война вылö усис,
 И пьянлы сэн воис пом.
 Эз чечыны тай найö гусьыс,
 Эз ло тай сьöлöм бара том.
 Сiдз курыд шогөн удж век тöдiс,
 Эз дзиръя костö топöд лов.
 Ас няньöн-солөн нэмсö пötис,
 Кын пачөн некорсö эз ов.
 Ми кытчöдз асьным олам-вылам,
 Век юрын лоас миян ань.
 Сы моз жö тöждөн-могөн олöй,
 Мед ставыс миян вöли шань.

Сьöлöм бердын

Сиктлөн дона увтасыс и кырйыс,
 Муса орчча парма вöрлөн мич.
 Вежöрын на, кызди ичöтдырйи,
 Аддзи югыд дзоридзьяса видз.
 Ставыс тайö сьöлöм бердын олö.
 Тайö ставыс некор дзик оз вун.
 Ставыс тайö меным сiдз жö колö,
 Кыдзи арын шоньд гожся лун.

Внимание, конкурс!

Учимся вместе с журналом «Арт»

Журнал «Арт» совместно с региональным Институтом развития образования запустил новый конкурс образовательных проектов «Журнал «Арт»: учимся вместе». В нём смогут принять участие библиотекари, учителя и воспитатели образовательных учреждений Коми.

Организаторами заявлено четыре конкурсные номинации: «Выставка-презентация журнала «Арт», «Интерактивное мероприятие», «Просветительский проект» и «Методическая разработка».

«Необходимость проведения такого конкурса возникла давно, – рассказывает руководитель редакции журнала Нина Новикова. – Дело в том, что на страницах «Арта» публикуются произведения практически всех современных поэтов и писателей республики, печатаются научные статьи и работы известных художников. Не удивительно, что педагоги используют журнал в своей работе как методическое пособие. Популярен «Арт» и среди библиотекарей республики. Здесь можно рассказать о всевозможных читательских квестах, онлайн-конференциях, выставках и многом другом. На сегодняшний день назрела необходимость обобщить все эти проекты и поблагодарить самых активных».

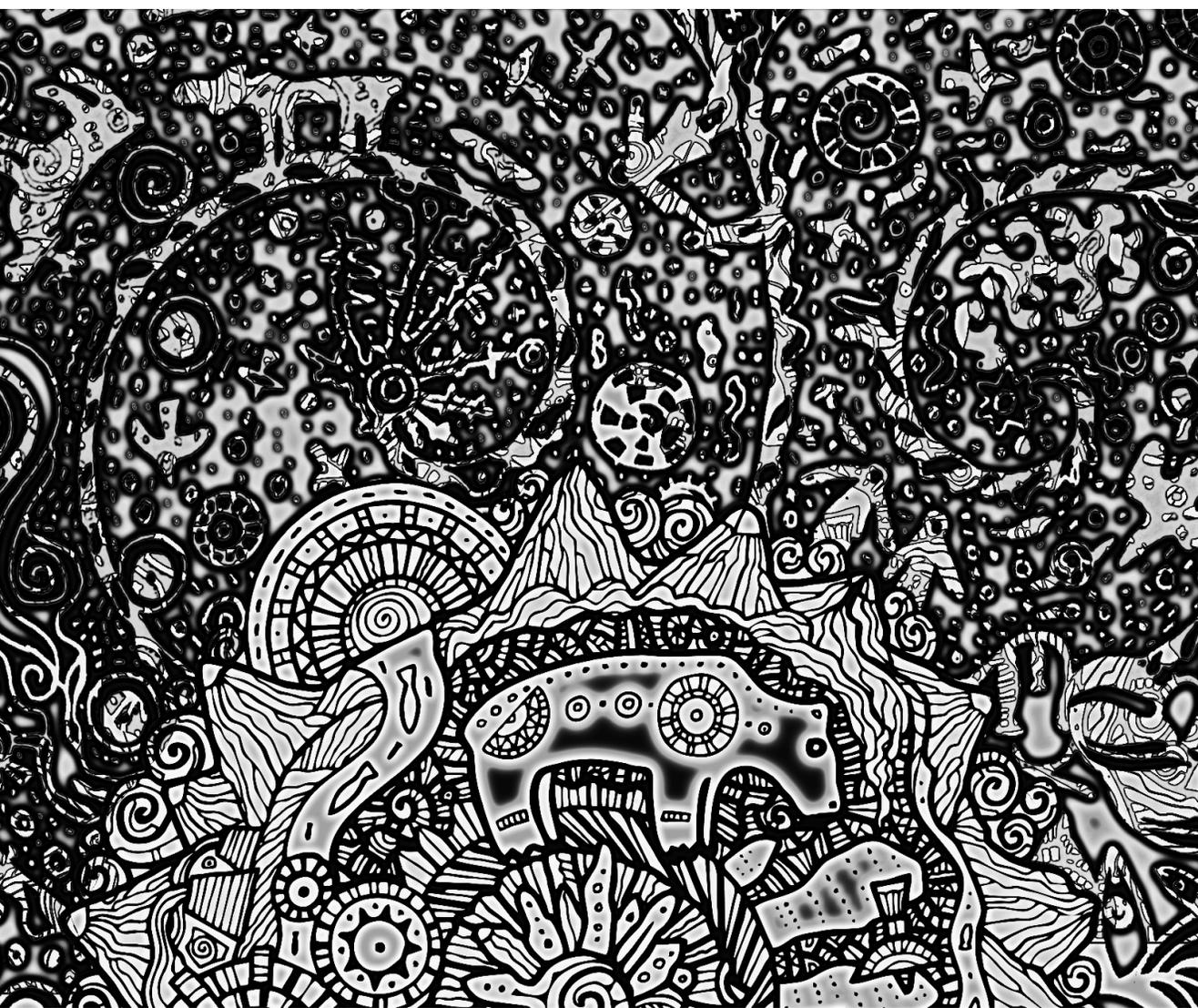
Образовательные проекты принимаются до 30 сентября по электронному адресу: creko@kriro.ru.

По итогам конкурса планируется выпустить сборник методических разработок «Журнал «Арт»: учимся вместе». В него войдут лучшие разработки уроков, внеклассных мероприятий, выставок и социальных проектов, при подготовке которых были использованы материалы из журнала «Арт». Такое пособие станет хорошим помощником в педагогической работе не только учителей и воспитателей, но и библиотекарей Республики Коми.

Ознакомиться с положением конкурса можно на сайтах Коми республиканского института развития образования kriro.ru и журнала «Арт» artlad.ru, а также на портале этнокультурного образования «Коми школа» komishkola.ucoz.ru или в социальной сети «Вконтакте» vk.com/club79630928.

Арт-факт

Илья Можайский:

«Мы ставим трагическую историю о любви и силе зла»

Через несколько дней для театралов Сыктывкара начнётся самое настоящее духовное пиршество – международный фестиваль оперного и балетного искусства «Сыктывкарса тулыс» (Сыктывкарская весна). Как всегда, фестиваль встретит зрителей премьерой. На сей раз это будет одна из самых репертуарных в театрах мира, божественная опера великого Джакомо Пуччини – «Тоска», которую по праву считают вершиной музыкального искусства.

Трагическую музыкальную историю ставит главный режиссёр Государственного театра оперы и балета РК заслуженный деятель искусств РФ Илья Можайский.

Что нового он привнёс в классическое

произведение и какую концепцию готов предложить зрителю совместно с главным художником театра Юрием Самодуровым и главным дирижёром Азатом Максutowым?

– Илья Семёнович, два месяца назад в нашем разговоре вы отметили, что не хотели бы ставить спектакль в традиционном интерьере. Вы искали ключевой код, приём, образ в сценографии, из которой бы выкристаллизовалась идея самого спектакля. Судя по всему, код найден?

– Найден. Мы с Юрием Самодуровым долго искали образ спектакля, в котором и разворачивается вся трагедия этой истории. Всё начало выстраиваться, когда художник предложил эскиз бегущего в тёмном туннеле человека. Интуитивно мы почувствовали: вот это тот образ затянутого паутиной мира Скарипа, выход из которого возможен только через смерть. Это и туннель, это и подвал – лаборатория пыток. И в этом мире живут Тоска и Каварадосси, пытаются творить и любить.

Согласно либретто, в первом действии бежавший из заключения Цезаре Анджелотти, бывший консул Римской республики, находит убежище в церкви Сант-Андреа-делла-Валле, в семейной капелле Аттаванти, где встречается с художником Марио Каварадосси, который пишет здесь портрет Марии Магдалины. И в первом действии это действительно храм. Здесь художник пытается создавать жизнь. С одной стороны, он как бы рисует образ Мадонны, с другой он наделяет её чертами женщины, которая недавно

Родился в Риге. В 1983 году окончил ГИТИС им. Луначарского (ныне Российская Академия Театрального Искусства) по специальности «режиссёр музыкального театра» (курс народного артиста СССР, профессора Г.П. Ансимова). Во время учёбы в ГИТИСе параллельно работал в Московском академическом театре им. В.В. Маяковского. Начал практическую деятельность, будучи студентом, с постановок в театрах Москвы, Магадана и Иванова. В 1983 году, после окончания ГИТИСа, был принят на работу в Свердловский государственный театр музыкальной комедии.

С 1990 г. возглавил оперную студию Уральской государственной консерватории им. М.П. Мусоргского. В 1991 г. организовал Екатеринбургский экспериментальный музыкальный театр при Уральской государственной консерватории им. М.П. Мусоргского, просуществовавший до 2003 года.

С 2004 года работает режиссёром в Московском академическом Музыкальном театре имени К.С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

Параллельно с работой в театре занимался воспитанием молодых актёров как художественный руководитель курса кафедры музыкального театра Екатеринбургского театрального института и руководитель курса на кафедре музыкального театра Уральской консерватории. За успехи в работе с творческой молодёжью был награждён почётными грамотами Губернатора и Правительства Свердловской области, а также главы г. Екатеринбурга.

С конца минувшего года – главный режиссёр Государственного театра оперы и балета Республики Коми.

Работа в театрах: Свердловский академический театр музыкальной комедии, Ижевский Музыкальный театр, Екатеринбургский экспериментальный молодёжный музыкальный театр, Московский академический Музыкальный театр им. К.С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко;

В учебных заведениях: Уральская государственная консерватория им. М.П. Мусоргского, Екатеринбургский государственный

театральный институт, Оренбургский государственный институт искусств.

Награды:

Премия Губернатора Свердловской области «За выдающиеся достижения в области литературы и искусства», Дипломант фестиваля «Россия молодая».

Звания:

Заслуженный деятель искусств России

Постановки:

опера Ш. Гуно «Фауст» (Екатеринбургский государственный академический театр оперы и балета), **мюзикл М. Ли «Человек из Ламанчи»**, **сценическая кантата К. Орфа «Кармина Бурана»**, первая в России постановка **оперы Дж. Россини «Золушка»** (спектакль стал номинантом Национального театрального фестиваля «Золотая маска», а также получил диплом лауреата I премии СТД Свердловской области за лучшую театральную работу сезона; постановщик спектакля И. Можайский был награждён специальной премией Губернатора Свердловской области «За выдающиеся достижения в области литературы и искусства»), **опера Ж. Массне «Таис»** (спектакль – лауреат премии СТД Свердловской области «За музыкальное событие года»), **опера В.А. Моцарта «Дон Жуан»** (спектакль – номинант фестиваля «Браво!» за 2000 год, три диплома – «За лучшее воплощение оперной классики», «За лучшую работу режиссёра-постановщика», «За лучшую мужскую роль»; в 2001 г. был включён в программу Всемирной театральной олимпиады в г. Москве), **опера Б. Бриттена «Поворот винта»** (спектакль – лауреат Областного театрального фестиваля «Браво!», в 2000 г. получил Национальную театральную премию «Золотая маска»), **пьеса Г. Ибсена «Привидения»**, **опера Дж. Россини «Севильский цирюльник»**, **муз. комедия Е. Птичкина «Бабий бунт»**, **оперетта И. Кальмана «Марица»** и др.

одухотворённо молилась в храме – маркизы Аттаванти. Но у Марио есть своя возлюбленная: горячая, живая, земная – певица Флория Тоска, которая появится здесь вскоре. В этот же мир прибегут и певчие – дети, которые устроят здесь переполох и будут веселиться по поводу разгрома Бонапарта.

И сюда же придёт хозяин этого мира Скарпия, шеф полиции, который быстро наведёт здесь порядок. В воспалённом мозгу Скарпия возникает коварный план: разжечь ревность в певице, подбросив ей веер маркизы. В Тоске вспыхивает пожар ревности, что приносит невероятное удовольствие Скарпия, который нащупывает эту болевую рану. Отныне Тоска – его человек, он может манипулировать ею. Скарпия в опере предстаёт монстром, вампиром, который насыщается чужой болью. Злодей отвлечёт Тоску своими вкрадчивыми лисьими повадками и в нужный момент нанесёт укол, заставив кровотоциты слабая женщина, которая в порыве отчаяния убивает злодея.

С появлением на сцене злодея Скарпия преобразятся и сами декорации: опрокинутый купол церкви накренится ещё больше, появится тоннель, выход из которого, затянутый паутиной, ведёт к смерти. Это уже не тот храм, где произошла встреча Каварадосси с Анджелотти, это храм смерти, так называемая «резиденция» Скарпия. Он жрец храма смерти. В спектакле будут использованы три разных задника (мягкие декорации), выполненные в одном ключе, и каждый из них, по мере превращения Скарпия в настоящего монстра, будет злоещее предыдущего.

– Многие режиссёры, обращаясь к «Тоске», ставят спектакль о любви, о жертвенной любви. Вы ставите спектакль о разрушительной силе зла?

– Мне довелось посмотреть множество постановок оперы «Тоска», и, скажу честно,

Репетиция спектакля «Тоска». Исполнительница роли Тоски Елена Аюшеева и режиссёр-постановщик Илья Можайский.

Анатолий Журавлёв в роли Каварадосси.

Дирижёр-постановщик Азат Максutow, концертмейстер Вадим Мальцев.

многие меня шокировали своим бытовизмом. Когда я начал анализировать, когда вслушался в музыку спектакля, то понял, что вся эта история аномальна. Ставить, например, ту же «Мадам Баттерфляй» Пуччини было значительно легче. Потому что эта история о колоссальной вере. Но когда осуществляешь постановку спектакля о жутком человеке, который практически управляет государством, сама музыка звучит по-другому. В музыке, с её эмоциональными, нервными всплесками, всё уже заложено.

Нет, я не хочу строить какую-то современную историю, но я хочу, чтобы звучала музыка Пуччини, в которой всё очень точно выстроено, всё-таки он был гениальным драматургом. Тоска – это мощная трагедия, и создавать её надо крупными мазками. И там настолько тонкие переходы и перетекания, которые и создают мощь этого произведения, поэтому и играть её очень сложно. В самой музыке всё время ощущается некая зыбкость, нерв, потому, что в этой истории очень сложные взаимоотношения, обусловленные непростой психологической ситуацией. Это мощная трагедия, и я должен сделать её так, чтобы зритель весь спектакль находился в напряжении, чтобы он сжался в своём кресле.

– Что Вы имеете в виду, когда говорите о «бытовизме» просмотренных вами постановок? Нет этого нерва? Не хватает психологизма?

– Именно. Возьмите, к примеру, первый дуэт Марио и Тоски. Практически все ставят сцену о том, что художник, спрятав человека, пытается поскорей выпроводить из храма свою возлюбленную. Но это мелко. Там же такие тонкости. Вот Тоска входит в храм, она видит в Мадонне черты прихожанки, она ранена ревностью, она боится потерять своего Марио. От того, что ревнует, она нравится ему ещё больше. Это глубокие психологические пере-

живания, повторюсь – они есть в музыке.

– А каким образом Вы ставите перед артистами задачи играть такие хрупкие и тонкие нюансы? Им это удаётся?

– Безусловно, приходилось сложно, ведь всё построено на взаимоотношениях. Вот сцена пытки Каварадосси, где Скарпия «насаживает» Тоску на «крючок», и как она трепыхается от страха за любимого. Это не построить в мизансцене, это надо прожить партнёрам, которые должны быть как бы взаимоперетекающими сосудами.

– Кому выпала честь петь Скарпия? Вообще расскажите о том, кого и в какой партии мы услышим?

– Сегодня над Скарпия работает новый солист Алексей Петров. Поверьте, для солиста эта партия может стать знаковой в карьере.

Будет ещё один исполнитель роли Скарпия – ваш земляк народный артист РФ солист Мариинского театра Владимир Ванеев. Кто из них понравится больше, решать зрителю. Владимир Ванеев не только исполнит роль Скарпия, он везёт в Сыктывкар и своих студентов из Международной Академии Музыки Елены Образцовой. Молодых солистов публика увидит в спектакле «Иоланта», который в своё время поставила Ия Петровна Бобракова. Вообще у меня есть идея создать на нашей сцене нечто вроде лаборатории для талантливых студентов Академии, это могло бы стать весьма полезным и для театра, и для будущих солистов. Может, кто-то вообще пожелает именно в Сыктывкаре строить свою будущую карьеру?

Партию Тоски будут исполнять две солистки: наше новое драматическое сопрано Елена Аюшеева и Ольга Георгиева, выросшая в Сыктывкаре солистка Театра оперы и балета Санкт-Петербургской консерватории им. Римского-Корсакова. Она также исполнит на фестивале главную

партию в опере «Чио-Чио-сан». Очень хорошо работает над партией Каварадосси Анатолий Журавлёв. На фестивале будет ещё один исполнитель Каварадосси тенор из Московского академического театра им. Станиславского и Немировича-Данченко заслуженный артист республики Бурятия Чингис Аюшеев.

Нам очень помогает и наш коуч (специалист по произношению вокального текста), концертмейстер Мария Ляшева, сыктывкарка, ныне проживающая в Италии. Мария прекрасно знает переводы,

владеет музыкальной драматургией. Она будет помогать нам не только в «Тоске», но и во французском варианте «Кармен».

Мы очень рассчитываем на удачный фестиваль и на успешную премьеру. Надеюсь, всё сложится, как и должно быть, и если наша «Тоска» выстрелит как и задумано, то несомненно, для театра это будет большим шагом вперёд.

Марина Щербинина.
Фото Дмитрия Напалкова.

Азат Максүтов

главный дирижёр
Государственного театра оперы и балета РК

Последний из романтиков

комментарий к постановке оперы

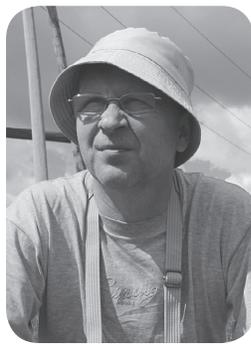
В мировую историю оперы Джакомо Пуччини вошёл как величайший композитор-мелодист, своим творчеством закрывший нам двери «романтического» XIX века. Наследник Джузеппе Верди и его гениальный продолжатель, он выводит психологический музыкальный театр на новую качественную ступень синтеза музыки и драмы. В его операх зритель не услышит ни увертюры, ни отдельных законченных номеров — арий или дуэтов, с последующими, по традиции, аплодисментами. Рассчитанная до миллиметров музыкальная драматургия, с экспрессивным оркестром и «пробивающими до дрожи» голосами солистов, заставляет смотреть спектакль на одном дыхании. Мастерски прорисовывая характер своих героев, Пуччини очень тонко схватывает атмосферу каждой отдельной сцены. Можно прочувствовать всю прелесть томительного ожидания Пинкертона во время любовного дуэта с Чио-Чио-Сан из первого действия оперы, наполненного различными шорохами природы и благоухающими ароматами Востока тёплого летнего вечера; проникнуться невыносимо раздирающей болью второй арии Каварадосси – его прощани-

ем с жизнью холодным одиноким утром в тюрьме... За каждой такой сценой стоит человеческая жизненная рефлексия композитора. Ему тоже приходилось, как и всем нам, испытывать свои радости и горести. Но, будучи гением в музыке, он схватывал эти состояния, облакал их в звуки и дарил им бессмертие, напоминая зрителям об истинных ценностях. Феномен катарсиса испытывает на себе каждый, кто посмотрел и прочувствовал оперы «Богема», «Тоска» или «Чио-Чио-Сан».

Закрывая двери «романтического» XIX века, Джакомо Пуччини закрыл и двери великой итальянской оперы. Чуткое, тонкое, глубокое проникновение во внутренний мир человека, мир его душевных переживаний, более не интересовало последующих «серьёзных» композиторов, по крайней мере так, как это понимал и слышал Пуччини. В XX веке акцент сместился на анатомию и антропологию в музыке. Лишь «лёгкие» композиторы, вроде Франса Легара и Имре Кальмана, продолжали верить в удивительную силу мелодии, способную выразить тончайшие движения человеческой души и воспеть всю её красоту. Но это уже совсем другая история.

Екимова Светлана Степановна – преподаватель и концертмейстер Коми республиканского колледжа культуры имени В.Т. Чисталёва. Окончила Пермский государственный институт искусств и культуры по специальности «Хоровое дирижирование». Публикуется в республиканских СМИ на темы культуры. Участвует в благотворительных музыкальных проектах по работе с детьми и ветеранами.

Разуваев Владимир Николаевич (р. 1954 г.) – журналист. Публикуется в республиканских СМИ с 1974 г. Член Союза журналистов России. Любит копаться в огороде, заготавливать грибы и ягоды.

Какая песня без баяна

Как вы не знаете бабушку Василису?! Ну что вы нам тут рассказываете, уважаемые читатели! Вы не знаете замечательную коми песню «Василиса» на стихи и музыку Любви Глазыриной или никогда её не слышали? Если так, то вы совсем уж, простите, совсем не от мира сего.

Ну, разве кто-то, кто хотя бы впервые услышал песню «Василиса», столь популярную ныне в разных уголках нашей республики, мог остаться равнодушным? Сколько неподдельного вдохновения, душевного тепла и самой преданной любви вложила автор в этот удивительно поэтичный (не побоимся столь высокого слога!) гимн родному и близкому своему человеку...

Собственно, совсем уж откровенно говоря, то дальше наш рассказ о замечательном артисте и преподавателе Любви Глазыриной и вовсе можно было бы не продолжать. Излишне и говорить, что Любовь Леонидовна, у которой вот уже

выросли собственные дети (и растут внучата!), по характеру была и остаётся... Да, вы угадали, ну точная копия бабушки Василисы. Впрочем, судите сами.

Кнопочки, вы, кнопочки

Бабушка Василиса без тёплой улыбки не могла вспоминать, как её совсем крохотная внучка Люба, едва научившись ходить, словно кот на валерьянку, вся устремлялась на голос деревенской гармошки. Только чуть раздастся весёлый перебор, уж тут как раз малышка изо всех сил и тянет бабушку за подол.

Так что правильнее было бы написать, что не Любовь Глазырина выбрала баян, а это он её выбрал. И посмотрите ведь как ведёт по дороге, ой, какой непростой, едва ли не с первых же шагов.

Трудно сказать, смогла бы 10-летняя девочка из посёлка лесозаготовителей Бортом-база без огромной бабушкиной

поддержки вот так взять да и решиться резко поменять всю свою жизнь и, покинув стены родного дома, устремиться, иначе не скажешь, вслед за мечтой. А впервые отправляясь, как говорится, в большой и неизведанный мир, или если быть точнее, то в село Визинга, Люба поняла, что гладких дорог в жизни не бывает.

Добраться до райцентра по осенней распутице пришлось ей на тракторе. Только можно представить себе тогдашнее состояние дороги от Бортом-базы до Визинги, если 27 километров этот «внедорожник» – такое замечательное всепогодное механизированное средство! – преодолевал целых два часа.

Но дорожные мучения того стоили. Ведь в селе Визинга располагался предмет горячих Любиных мечтаний – музыкальная школа. Хотя и тут не всё оказалось просто: чтобы поступить учиться в музыкалку, деревенской девчужке потребовалась опять-таки известная доля везения. Понятно же, что каждый раз после занятий в музыкальной школе ей добираться обратно к себе в Бортом-базу – это нереально. Но с жильём в селе Визинга вопрос решался достаточно просто. В райцентре тогда жила Любина тётя, которая и рада была принять у себя племянницу. Но...

Из класса в класс

Перед началом нового учебного года в средней школе села Визинга даже возникла некоторая организационная паника. Ну что вы, нет, конечно, не из-за Любы. Но в единственном тогда четвёртом классе школы в райцентре оказалось... 40 человек! Куда уж тут принимать ещё и любителей баяна из Бортом-базы!

К счастью, через неделю педагогический коллектив средней школы в селе Визинга получил достойное пополнение, и можно оказалось создать сразу два чет-

вёртых класса – по 20 человек. Тут уж нашлось местечко за партией и для нашей мечтательницы. Так что дома новоиспечённая ученица класса игры на баяне станет появляться только во время каникул.

Если кто не знает, то музыканту-баянисту нужны наплечные ремни – для сохранения устойчивости инструмента во время игры. Говорят, что игра без ремней практически невозможна. От правильного подбора длины ремня, оказывается, во многом зависит даже качество исполнения. А если из-за инструмента едва видна твоя макушка, каково это – осваивать инструмент? Это вам уже не игрушки. Но в музшколе класс игры на баяне в то время вёл Александр Чередов, ученик Якова Перепелицы. Естественно, поверил он в характер, в Любочкину звезду.

На уроке преподаватель следит, чтобы учащийся обязательно сидел на середине стула, не опираясь при этом на спинку. Корпус слегка наклонён вперёд. «Основная ошибка начинающих – дугообразная спина при игре на баяне», – терпеливо внушает учитель. Для равномерного распределения нагрузки на позвоночник при игре спина должна быть прямой. Прям балет какой-то. А ещё нужны пальчики! Одним словом, попала Люба в точку – к терпеливым учителям и мудрым наставникам.

В Визингской детской музыкальной школе тогда директорствовала Альдона Степановна Шадрина. Этот замечательный человек, музыкант и педагог ещё сыграет в дальнейшем свою роль в нашей повести о Любове Глазыриной. Но об этом чуть позже.

Тройка за диктант

«...Вот стою на асфальте я, в лыжи обутой», – примерно так себя почувствовала Люба, когда погожим августовским днём

несколько лет спустя на доске объявлений для абитуриентов Колледжа искусств в Сыктывкаре увидела результаты первого вступительного испытания. Нужно сказать, музыкальную школу она закончила просто блестяще, и никаких неожиданностей в дальнейшей учёбе даже не предполагала. И тут... Тройка за «музыкальный диктант»! А самое обидное, что все те мальчишки, которые списывали (просто внаглую!) у неё на экзамене, получили самые высокие оценки.

Идёт Люба, повесив голову, прочь от крыльца колледжа. Одни тройки на вступительных в колледж искусств – это гарантирует, в лучшем случае, учёбу на вечернем отделении. Значит, нужно где-то искать работу, жильё. Но должно быть, друг-баян даже такой поворот событий вполне мог предвидеть наперёд. «Как дела?» – вдруг слышит невезучая абитуриентка участливый голос ангелопокровителя своего Альдоны Степановны.

Так и так, рассказывала до слёз расстроенная Люба. Выслушав её, Шадрина

сразу выпрямилась, сжав кулаки. Среди поступающих вместе с её выпускницей в этом году был большой наплыв мальчишек, и она сразу поняла логику действий приёмной комиссии. Ну, ладно была бы Люба эдакая богатырь-девица, а здесь какая-то кнопка из Визинги, когда среди городских подростков в колледж небывалый конкурс? Не выдержит малышка, через год-полтора забросит учёбу, примерно так, наверно, рассуждали в приёмной комиссии.

Но у Альдоны Степановны уже тогда на Любу имелись собственные планы, и она решительно двинулась в администрацию учебного заведения. И не уходила из кабинета директора(!) колледжа, пока тот клятвенно не пообещал обеспечить Любу общежитием и перевести в самое ближайшее время на дневное отделение.

И вот спустя положенный срок диплом об окончании училища искусств у Любови Глазыриной в руках. А её уже опять дожидается Альдона Ивановна с хорошей новостью! Любимый директор

Визингской музшколы для своей ученицы пробила-таки направление в Пермский институт культуры. Нужно ехать, Люба, учишь дальше, вернёшься к нам в школу преподавателем.

Кандидатский норматив

Кстати, в Перми наш крепкий орешек не только грыз гранит науки, но и упорно работал над хорошей физической формой. Норматив кандидата в мастера спорта по лыжному многоборью – это вам как? Конечно, если подрабатывать в институте уборщицей, то шваброй так намахаешься, что любая лыжня нипочём. Знай наших! Плюс летом поездки в стройотряд, бесконечные разъезды в составе агитбригад с концертами по разным районам нашей республики.

А в Визинге уже давно заждались молодого специалиста. И вот, здравствуйте! Дипломированный преподаватель – дирижёр оркестра народных инструментов прибыл. Начались трудовые будни, учебные программы и ученики. Знаете ли вы, читатель, что при игре мех баяна находится на левой ноге, а нижняя часть правого полукорпуса баяна упирается в правую ногу. Ноги ставятся на всю ступню, левая слегка выдвигается вперёд. И правильная настройка плечевых ремней!

В феврале нынешнего года село Визинга отмечало 55-летие своей музыкальной школы. Собирались одноклассники, вспоминали педагогов, учёбу, счастливые школьные деньки. Побывала в Визинге и Любовь Глазырина. Да и как же не приехать на такой юбилей. Этой школе отдано четырнадцать лет работы. Подготовлено и выпущено 40 баянистов, среди которых бывший директор сыктывкарского колледжа искусств, а ныне декан исполнительского факультета Петрозаводской консерватории им. И. Глазунова Андрей Дикоев, доцент и главный дирижёр той же консерватории Алексей Чугаев.

И в селе Визинга, кстати, тоже класс баяна преподаёт ученица Глазыриной, выпускница Петрозаводской консерватории Ирина Туркова. Ансамбли народных инструментов, созданные Глазыриной из учащихся музыкальной школы, были неперенными участниками всех праздничных концертов в Сысольском районе. Одним словом, переезжая по семейным обстоятельствам в Сыктывкар, покидала Визингу Любовь Глазырина с чистой совестью. В столице республики её охотно приняли преподавать в колледж культуры. И во многих художественных коллективах города она оказалась желанным артистом-исполнителем. Вскоре баянист Глазырина в Сыктывкаре оказалась на шести работах. «Все площадки оккупировала. Ну, Глазырина,» – ревниво поговаривали коллеги. А всё он, баян.

Новая номинация

Сыктывкарцы давно привыкли возле Стефановской площади, проходя между Гавпочтамтом и ЦУМом, то и дело слышать и наблюдать кого-нибудь из уличных музыкантов. С недавних пор с баяном в руках здесь появляется один из заслуженных артистов республики. Мода? Вот звёзды шоу-бизнеса сегодня тоже иногда устраивают где-нибудь возле метро или в подземном переходе мегаполисов импровизированные концерты. Но когда уже и здоровье не то, и возраст и силы вынуждают оставить сцену, а руки всё равно тянутся к инструменту – это что? И улица, по которой куда-то торопятся по своим самым прозаическим и будничным делам и заботам прохожие, вдруг приобретает совершенно иной вид, заставляя на миг забыть о серых буднях. Вот то-то...

Хоронили тещу, порвали два баяна – этот ныне довольно расхожий анекдот, по нашему мнению, относится к разряду очень недалёкого чёрного юмора. Баян-

то вообще здесь при чём? Кстати, баянисты даже не обижаются на подобные шутки, ведь их инструмент не нуждается ни в какой защите. Достаточно вспомнить, какую популярность в республике быстро набрал фестиваль авторской песни «Василей».

Кстати, решение о первой поездке автора песни «Василиса» на фестиваль «Василей» было принято администрацией учебного заведения в самый последний момент, ехать Глазыриной пришлось безо всякой подготовки. Уже в дороге она вспомнила, что в спешке даже не подумала взять какой-никакой сценический костюм. А перед выступлением ей повезло позаимствовать у знакомых работников клуба кокошник. Но даже подогнать его по размеру было уже некогда, вышла на сцену. Исполнила песню под аплодисменты слушателей. А при заключительном поклоне случился маленький конфуз. Коварный кокошник так и обрушился ей прямо на лицо, словно забрало у хоккейного шлема.

Что ты за птица, если не умеешь плавать, как говаривала домашняя утка. Вот так примерно и появился на сцене (а заодно и в нашем повествовании) муж Любови Глазыриной, инженер-механик Николай. Однажды он взялся отвезти её в село Красноборск Архангельской области на «Сметанинские встречи». Это международный конкурс-фестиваль (постоянный партнёр телефестиваля братьев Заволокиных «Играй, гармонь!»), организованный в память об уроженце красноборской земли, самобытном музыканте-виртуозе, заслуженном артисте России, ярком исполнителе и композиторе Сергее Сметанине.

Выступать перед столь взыскательной публикой и строгим авторитетным жюри не просто. Кто может поддержать в такой экстремальной ситуации? Ну, конечно,

муж. Поэтому на сцену они вышли вместе. У Николая в руках была «флейта», вырезанная из сухого стебля борщевика, на которой он исполнял «шум дождя». Авторитетное жюри конкурса оценило по достоинству смелый эксперимент Любови Глазыриной. Семейный дуэт получил специальный диплом фестиваля – за оригинальность сценического образа. С этих пор на «Сметанинских встречах» появилась дополнительная номинация: за использование необычных в традиционном понимании инструментов...

А что сегодня? Глазырина участвует в праздничных мероприятиях, посвящённых юбилею Колледжа культуры, пишет стихи и музыку для новых песен, у неё скоро выходит сборник. Готовит методическую работу «Обучение игре на коми народных инструментах».

– Очень надеюсь, что в республике какой-нибудь год культуры будет посвящён замечательным коми музыкальным инструментам – чипсану и пэляну, – высказывает надежду Глазырина.

Как пел когда-то Олег Ануфриев: «Если жизнь сложилась словно песня, значит, песня сложена про жизнь». А вы говорите...

Александр Котылев

Котылев Александр Юрьевич, кандидат культурологии. Работает в Коми государственном педагогическом институте на кафедре культурологии.

Шестой этаж

Произвольная запись вольной беседы культуролога
Александра Котылева с художником Павлом Микушевым
28.04.2016

Александр Котылев. Добрый день, Паша! Нам долго подниматься?

Павел Микушев. До шестого этажа. Как-то не могут решить вопрос о домофоне для наших этажей, приходится каждый раз спускаться вниз, чтобы кого-то впустить.

Александр. Это первая твоя мастерская от Союза художников. А другие были?

Павел. Да. Несколько лет мы работали в одной мастерской с Юрием Лисовским в Затоне, которую ему предоставила там администрация. Однажды мы попытались даже построить для себя дом-мастерскую, но жизненные обстоятельства помешали этому проекту воплотиться. Долгие годы для меня служил мастерской мой собственный дом в Максаковке.

Александр. Насколько я помню, это было скорее полдома.

Павел. Да, я унаследовал его от родителей.

Александр. Каждое посещение было незабываемым, ты показывал всё новые работы.

Павел. У меня и здесь уже кое-что есть.

Александр. А что тебе раньше мешало получить свою мастерскую?

Павел. Союз художников, не хотел принимать этнофутуристов в свои ряды.

Александр. Почему?

Павел. Что за вопрос? Ты сам знаешь. Нас не считали художниками. Не считали профессионалами.

Александр. Как ты пришёл к этой специальности?

Павел. После восьмого класса школы я пошёл в девятый. Но там почувствовал, что учиться больше не хочу.

Александр. В те годы можно было покинуть школу после восьмого класса?

Павел. Да, но я ушёл чуть позже. Пытался поступить в училище искусств. Потом пошёл в «педуху».

Александр. Педучилище? Оно давало среднее педагогическое образование?

Павел. Да. Там я проучился два года. Но учиться тоже не хотелось. Я как-то сразу перестал обращать внимание на требования и правила. Потом меня забрали в армию. Вернувшись, я работал грузчиком.

Александр. Где?

Павел. В молочном магазине, в торговом центре, на рынке. Потом вновь попытался поступить в училище искусств.

Александр. Когда ты впервые почувствовал себя художником?

Павел. Не знаю. Может быть, когда к нам в максаковскую школу пришёл новый учитель рисования и черчения. В армии я пробовал оформлять красивые надписи, как тогда требовали, но у меня не получалось.

Александр. Когда ты поступил в училище искусств, то уже видел себя художником?

Павел. Нет. Скорее я представлял себя чем-то вроде оформителя. В Совке это была вполне приличная профессия.

Александр. Твои родители одобрили выбор?

Павел. Отца к тому времени уже не было. А мать ещё раньше сказала что-то вроде того, что моя жизнь – это моя жизнь. Она вообще была женщина суровая, но ко мне почему-то относилась снисходительно. Как-то раз к нам приезжали репортёры, делали фоторепортаж о нашей семье. Мы его потом смотрели по телевидению. Фотограф позже прислал неиспользованные фотографии, видимо, бракованные.

Александр. Так что же насчёт выбора призвания?

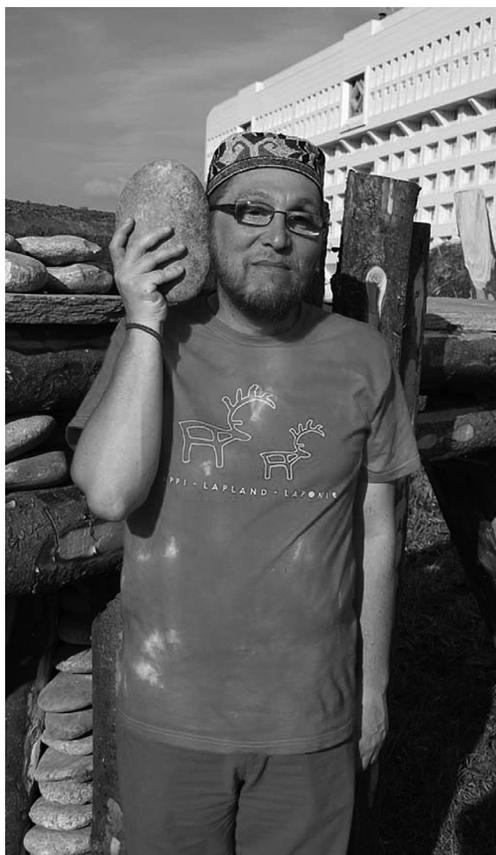
Павел. Это я помню совершенно чётко и никогда не скажу по-другому. На предпоследнем курсе училища ко мне подошёл Юра Лисовский и сказал, что-то вроде: на кого мы учимся? Художники мы или кто? Если художники, то давай будем рисовать картинки.

Александр. Твои первые работы существенно отличались от современных.

Павел. Да. Ты их видел в сарае, в Максаковке.

Александр. Там был рельефный триптих, в духе примитивизации христианских сюжетов. Но ведь ты создал ещё серию плакатов, посвящённых письменности Стефана Пермского?

Павел. Это была моя дипломная работа. У нас на курсе сложилась какая-то особая атмосфера. Многие из наших сокурсников продали свои дипломные работы, получили за них вполне реальные деньги. Ко мне обратился какой-то предшественник современного финно-угорского центра. Они предложили оплатить издание (кажется, 6 000 экземпляров серии в 6 плакатов), а кроме того, порекомендовали всем сельским библиотекам их приобрести. Это был успех, который подталкивал нас к продолжению самостоятельной линии художественного творчества. Однажды, то ли во время первого, то ли второго скульптурного пленэра в художественной галерее к нам в мастерскую приехала сотрудница галереи и привезла закуску. Завёрнута она была в мой дипломный проект. Впрочем, работая над дипломом, я много ходил по архивам и библиотекам. Тогда начал знакомиться с описаниями коми мифологии в журнале

«Коми му» и других изданиях.

Александр. А до этого с мифологией родного края ты был знаком?

Павел. Почти нет. Максаковка, где я родился, это не село, а посёлок. Мои родители туда приехали по набору. Мать работала на лесосплаве, была даже депутатом Верховного совета Автономной Республики Коми. Я у неё, потом, удостоверение нашёл, с описанием всех льгот. При этом она ни разу, никогда из своего края не уезжала. Детей растила, но в декрете больше двух месяцев не бывала. Детьми потом бабка занималась. Всех вырастила, а у самой и пенсии не было.

Александр. А отец, кем работал?

Павел. Отец был активнее. Два года служил морпехом в Северной Корее, бывал в других местах. Помню фотографии, где он в костюме и шляпе.

Александр. Ты «самый коми» из всех этнофутуристов Республики Коми. А родился в пригороде Сыктывкара.

Павел. Так уж сложилось. Максаковка тогда была гораздо сильнее изолирована от города, чем сейчас. Когда я перебрался в Сыктывкар, это было для меня открытием нового пространства.

Александр. А какое культурное пространство показалось тебе наиболее комфортным?

Павел. Мне везде хорошо. Но помню, как легко и спокойно было в Эстонии, в Таллине, в 1990-е. Во время одной из поездок мне предложили расписать стенку 4,5 на 7,5 метров. Работы было много, я вставал рано и гулял по городу, по парку, по набережной один. Было смешно, когда позже приехала делегация из Удмуртии, они везде ходили только вместе.

Александр. Тут у тебя сверху висит ряд работ, которые я видел раньше только в репродукциях?

Павел. Да. Их задержали за границей по каким-то там бюрократическим основаниям. Много лет они находились где-то там. Всё это глупость какая-то.

Александр. В твоих работах много животных. Ты охотник и рыбак?

Павел. Не совсем. На рыбалку я ходил в детстве. При этом, лучшее место нередко оказывалось посредине реки во время сплава леса. Там, где стоял станок для связки брёвен в пучки, из которых потом формовали плоты. Не знаю, что там привлекало рыб: личинки, выпадающие из стволов, или что-то ещё. Мать как-то принесла домой стерлядь, которая выскочила на плот прямо перед ней.

Александр. Рыба в твоих работах часто совмещается с медведем.

Павел. На медведя ходил отец. Собственно хозяином медведя считался тот, кто зимой обнаружил берлогу. А отец был распределителем охоты. Определял, где кто должен стоять, что делать, в каком порядке. Помню, однажды отец принёс с охоты медвежью шкуру, он её вывесил на стене дома для просушки. Воспитательница в детском саду попросила меня отвести детей посмотреть. Как пришли, я сразу побежал к мамке, просил поесть, а они там охали. Я-то раньше уже насмотрелся.

Александр. Для тебя медведь что?

Павел. Он ловит рыбу. Он шествует по пространству Пармы. Он создаёт следы на снегу, на мху. Есть коми поговорка «Медведя знают все – медведь не знает никого».

Александр. Ты охотник?

Павел. Я поздний ребёнок. Охотником был мой отец. Страсть эту он передал моему старшему брату, который женился на сельской девушке, и уехал потом жить в село Скородум. Я побывал у него, когда мне исполнилось 12. Он сказал: давай строить лодку! И мы её построили. Потом гоняли по Вычегде.

Александр. Там был мотор?

Павел. Ну да! Он купил мотор, лодку оббили жестью.

Александр. В твоих работах много деревьев. Они образуют целую вселенную.

Павел. Деревья необычной формы окружали меня с детства, когда я гулял в лес,

вокруг Максаковки, спускался к Чёрному озеру, в котором нам запрещали купаться. Потом особые деревья предстали предо мной в железном лесу Корткероса, в необычном лесу Эжолты. В некоторых своих графиках и фотографиях я отобразил это ощущение, оформил его.

Александр. Дерево как модель мира?

Павел. Есть же понятие мирового древа? Вот эта картинка с уткой на вершине дерева и яйцами под его ветвями и корнями, оно выражает структуру мироздания, в любых его вариациях, в том числе, христианских...

Александр. А вот эта работа как называется?

Павел. Финно-угорское дерево.

Александр. То есть каждая ветвь и каждый плод обозначают народ?

Павел. Ну вроде того.

Александр. Твоё дерево динамично, при взгляде на него возникает иллюзия карусели.

Павел. Мир изменчив. Нет в нём гарантии безусловной стабильности.

Александр. Между образами твоих работ и на фоне их часто видятся некие «пляшущие человечки», напоминающие созвездия ночного неба.

Павел. В какой-то степени – это в самом деле звёзды или созвездия.

Александр. Тёмный фон твоих работ – это обозначение космоса?

Павел. Наверное. Мир имеет определённый порядок. Я не сочетаюсь с ним, но поэтому могу видеть его со стороны.

Александр. Этот порядок выражается математической, числовой организацией? В твоих работах значимая роль принадлежит числу?

Павел. Считать нужно всегда. Мои работы в основном симметричны. Главное значение имеет вычитывание не частей, но точек. Лучше всего семь или девять, но не всегда получается. Одна казанская исследовательница сказала, что я, по-видимому, медитирую. Действительно, иногда выпадаешь из времени, когда очнёшься – треть работы уже закончил. Я придумал специальный термин: «точкование». Каждая точка имеет свой смысл, а их сочетание выражает особенности моего стиля.

Обзоры. Рецензии.

Йӱлгинь Цыпанов, Ӗльӱш Рассыхаев

Коми «Юрган», кодлы юрган?

Ӗниӱ лыдпаса технологияяс сӧвмӧны зэв ӧдйӧ, такӧд ӧттшӧтш водзӧ паськалӧ телейитӧд, спутникъяс пыр ӧнӧ позьӧ видзӧдны лыдтӧм каналысь уна сюрс уджтас. Бӧръя воясӧ сыктывкарсяяс видзӧдӧны кабелия телевиденнӧ, а сэтсысь позьӧ ӧнӧ меддонтӧм, сӧдз шусяна социальной тариф серти видзӧдны тшӧтш Беларусьысь телеканал, а сӧдзжӧ Татарстанысь да Башкортостанысь сэтчӧс кывъяса лунчӧжся каналъяс. Майбыр жӧ Комиын олысь тотара-башкирлы: найӧ быд лун тӧдмалӧны ас кывйӧн вьлиторъяс, видзӧдӧны концерт-спектакъяс, оз ордӧчыны чужан мусыс да ас культура-сыс.

А мый позяс видзӧдны серпаскудйысь коми мортлы? Мый позяс кывны чужан кывъя сӧрниысь да сыланысь? Вочакывйыс гаптӧм: зэв этша дай медся лӧсвятӧм кадӧ.

Колӧ пасйыны, мый медводдза коми кывъя уджтасъяс юргисны нин Коми республикаса телевиденнӧын кольӧм нэмся квайтымынӧд воясӧ. Сӧйӧ кадсянныс унатор вежсис. Медлӧкыс сӧйӧ, мый «Коми гор» каналын, а ӧнӧ сӧйӧ федерацияса юкӧн, сетӧны сӧмын ӧтсыма юӧръяс да ӧткымын уджтас. Дерт, эм коми кывъя «Ас му вылын» уджтас, сӧмын асывнас ӧкмыс часнад зэв этша йӧз сӧйӧс видзӧдӧ. «Вести-Коми» юӧр сетан уджтас юргӧ комиӧн луннас витысь, но рытнас коми йӧз сӧйӧс оз кывлыны. А шуам, рочӧн юӧръяссӧ сетӧны сизимысь, рытнас кӧкъямысын дай войшӧр кадын.

Сы кындзи Коми республикалӧн эм 15 во сайын восьтӧм ас телеканал, весиг

коми ним гораа бӧрйисны – «Юрган». Сэни эськӧ и колӧ коми кывйыслы сӧвмыны да паськавны, гораа юргыны! Тадзи унаӧн мӧвпалисны тайӧ каналсӧ панӧгас дай сы бӧрын на, юӧртлисны ӧд: кутшӧмкӧ интеллектуальяс пӧ дасьтӧмаӧсь каналысь сӧдз шусяна концепция. Касьлысь тай вӧлӧма таысь! Сӧмын кӧсйӧмӧн ставыс и помасис. Тшӧкыда «Юрганнас» веськӧдлысьсӧ вежӧны, быд во вьл проектъяс сэни дасьтӧны, пычкысьӧны-сӧвмӧдчӧны, а коми кывъя уджтас юкӧныс век тайӧ акция-проектас оз пыравлы. Мый нӧ медся ӧна майшӧдлӧ тайӧ ас муывса каналсӧ серпаскудйысь видзӧдӧг?

Медводдза мытшӧдыс – коми кывъя уджтасыс этша. Лыддӧдлам комиссӧ: «Талун», «Вочакыв», «Миян йӧз», «Чолӧм, дзолук», «Сӧрни-басни», «Оланӧн», «Ме да Юрган», «Кӧсья тӧдны»; водзынсӧ вӧлӧ «Чоя-вока», «Шондӧбанӧй-олӧмӧй», мукӧддырйи комиӧн муно «Неполитическая кухня» уджтас (весигтӧ нимсӧ абу комиӧдӧмаӧсь). Рочӧн петӧны либӧ водзынсӧ петавлисны: «Время новостей», «Бремя новостей», «Время итогов», «Рабочий полдень», «Прогноз погоды», «Случай из практики», «Вопрос с пристрастием», «Наследие», «Телемагазин», «КРИК. Криминал и комментарии», «Личный приём», «Эконом-класс», «Такой большой малый бизнес», «Русский крест», «Лица истории», «Всё о занятости», «Запись в трудовой», «Старая кинолента», «Охота рыбачить», «Народная экспертиза», «Телезащитник», «Мужской клуб», «Большая семья», «Культурные люди»,

«Когда душа пуста», «Дорогая редакция», «Спортивная линия», «Открытое голо-сование», «Мультпарад», «Jam session», «Коми Incognito», «Экспедиция», «Персона» да с.в. Збыль коми уджтасыс сӧмын куим, «Шондӱбанӱй-олӱмӱйыс» петавлӱс шочиника, вежалунӱ, а «Сӱрни-басни» да «Оланӱн» зӱв дженьыдӱсӱ (3-4 минутыс абу кузьджыкӱсӱ), да найӱс весиг газетын йӱзӱдана вежонся телеуджтасыс торӱйӱнсӱ оз пасьявны. Тайӱ кык дженьыдик уджтасыс лыддӱмӱн коми уджтасыс 8, роч кывьяыс ӱна унджык – 30 сайӱ. Вельуньясӱ коми уджтасыслӱн юрган кадыс став «Юрган» каналсасыс 20 прӱчентыс абу унджык.

«Юрган» телеканаллӱн сайтын гижӱма, мый 40 сайӱ телеуджтасыс быд коймӱд лӱсьӱдӱма вужвойтырлӱн кыв вылын: «треть создаваемых на телеканале программ созданы на языке коренного населения Республики Коми. Сотрудники телеканала производят и выдают в эфир более 40 самостоятельных проектов...». Артыштны кӱ, 40-сыс 8 уджтасыд – ӱдва кӱ тайӱ «быд коймӱд!» Тайӱ сӧмын витӱд пайыс, 20%! Со миянлы, коми йӱзлы, лӱӱ паритетыс да мортлыс инӱдьяс пыдди пуктӱмыс.

Мӱд мытшӱдыс – став коми уджтасыслӱн юрган кадыс ичӱт, 15 минутыс абу кузьджык. Збыльысӱ и та мындасӱ унаыс оз юргы, ӱд зӱв тшӱкыда пыртӱны уджтас кадас тшӱтш реклама (бӱрьясӱ вежонся телеуджтасас оз пасыны, да позьӱ чайтны, быттьӱкӱ «Юрган» каналыс тайӱ дӱнзӱӱданторсыс мездысӱма нин). Оти сайын содтам татчӱ ӱтитор – унджык рекламасӱ сетӱны рочӱн. И мӱдарӱ: роч кывья уджтасысыс кӱтъ уна уджтас тшӱтш 15 минутыс абу кузьджык, эмӱс дыр юргана уджтасыс, шуам, «Рабочий полдень», «Время итогов», «Мужской клуб», «Jam session», «Персона» да мукӱд. «Время итогов» уджтас юргӱ

45 минут чӱж. Роч кыв дырджык юргӱ тшӱтш сы понда, мый быд весьлунӱ «Время новостейсӱ» сетӱны витыс, а «Талун» позьӱ видзӱдны сӱмын куимыс. Мыйла тадзи пайкӱны коми видзӱдысӱсӱ, морт оз висьтав.

Коймӱд-кӱ, – коми кывья телеуджтасысӱсӱ позьӱ видзӱдны медся лӱсвятӱм кадӱ. Позьӱ подулалӱмӱн чайтны, мый тайӱс вӱчӱмаӱс тӱдӱмӱн, мед этшаджык йӱз видзӱдӱс найӱс, медводз роч кывья гырыс чинаяс. Найӱс петкӱдлӱны водз асывнас 7 чассянь да водз рытнас 18-сянь 19 часӱдз («Талун», «Вочакыв», «Миян йӱз»). Гӱгӱрвоана, асывводзнас кызвын йӱзыслы некор видзӱдчынысӱ, а квайт рытнас абу на ставныс гортаныс, сиктын идрасыны на колӱ, пусыны да мый да. Челядьлы коми уджтасыс ӱвлӱ вежалунӱ куим часын, вильыс сӱйӱс петкӱдлӱны вильлунӱ 7 чассянь. Ыджыд телеменеджерьясыд, тыдалӱ, чайтӱны, мый коми челядьыс водз чечӱны да дзоргӱны-видзӱдӱны вильлун асылӱ «Чолӱм, дзӱлюк», сӱйны ни мунны налы некытчӱ оз ков. Роч кывья уджтасыс мунӱны медся бур кадӱ, прамтайм кадӱ, кор унджыкыс прӱстмӱны да пукалӱны-шойчӱны, луннас пажын кадӱ, рытнас сӱйӱм бӱрас сизим чассянь. Быдӱнлы окота тӱдны аския лун кежлӱ ывларусӱ (поводясӱ), зӱв дыр кад чӱж «Прогноз погодыыс» мыйлакӱ луннас некымыныс сӱмын рочӱн петавлӱс. Мыйла эз позь тшӱтш комиӱн висьтавны?

Нӱльӱд мытшӱдыс петӱ став видлалӱм куимсыс. Тайӱ коми уджтасыслӱн векныдик темаяса адасыс. И збыль, оз ӱмӱй ков коми вужвойтырлы ас чужан кывлыс юргӱмсӱ кылӱгтырӱи видзӱдны политика, спорт, дзоньвидзалун, оланпасьяс, криминал да уна мукӱдтор йылыс? Оз ӱмӱй ков лӱсьӱдны тшӱтш вежонся кывкӱрталан уджтас, концертъяс да спектакьяс, кызвыны коми гижысысӱс?

Мыйла ставсӧ тайӧс позьӧ кывны республикаын олысь роч кывъя йӧзлы? Тыдалӧ, найӧ выяджыкӧсь коми дорысь. Коми кывъя уджтасъяслӧн юӧртан ада-сыс вывтӧ жиб: республикаса юӧръяс («Талун»), торъя йӧз йылысь серпасъяс («Миян йӧз») да корӧмаяскӧд дженъидик воча сӧрнияс («Вочакыв»). Коми йӧз гажтӧма шмонитӧны, Пивкин Ӧльӧксан дорас пӧ кык коми морт и тӧрӧ: ӧти гӧсьт да ачыс нуӧдысьыс. Кутшӧм нин комиӧн ток-шоуяс йылысь сӧрни вермас та бӧрын лоны? Со и коми телевидениелӧн став ыджыд сӧвмӧнным.

Витӧд-кӧ, – роч да суйӧрсайса мультфильм, кинофильмъяс да мукӧд передача комиӧдӧмлӧн коланлун. Медводз окота тӧдмавны проект дасьтысьясыслысь, кодлӧн корӧм вылӧ найӧ мыджисны киноса комиӧдӧм водзын? Став помкаыс сыын, мый уна коми морт бура тӧдӧ роч кыв, и ковмас кӧ, вермасны видзӧдны роч кывъя мультфильм да кинофильмъяс, кывны тӧдса актӧръяслысь радейтана гӧлӧссӧ. Комиӧдӧм жӧ вариантыс, дерт, кодлыкӧ кажитчӧ, кодлыкӧ оз. Сӧмын мыйлакӧ абу «Юрганын» коми сылан-кывъяса клипъяс, оз юргыны кывбуръяс да дженъидик висътъяс, тешкывъяс, оз артмы видзӧдны коми спектакъяс. Мыйлакӧ татшӧмторсӧ позьӧ петкӧдлыны ас каналъясас тотара да башкир кывӧн Россия пасътала. Найӧ, тыдалӧ, кутшӧмкӧ мӧд Россияын олӧны да уджалӧны.

Ӧния кадӧ колӧны ашшӧр да выль уджтасъяс, кодъяс эськӧ вермасны пуктыны ыджыд пай коми культура сӧвмӧдӧмӧ. Шуам, фольклор да коми авторъяслӧн гижӧдъяс подув вылын дасьтӧм мультфильмъяс да кинофильмъяс. Вермам ӧти гижӧд вӧзйыны. Коми гижысь Елена Васильевна Козлова челядьлы гижлис «Гӧгыля-вугыля» повесът-мойд. Роч кыв вылӧ вуджӧдлис Елена Васильевна Габова. Дасьтыны кӧ повесът сертиыс мульт-

фильм – тайӧ лоӧ ыджыд воськолӧн коми культура кыпӧдӧмӧ. Уна мультфильм позьӧ дасьтыны Коми Республикаса нимйӧза гижысь Геннадий Анатольевич Юшковлӧн челядьлы гижӧдъяс серти, коми гижысь да мойдысь Сӧлӧ баб – Соломония Васильевна Пылаевалӧн гижӧдъяс серти. Мультфильм снимагысьяслысь сямсӧ вермасны пальӧдны и коми фольклор да мифологияысь сюжетъяс да геройяс – Кӧрт Айка, Тувӧ, Шыпича, и с.в. Но мыйлакӧ «Юрган» телеканал бӧрйӧма кокни да донтӧм туй – дасьсӧ вуджӧдӧ. Чайтам, татшӧм уджыс коми культуралысь донсӧ чинтӧ, миянӧс омӧльтӧ; петкӧдлӧ, мый коми сяммӧ сӧвмыны сӧмын роч вылӧ мыджысьӧмӧн, а комияслӧн ас ресурсыс ньӧти оз тырмы. А ӧд челядьлы дасьтӧм ас мультфильмъяс вермасны сетны коми кыв велӧдӧмлы содтӧд ру.

Квайтӧд омӧльтӧр – тшӧкыда «Юрганысь» уджтасъяссӧ пуктӧны ӧтуввезйӧ, телеканаллӧн сайтӧ: кодӧ эз удит урчитан кадӧ видзӧдны, вермас шыӧдчывны на дорӧ сӧрӧнджык. Но вӧлӧмкӧ, «Талун» коми уджтас ӧтуввезйӧ важӧн нин оз пуктыны, сӧк жӧ «Время новостей» роч кывъя телепередача дзик пыр жӧ сайтсыс позьӧ аддзыны. Оз-ӧ тадзи телеканал веськӧдлысьяс гӧгӧрвоӧдны миянлы, видзӧдысьяслы, коми кывлысь ковтӧмлунсӧ?

Нӧшта ӧти мытшӧд. Абу дзик гӧгӧрвоана, мыйла ни ӧти коми телепередача, выльторъяс кындзи, оз пет веськыд эфирын? «Юрганлӧн» сайтын гижӧма, мый ӧния кадӧ ставыс тырмӧ, медым уджавны телеэфирын: «В настоящее время, с вводом в эксплуатацию нового аппаратно-студийного комплекса, телевизионный канал обладает достаточным техническим и творческим потенциалом для успешной работы в телевизионном эфире Республики Коми, обеспечения своевременного освещения всех сторон

социально-экономической, культурной и политической жизни региона».

Водзынсö «Вочакыв» вöлі петö веськыд эфирын, видзöдысьяслы позис звöнитны да юасыны. Со и кыптö юалöм: мыйла татшöм позянлунсö йöзыслысь мырддисны?

Кöкъямысöд шензьöм. Коми Республикаса вужвойтырлөн шылада-драмаа театр пуктö коми спектакльяс. Тöдам, мый театрыс шыöдчылöма «Юрганö», вöййöма телеспектакльяссö, медым петкöдлыны телеканал пыр, но мыйлакö «Юрган» воча абу мунöма. А кутшöма эськö тайö воськолыс вöлі кивыв сиктсаяслы, кодъяс оз вермыны ордчыны керкагöгöрса уджыс да волыны Сыктывкарö видзöдны спектакль!

Окмысöд мытшöд – телеканалса уджалысьясöн коми кыв нормаяс дзугöм. Коми войтыр важöн нин казяліс, мый телеуджтас нуöдысьяс торкалöны гижöда кыв нормаяс. Та йылысь шензяна мöвпяснас йöзыс юксьöны восьсöн öтамöдыслы весиг газет пыр нин. Коми кыв туялысьяс босьтчисны жö туявны, кутшöм медшöр торкалöмъяс паныдасьлöны телеуджтасьясын, да воисны со татшöм медшöр кывкöртöдъясöдз:

– тележурналистъяс вöдитчöны небыд «р», «в» да «б» шыясöн, мый оз лöсяв коми сёрнили: «буквар» пыдди шуасны «букварь»;

– личкöмсö пуктöны оз медводдза кывпельö, кызди колö коми кывйын, а мöдлаö: «Сыктывкарын», «канцерт» «концерт» пыдди;

– рочысь пырöм кывъясöн ковтöг вöдитчöм, кöть чужан кывйын эм öтвесьтасьяс: «вевт» пыдди «крыша», «пусьысь» да «серпасалысь» пыдди «пöвар» да «художник»;

– коми иннимъяс пыдди роч кывъясöн печласöм: «Эжва» пыдди «Вычегда», «Емва» пыдди «Вымь»;

– оз комиöдны ютыр, öтмунöм, орден да медаль нимъяс: «Гöрд кодзув» орден пыдди шуасны «Краснöй Звезда», «Енбиа челядь» уджтас юкöд» пыдди «Одарённые дети»» подпрограмма;

– уна лыда «-яс» суффикс ковтöг пысалöм: «уна лыда премия» пыдди «уна лыда премияс»;

– «-лөн» суффикс быдлаö йитöм: «университетса ректор» пыдди «университетлөн ректор»; «туристъяслөн котыр» пыдди «турист котыр»;

– ньöти оз пыртны II колян када кадыкывъяс, весигтö неминуча да бишог йылысь юöртан сёрникузясын: Кулöмдін районса неважөнся неминучаын кык морт пöгибнитіс, куимöн ёна доймалісны (бытьтöкö журналистыс сулöма тайö неминучасö);

– кывбöрьясöн кужтöг вöдитчöм: «Ас муын» пыдди «Ас му вылын»; «волейболысь первенство» пыдди «волейбол кузя первенство»; «стенын öшалö» пыдди «стен вылын öшалö»;

– кыв пöрадок торкöм: «Войвыв кодзув» журнал» пыдди «журнал “Войвыв кодзув”»;

– вывті сьöктöдöм синтаксиса тэчасьяс пыртöны: Аттьö, мый волінныд миян дорö («Вочакыв») Аттьö волöмсьыныд! пыдди.

Тшöкыда коми кыв торкалöмъяс тыдовтчöны сідзжö титръясысь. Найöс тэрмасьöмөн веськыда вуджöдöны рочысь да мукöддырийыс роч оригинал тöдтöгыд коми морт матö немтор оз гöгöрво, шуам, тавося уджтасьясысь казялöма лои со татшöм титръяс: «Кöр вылын ордйысьöмъяс помалісны ордйысьöмъяс», «Личный приёмлөн» йöлöга». Бöрьяслөн юöрыс коми кывъя йöзлы дзикöдз лöсявтöм.

Тані лои индöма сöмын медшöр кыв дзуган шыбöльяс. Та йылысь унджык поэтьö лыддыны тайö гижöд дасьтысья-

сысь ӧтиӧн гижӧм торъя уджысь (Цыпанов 2015).

Мытшӧдъяс лыддьӧдлӧм бӧрын гӧгӧрвоана ӧтигор: канал пансьӧмсяныс коми кывъя уджтас дасьтӧмсӧ пуктӧмаӧсь тӧдчӧтӧмтор пыдди, сетӧмаӧсь неуна эфир кад мода вылас, ӧвтыштчигмоз. Татшӧм туйтӧм и вӧлӧма, тӧдӧмысь, каналса концепцияыс водзяныыс. Дзоньнас юӧр сетан политикасӧ миян республикаса ас каналсаяс веськӧдӧмаӧсь сы вылӧ, медым тырвуйӧ могмӧдны медводз роч кывъя йӧзлысь корӧмъяссӧ (на лыдӧ пырӧ матӧ став ӧнӧя веськӧдлан котырыс). Коми йӧзлысь юӧр тӧдмалан корӧмъяссӧ канал тырвуйӧ оз могмӧд. Тадзи торкӧны Каналан кывъяс йылысь оланпассӧ, сылысь мӧд статтясӧ. Сэни гижӧма: коми да роч каналан кывъяс Коми республикаын бергалӧны ӧткодь тшупӧдын. Быдӧн аддзӧ тайӧ тшупӧдсӧ «Юрган» телеканалӧ видзӧдлӧг. Дай коми журналистыс сэни лыда. Кывкӧртӧдыс таысь вермас лоны

ӧти – колӧ вежны сэтчӧс веськӧдлан нырвизьсӧ да пуктыны коми уджтас вӧчӧмсӧ роч кывъякӧд ӧти тшупӧдӧ. Эм мӧд туй, ӧна бурджык: Татарстан, Башкортостан моз панны сӧмын коми кывъя канал, мед кӧть и абу лунтыр юрганаӧс да нимтыны сийӧс «Коми юрган». Эм, дерт, и коймӧд туй, медся гажтӧмыс: немтор каналас оз вежсьы. Республикаса айясысь кодкӧ вӧрзяс оз мыйкӧ вӧчны?

Чужан муын кыкнан телеканалыс – «Коми гор» да «Юрган» – коми нимаӧсь, да таысь нимкодъ. Уджалысьясыс зильӧны-дасьтӧны коми кывъя уджтасьяс. И миян мог – абу дивитны-янӧдны, а индыны артмӧм мытшӧдъяссӧ, и ковмас кӧ, отсавны разны найӧс ӧтвылысь, петкӧдлыны уджӧертъяснымлы водзӧ сӧвман туйяс.

ЛИТЕРАТУРА

Цыпанов Е.А. Нарушения норм литературного языка в текстах комиязычных СМИ в аспекте лингвофутурологии. Сыктывкар, 2105. 56 с.

Форма УТВЕРЖДЕНА
приказом Министерства массовых коммуникаций,
информатизации и связи Республики Коми
от «29» февраля 2016г. № 102-од
(приложение № 1)

УТВЕРЖДЕН
наблюдательным советом
автономного учреждения Республики Коми
«Редакция журнала «Арт»
(протокол заседания наблюдательного совета
автономного учреждения Республики Коми
«Редакция журнала «Арт»)

от « 31 » марта 2016 г. № 1

Председатель наблюдательного совета
автономного учреждения Республики Коми
«Редакция журнала «Арт»

Дрифт В. А. / Дрифт
(Ф.И.О.) (подпись)

Автономное учреждение Республики Коми «Редакция журнала «Арт»
(наименование государственного автономного учреждения Республики Коми
- составителя Отчета)

ОТЧЕТ

о деятельности государственного автономного учреждения Республики Коми,
в отношении которого функции и полномочия учредителя осуществляет
Министерство массовых коммуникаций, информатизации и связи Республики Коми, и об
использовании закрепленного за ним государственного имущества
за 2015 год

составлен «24» марта 2016 г.

Учредитель:	Правительство Республики Коми
Государственный орган, осуществляющий функции учредителя:	Министерство массовых коммуникаций, информатизации и связи Республики Коми
Юридический адрес учреждения:	167982, Республика Коми, г.Сыктывкар, ул.Карла Маркса, д.229
Адреса фактического местонахождения:	167982, Республика Коми, г.Сыктывкар, ул.Карла Маркса, д.229
ИНН	1101485466
КПП	110101001
ОГРН	1031100403289
Ф.И.О. руководителя:	Новикова Нина Михайловна
Ф.И.О. главного бухгалтера:	Леончик Татьяна Васильевна
Руководитель учреждения:	/Новикова Н.М./ <u>НМ</u> (Ф.И.О.) (подпись)
Главный бухгалтер учреждения	/Леончик Т.В./ <u>ТВ</u> (Ф.И.О.) (подпись)
Исполнитель (составитель отчета)	/Леончик Т.В./ <u>ТВ</u> (Ф.И.О.) (подпись)
телефон исполнителя	8(8212)201499

РАЗДЕЛ 1 ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ									
Перечень основных видов деятельности, которые учреждение вправе осуществлять в соответствии с его учредительными документами									
Код по ОКВЭД									
22.13									
Перечень иных видов деятельности, не являющихся основными, которые учреждение вправе осуществлять в соответствии с его учредительными документами									
Код по ОКВЭД									
2.1									
74.4									
2.2. Рекламная деятельность									
74.84									
2.3. Предоставление прочих услуг									
Перечень документов, на основании которых учреждение осуществляет деятельность									
№ п/п	Наименование документа и вид разрешенной деятельности	Дата выдачи документа	Номер документа	Срок действия документа	Орган, выдавший документ	Серия и номер бланка документа			
3.1.	Свидетельство о государственной регистрации юридического лица	09.01.2003	2041100406235	Сроком не ограничена	ИФНС по г.Сыктывкару	11 №000148394			
3.2.	Разрешительные документы:								
3.2.1.	Свидетельство о регистрации средства массовой информации на распространение журнала	23.01.2009	007862		Федеральная служба по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций	ПИ № ФС77-35079			
3.3.	Разрешение на право оказания платных услуг	23.01.2009	007862		Федеральная служба по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций	ПИ № ФС77-35079			
Перечень услуг (работ), которые оказываются потребителям за плату в случаях, предусмотренных нормативными правовыми (правовыми) актами, с указанием потребителей указанных услуг (работ)									
№ п/п	Наименование услуги (работы)	Нормативное основание предоставления государственной услуги	Основание для взимания платы	Категория потребителей услуг (работ)					
4.1.	Издание и распространение журнала «Арт»	Устав, Приказ Агентства Республики Коми по печати массовых коммуникациями от 25.12.2014г. №188	Приказ от 11.09.2012г. №5	Физические и юридические лица					
4.2.	Издание и распространение поздического альманаха «Острова»	Устав, Соглашение от 12.08.2015г. №158-08/2015 о предоставлении за счет средств республиканского бюджета Республики Коми субсидии (гранта) в сфере средств массовой информации	Приказ от 20.10.2015г. №25	Физические и юридические лица					
4.3.	Издание и распространение открыток	Устав	Приказ от 09.06.2015г. №19/2	Физические и юридические лица					
4.4.	Размещение информационного материала в журнале	Устав	-	Юридическое лицо					
4.5.	Сайт «Ловля кая»	Устав, Соглашение от 12.08.2015г. №159-08/2015 о предоставлении за счет средств республиканского бюджета Республики Коми субсидии (гранта) в сфере средств массовой информации	-	Физические и юридические лица					
4.6.	Предоставление неисключительных прав на использование информационных материалов	Устав	-	Юридическое лицо					
Общее количество потребителей, пользовавшихся услугами (работами) учреждения									
п/п	Наименование услуги (работы)	Полностью бесплатно, ед.			Частично за плату, ед.			Полностью платно, ед.	
		за период, предшествующий отчетному	за отчетный период	за период, предшествующий отчетному	за отчетный период	за период, предшествующий отчетному	за отчетный период		
5.1.	Издание и распространение журнала «Арт»	108	208	-	-	4692	4501		
5.2.	Издание и распространение поздического альманаха «Острова»	-	154	-	-	-	80		
5.3.	Издание и распространение открыток	-	233	-	-	-	167		
5.4.	Размещение информационного материала в журнале	-	-	-	-	-	1		

9. Средняя заработная плата работников учреждения					
№ п/п	Наименование категории должностей персонала	На конец периода, предшествующего отчетному, руб.	На конец отчетного периода, руб.	Изменение (увеличение/уменьшение), руб.	Изменение (увеличение/уменьшение) в процентах
9.1.	Начисленная средняя оплата труда работников (в целом по учреждению с учетом оплаты труда внешних совместителей), всего (в руб.), в том числе по категориям работников:	133862,62	137223,49	+3360,87	2,51
9.1.1.	руководитель учреждения	28067,33	31400,62	+3333,29	11,87
9.1.2.	административно-управленческий персонал	105795,29	105822,87	+28,58	0,02
9.1.3.	обслуживающий персонал				
9.2.	Соотношение фонда оплаты труда руководителя к фонду оплаты труда всех работников учреждения (без учета фонда оплаты труда руководителя), в процентах	20,96	22,88	1,92	X
9.3.	Среднемесячная численность работников учреждения, чел.	7	7	-	-
10. Состав наблюдательного совета учреждения на дату составления отчета					
№ п/п	Наименование должности члена наблюдательного совета по основному месту работы	Фамилия	Имя	Отчество	
10.1.	Заместитель начальника отдела кадрового и административно-организационного обеспечения Министерства массовых коммуникаций, информатизации и связи Республики Коми	Мамина	Лилия	Васильевна	
10.2.	Главный специалист-эксперт отдела по работе с государственными имуществом Министерства Республики Коми имущественных и земельных отношений	Дрефс	Ольга	Александровна	
10.3.	Главный редактор АУ РК «Редакция журнала «Арт»	Лимеров	Павел	Федорович	
10.4.	Председатель попечительского совета АУ РК «Редакция журнала «Арт»	Логина	Татьяна	Ивановна	
10.5.	Редактор АУ РК «Редакция журнала «Арт», член правления Союза писателей Республики Коми, член союза журналистов Республики Коми	Бугуреев	Галина	Васильевна	
10.6.	Председатель Координационного совета КРОО «Ассоциация детских общественных объединений РК»	Андреев	Василий	Михайлович	

РАЗДЕЛ 2 РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ					
№ п/п	Наименование показателя	На конец периода, предшествующего отчетному, руб.	На конец отчетного периода, руб.	Изменение (увеличение/уменьшение), руб.	Изменение (увеличение/уменьшение), в процентах
1.	Балансовая (остаточная) стоимость нефинансовых активов	118,84	0	-	-
2.	Общая сумма выставленных требований в возмещение ущерба по недостачам и хищениям материальных ценностей, денежных средств, а также от порчи материальных ценностей	-	-	-	-
3.	Суммы доходов, полученных учреждением от оказания платных услуг (выполнения работ)	237000,00	273580,76	36580,76	15,43
4.	Сведения о дебиторской и кредиторской задолженности учреждения	На конец отчетного периода		Изменение (увеличение/уменьшение), в процентах	
№ п/п	Наименование показателя	Всего, руб.	в том числе: в том числе нерезальная к взысканию дебиторская задолженность (просроченная кредиторская задолженность), руб.	в том числе: в том числе нерезальная к взысканию дебиторская задолженность (просроченная кредиторская задолженность)	в том числе: в том числе нерезальная к взысканию дебиторская задолженность (просроченная кредиторская задолженность)
			Причины образования нерезальной к взысканию дебиторской задолженности (просроченная кредиторская задолженность)	Причины образования нерезальной к взысканию дебиторской задолженности (просроченная кредиторская задолженность)	Всего, %

4.1.	Дебиторская задолженность учреждения ВСЕО, в том числе в разрезе поступлений за счет средств.	25992,30	-	-	-9049,64	-	-	-	-
4.1.1.	бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	-	-	-	-	-	-	-	-
4.1.2.	бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	-	-	-	-	-	-	-	-
4.1.3.	бюджетных инвестиций	-	-	-	-	-	-	-	-
4.1.4.	средств от приносящей доход деятельности (собственных доходов учреждения)	25992,30	-	-	-9049,64	-	-	-	-
4.2.	Кредиторская задолженность ВСЕО, в том числе в разрезе выплат за счет средств:	164716,78	-	-	150314,71	-	-	-	-
4.2.1.	Бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	149241,03	-	-	140929,38	-	-	-	-
4.2.2.	бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	-	-	-	-	-	-	-	-
4.2.3.	бюджетных инвестиций	-	-	-	-	-	-	-	-
4.2.4.	средств от приносящей доход деятельности (собственных доходов учреждения)	15475,75	-	-	9385,33	-	-	-	-
5.	Количество жалоб потребителей в отчетном периоде и принятые по результатам их рассмотрения меры								
№ п/п	Категории жалоб	Количество жалоб потребителей, ед.			Принятые меры по результатам рассмотрения жалоб				
		Всего	в том числе:						
			Удовлетворенные, по которым приняты необходимые меры реагирования	неудовлетворенные в связи с их необоснованностью					
5.1.	По поводу неудовлетворительной организации или качества оказания потребителю услуги (выполнения работы) на бесплатной для потребителя основе	-	-	-	-				
5.2.	По поводу неудовлетворительной организации или качества оказания потребителю услуги (выполнения работы) на платной для потребителя основе	-	-	-	-				
6.	Суммы кассовых и плановых поступлений (с учетом возвратов) в разрезе поступлений и выплат (с учетом восстановленных кассовых выплат) в разрезе выплат, предусмотренных планом финансово-хозяйственной деятельности учреждения								
№ п/п	Наименование показателя	Единица измерения	Поступление средств (с учетом возвратов)	Выплаты средств (с учетом восстановленных кассовых выплат)					

	Плановое значение на отчетный период	Кассовое поступление за отчетный период	Кассовое значение на отчетный период	Плановое значение на отчетный период	Кассовые выплаты за отчетный период
6.1.	тыс. руб.	2582,7	2710,5	2710,5	2582,7
6.2.	тыс. руб.	400,0	400,0	400,0	400,0
6.3.	тыс. руб.	-	-	-	-
6.4.	тыс. руб.	290,2	290,2	301,6	301,6
7.	Цены (тарифы) на платные услуги (работы), оказываемые потребителям (в динамике в течение отчетного периода)				
№ п/п	Наименование услуги (работы)	Утвержденная руководителем учреждения цена (тариф) на платную услугу (работу) на начало отчетного периода, руб.	Утвержденная руководителем учреждения цена (тариф) на платную услугу (работу) на конец отчетного периода, в руб.	Изменение цены (тарифа), в процентах	Причины отклонений
7.1.	Издание и распространение журнала «Арт»	50,00	50,00	-	-
7.2.	Издание и распространение поэтического альманаха «Острова»	-	150,0	100	На начало отчетного периода данная услуга не предоставлялась
7.3.	Издание и распространение открыток	-	25,00	100	-
7.4.	Размещение информационного материала в журнале	-	30,00	100	-
7.5.	Предоставление неисключительных прав на использование информационных материалов	600,00	600,00	-	-
8.	Информация о выполнении государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) и об объеме финансового обеспечения государственного задания				
8.1.	Объем предоставленных (выполненных) государственных услуг (работ) и объем финансового обеспечения государственного задания за период, предшествующий отчетному				
№ п/п	Наименование государственной услуги (работы)	Объем предоставленных (выполненных) государственных услуг (работ) за период, предшествующий отчетному		Объем финансового обеспечения государственного задания за период, предшествующий отчетному, тыс. руб.	
		Значение показателя в соответствии с государственными заданиями (план)	Значение показателя в соответствии с государственными заданиями (факт)	план (по уточненному сопоставлению)	факт (кассовые расходы)
8.1.1.	Публикация в журнале «Арт» материалов, направленных на освещение реализации в Республике Коми социально значимых проектов ВСЕГО:	175	175	2615,2	2465,9
8.2.	Объем предоставленных (выполненных) государственных услуг (работ) и объем финансового обеспечения государственного задания за отчетный период				
N п/п	Наименование государственной услуги (работы)	Объем предоставленных (выполненных) государственных услуг (работ) за отчетный период		Объем финансового обеспечения государственного задания за отчетный период, тыс. руб.	

8.2.1.	Публикация в журнале «Арт» материалов, направленных на освещение реализации в Республике Коми социально значимых проектов ВСЕГО:	Полоса формата А3 x	175 x	175 x	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (план)	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (факт)	план (по уточненному соглашению)	2710,5 2710,5	факт (кассовые расходы)	2582,7 2582,7
9. Объем финансового обеспечения развития учреждения в установленном порядке (субсидия на иные цели)										
Объем финансового обеспечения развития учреждения в установленном порядке (субсидия на иные цели) за период, предшествующий отчетному										
№ п/п	Наименование мероприятия	Наименование показателя, единица измерения	Значение показателя (план)	Значение показателя (факт)	Значение показателя (факт)	Объем финансового обеспечения за период, предшествующий отчетному, тыс. руб.				
						план (по уточненному соглашению)	факт (кассовые расходы)			
9.1.1.	Создание материалов, направленных на пропаганду российской культуры (в виде отдельных приложений к журналу «Арт»)	шт.	4	4	4	150,0	150,0			
9.1.2.	Создание материалов, направленных на освещение деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, популяризации благотворительной деятельности и добровольчества ВСЕГО:	стр.	7	7	7	50,0	50,0			
9.2.	Объем финансового обеспечения развития учреждения в установленном порядке (субсидия на иные цели) за отчетный период	x	x	x	x	200,0	200,0			
Объем финансового обеспечения за отчетный период										
№ п/п	Наименование мероприятия	Наименование показателя, единица измерения	Значение показателя (план)	Значение показателя (факт)	Значение показателя (факт)	Объем финансового обеспечения за отчетный период, тыс. руб.				
						план (по уточненному соглашению)	факт (кассовые расходы)			
9.2.1.	Формирование и продвижение благоприятного имиджа Республики Коми, путем публикации в журнале «Арт» литературных, научно-популярных, художественных произведений, освещающих творчество деятелей культуры Республики Коми; публикации материалов, демонстрирующих положительный опыт Республики Коми в области продвижения и изучения коми языка.	публикаций	3	3	3	100,0	100,0			
9.2.2.	Создание материалов, направленных на поддержку мероприятий в рамках Года патриотизма в Республике Коми, которая включает в себя подготовку и публикацию в журнале «Арт» литературных, научно-популярных, художественных произведений, освещающих творчество деятелей культуры Республики Коми.	публикаций	9	9	9	100,0	100,0			
9.2.3.	Создание материалов, направленных на популяризацию произведений литераторов Республики Коми в рамках Года литературы в Российской Федерации, которая включает в себя создание литературного альманаха	Полосы экз.	192 1000	192 1000	192 1000	1000,0	1000,0			
9.2.4.	Создание материалов, направленных на популяризацию произведений литераторов Республики Коми в рамках Года литературы в Российской Федерации, которая включает в себя озвучивание 100 произведений на коми языке, создание общедоступного Интернет ресурса с озвученными произведениями ВСЕГО:	мин.	900	900	900	1000,0	1000,0			
		x	x	x	x	400,0	400,0			

10. Общая сумма прибыли учреждения после налогообложения в отчетном периоде, образовавшаяся в связи с оказанием учреждением частично платных и полностью платных услуг (работ)					
№ п/п	Наименование показателя	Сумма прибыли от оказания частично платных услуг (работ), тыс. руб.		Сумма прибыли от оказания полностью платных услуг (работ), тыс. руб.	
		за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	за год, предшествующий отчетному	за отчетный год
10.1.		-	-	-	-
ВСЕГО:					
11. Сведения о вкладах учреждения в уставные фонды (капиталы) других юридических лиц					
№ п/п	Наименование юридического лица, участником (учредителем) которого является учреждение	Величина доли (вклада) учреждения в уставном фонде (капитале) юридического лица, участником которого оно является, тыс. руб.		Величина дохода, полученного учреждением в отчетном периоде от деятельности юридического лица, участником (учредителем) которого оно является, тыс. руб.	
		за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	за год, предшествующий отчетному	за отчетный год
11.1.		-	-	-	-

РАЗДЕЛ 3 ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИМУЩЕСТВА, ЗАКРЕПЛЕННОГО ЗА УЧРЕЖДЕНИЕМ					
№ п/п	Наименование показателя	Единица измерения	Отчетные данные		
			на начало отчетного периода	на конец отчетного периода	
1.	Общая балансовая стоимость имущества учреждения (ВСЕГО), в том числе:	тыс. руб.	528,9	528,9	
1.1.	балансовая стоимость закрепленного за учреждением имущества (ВСЕГО), в том числе:	тыс. руб.	528,9	528,9	
1.1.1.	стоимость недвижимого имущества	тыс. руб.	221,5	221,5	
1.1.2.	стоимость особо ценного движимого имущества	тыс. руб.	88,5	88,5	
1.1.3.	стоимость иного движимого имущества	тыс. руб.	218,9	218,9	
2.	Количество объектов недвижимого имущества, закрепленных за учреждением (ВСЕГО), в том числе:	ед.	2	2	
2.1.	здания	ед.	-	-	
2.2.	строения	ед.	-	-	
2.3.	помещения	ед.	2	2	
3.	Общая площадь объектов недвижимого имущества, закрепленная за учреждением (ВСЕГО), в том числе:	кв.м	35,3	35,3	
3.1.	площадь недвижимого имущества, переданного в аренду	кв.м	-	-	
4.	Информация о недвижимом имуществе, переданном учреждением в аренду				
№ п/п	Наименование недвижимого имущества, переданного в аренду (согласно договору)	Наименование арендатора	Основание (дата и номер договора аренды/ срок действия договора)	Доходы, полученные учреждением от сдачи недвижимого имущества в аренду в отчетном периоде, тыс. руб.	
				за год, предшествующий отчетному	за отчетный год
4.1.	-	-	-	-	-
5.	Иные сведения (по решению учреждения)				
5.1.					

ART МАГ **2016**

www.artlad.ru

акция

**«ПОДАРОК
ЛЮБИМОМУ
УЧИТЕЛЮ!»**

+

**годовая подписка на журнал
«Арт» + альманах «Острова»**

Все подробности акции по телефону

8 (8212) 201-499

artkomi@mail.ru

СТОИМОСТЬ «ПОДАРКА»

350 р.-

ЖИВОЕКОМИСЛОВО.РФ

Ловъя кыв – это:

- более 200 произведений на коми языке;
- аудиозаписи работ таких известных авторов нашей республики, как **Нина Куратова, Каллистрат Жаков, Александра Мишарина, Василий Лыткин, Альберт Ванеев, Николай Щукин** и многих других;
- публикации и афиши о культурных событиях Республики Коми.

сайт **живоекомислово.рф** станет хорошим помощником при подготовке к уроку коми языка и позволит с пользой провести свободное время.

живоекомислово.рф

Скачайте приложение **QR-reader** на свой телефон – и получайте моментальный доступ к информации!

«Коми му» - 52042
 «Войвыв кодзув» - 73069
 «Чушканзі» - 73922
 «Йӧлӧга» - 52099
 «Би кинь» - 73924

В.А.Савин

«Олам
 Комиын -
 лыддысям
 комиӧн!»

Олег УЛЯШЕВ,
 фольклорист

Подписка на коми газеты и журналы

Наименование издания	Через почту (полгода)	Через редакцию (получать в магазине «Ордым» (полгода))	Электронная подписка (полгода)
«Коми му»	452,76 руб.	96 руб.	150 руб.
«Йӧлӧга»	321,78 руб.	84 руб.	150 руб.
«Би кинь»	150,42 руб.	84 руб.	150 руб.
«Чушканзі»	150,42 руб.	84 руб.	150 руб.
«Войвыв кодзув»	270,54 руб.	120 руб.	150 руб.
Комплект всех изданий	1345,86 руб.	456 руб.	600 руб.

Электронная подписка на газеты и журналы

1. Оплатить стоимость электронной подписки можно одним из следующих способов:
  - в кассе в магазина «Ордым» (г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229, Дом печати);
  - в любом банке (услуги банка оплачиваются дополнительно): для этого необходимо распечатать и предоставить в Банк образец платёжного поручения (на сайте kotimiu.com);
  - посредством онлайн переводов: необходимые данные (наши банковские реквизиты) есть в «Карте партнера» (на сайте kotimiu.com) (услуги банка оплачиваются дополнительно).
2. При оформлении электронной подписки необходимо указать следующую информацию: «Электронная подписка на **указать одно или несколько изданий, или весь комплект** на 2016 год / 1 полугодие 2016 года; электронный адрес, на который оформляется подписка; Ф.И.О. подписчика и контактный номер телефона (для связи)».
3. Выслать на следующий электронный адрес: smi-kotimiu@mail.ru сообщение примерно следующего содержания: **«ЭП «Войвыв кодзув»-2016 год, «Коми му»-2016 год; primer@mail.ru и приложить копию квитанции об оплате.** При возникновении вопросов и предложений звоните по следующему номеру 8(8212) 24-46-36 (бухгалтерия).